

ОТРАДА

А 131
36

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА,

ЖУРНАЛЬ 802-11
212

ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ
И
СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

НИКОЛАЕМЪ ГРЕЧЕМЪ

И

ЕВГЕНЕМЪ БУЛГАРИНЫМЪ

ЧАСТЬ СТО ВТОРАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. ГРЕЧА.

1825.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1825. № XIII.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СКРЫТНАЯ ЛЮБОВЬ.

ПОВѢСТЬ Г-ЖИ ПИХЛЕРЬ.

Президентша Альмштейнъ вошла въ комнату къ дочерямъ своимъ, и сказавъ, что на будущей недѣль званы оны на блестящій балъ къ ***скому Посланнику, положила на столъ нѣсколько книжекъ моднаго Журнала, съ которыми дѣвушкамъ должно было посовѣпшоваться о нарядахъ по сему случаю. Каролина, младшая, бросила потчасъ работу, подскочила къ столу, и съ большимъ любопытствомъ пересматривая рисунки, иное хвалила въ нихъ, другое находила смѣшнымъ, кое-что рѣшилась и выбрать. Безмолвно сидѣла подлѣ нее старшая сестра. „А ны что, Генриета?“ сказала Президентша съ нѣкоторою досадою: „Развѣ ны не рада?“

— „Вы знаете, милая машушка, что я не охотница до такихъ большихъ баловъ, и если бѣ вы мнѣ позволили....“

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. Санктпетербургъ, Іюня 23 дня 1825 года.

Цензоръ Статскій Советникъ и Кавалеръ
Александръ Красовскій.

, Не дома ли останешься? Пустое, сударыня! изволь вхашь. Знаю, что тебѣ ипнѣ охоты съ такимъ лицомъ являться въ свѣтъ подлѣ Каролины, но для пого-шо и должно тебѣ вхашь, и шакже хорошо одѣшься, какъ она. Я не хочу, и шакже хорошо говорили, буд-шо я дѣлаю различіе между своими дочерьми, и оставляю тебя дома, потому что ты дурна лицомъ.“

Она ушла. Ей хотѣлось доказать свѣту, что она не дѣлаешь никакого предпочтенія Каролинѣ, но свѣтъ не вѣрилъ ей. Съ малыхъ лѣтъ была Генріета въ немилости — заглавное, пренебреженное дитя, и Богъ знаетъ, что бы изъ нея вышло, если бы, лѣтъ за десять передъ тѣмъ, не взяла ее къ себѣ сестра Президентши, которая, оставшись вдовою и не имѣя собсвенныхъ дѣшей, жила уединенно въ деревнѣ.

Тамъ воспитывалась Генріета со всюо рачительностію, необходимою при образованіи дѣвушки. Тетка ея, превосходная женщина, имѣла самыя вѣрныя понятія о воспитаніи. Любя Генріету какъ дочь, она старалась замѣнить въ ней недоспашокъ наружныхъ прелестей полношою добрыхъ качествъ души, образованіемъ ума и сердца. Генріета знала сама, что лице ея слишкомъ непривлекательно; но въ деревнѣ, какъ пле-

мянница оипѣ всѣхъ уважаемой женщины, какъ дѣвушка, которая и по собсвеннымъ достоинствамъ была всѣми любима, могла ли она думать, чтобъ недоспашокъ красоты считался большимъ порокомъ, важнымъ препятствіемъ для достиженія въ свѣтъ уваженія и счастья? Тетка умерла, и Президентъ взялъ дочь къ себѣ. Тупъ съ горестнымъ чувствомъ увидѣла Генріета, какъ высоко цѣнился даръ природы, неимѣющей никакого вліянія на истинное достоинство наше. Никто не замѣчалъ ея, когда появлялась она съ прекрасною своею сестрою; никто не говорилъ съ нею. Опчужденная, униженная такимъ обращеніемъ — она не смѣла уже, или не хотѣла показывать преимуществъ ума своего, который бы можеть быть обращилъ на ея сторону лучшихъ людей, увлеченныхъ общимъ очарованіемъ. Суровое обращеніе Президентши довершало ту глубокую скорбь, которая часто заставляла ее оплакивать впайнѣ потерю несравненной тетки и проведенное у ней въ юности счастливое время.

Каролина, взлелынная любовью своихъ родителей, избалованная лестшо свѣтскихъ сродниковъ, умѣла однако сохранить въ себѣ доброту душевную. Она искренно предана была сестрѣ, но участвшо своей шакже не совсѣмъ была довольна. По волѣ отца и по

семеиспвеннымъ отношеніямъ, назначался ей женихъ — родственникъ, котораго она знала еще въ дѣтствѣ, а въ печеніе десяти послѣднихъ лѣтъ слыхала только, что онъ Маіоръ, прекрасный собою мужчина и славный воинъ. Каролина была не шакъ образована, чтобъ ей могло мечтаться счастье во взаимной склонности умовъ и сердець, но она пренепала при одной мысли, что ее заспаивать выпши за челоувѣка, который, можетъ быть, ей не понравился. Сестры плакали вмѣстѣ, утѣшали другъ друга, и это сблизало ихъ, дѣлало одну для другой почти необходимою.

Президентъ Альмштейнъ былъ послѣдній въ родѣ младшей линіи своего дома, которой спраннымъ случаемъ достались всѣ права и владѣнія старшей линіи. Его дѣдъ имѣлъ ошъ двухъ женъ двухъ сыновей, которыхъ онъ любилъ одинаково, какъ и матерей ихъ. Старшій пошелъ въ военную службу и долго оставался въ ней, сколько по склонности, столько же и пошолу, чтобъ быть подалѣе ошъ домашнихъ своихъ, съ которыми никогда не ладилъ. Служба доставила ему любовь и уваженіе, въ которыхъ опказывали ему дома; но собственному достоинству доспигъ онъ званія Генерала, но еще во цвѣтѣхъ лѣтъ и мужества, почувствовавъ разныя немощи

ошъ опасныхъ ранъ и шигостныхъ походовъ, шакъ, что разстроенное здоровье предвѣщало ему или раннюю смерть, или преждевременную спарость. О наслаженіяхъ супружеской жизни, о счастлиихъ имѣтьхъ дѣшей, онъ и не думалъ; и это побудило его мачиху подослать къ нему людей, которые, подъ видомъ дружбы, умѣли вкрасься въ его довѣренность, и уговорили наконецъ уступитъ все имѣніе младшему брату, для поддержанія Альмштейнова рода. Вскорѣ послѣ того умеръ опецъ, и младшій братъ вступилъ во владѣніе всѣхъ богатствъ, а Генералу осталось только одно помѣстье, гдѣ и поселился онъ, ведя скромную, покойную жизнь. Но это спокойшвіе и сельскій воздухъ шакъ много способствовали улучшенію здоровья его, что онъ какъ будто совсѣмъ переродился. Нашлась дѣвушка, которой красота и кропость цѣлняли его, и которая безъ штруда согласилась раздѣлять съ нимъ, при небольшомъ имуществѣ, житейскій радости и печали. Старшій сынъ его избралъ для себя военное поприще, наследственное ошъ отца; шакже и внукъ, шощъ самый Маіоръ, который назначень былъ для Каролины. Въ арміи пользовался уже Маіоръ значительною славою, и Президенту Альмштейну очень хотѣлось совершитъ союзъ, долженствовавшій соеди-

нись вновь объ семейственныя опрасли, и ввѣсти старшую опять въ обладаніе обширнымъ имѣніемъ, котораго она лишена была почти полстолѣтія.

Напрасно старалась Каролина отклонить отца своего отъ намѣреній, которые казались ей пагубными для ея счастья. Онъ былъ непоколебимъ, и съ такою заботливостію ожидалъ совершенія своего плана, какъ будто имѣлъ въ виду какія-либо тайныя причины, какъ будто бы собственное его спокойствіе отъ того зависло.

Время проходило. Къ концу осени Президентъ получалъ извѣстіе, что Маіоръ собирается взять отпускъ и пріѣхать въ столицу, познакомишься съ своей невѣстой. Молва ему предшествовала: въ обществахъ говорили о Маіорѣ, какъ о прекраснѣйшемъ, благороднѣйшемъ храбрѣйшемъ офицерѣ; много анекдотовъ рассказывали о его мужествѣ и великодушіи. Столичныя красавицы ждали его съ нетерпѣніемъ; хотя знали онъ, что рука его уже предназначена, но это не мешало имъ строить различные планы.

Между тѣмъ еще съ большимъ нетерпѣніемъ, какъ и естественнo, ожидали его невѣста и сестра ея; онъ одинъ былъ предметомъ ихъ тайныхъ, искреннихъ разговоровъ. Однажды, вечеромъ, у Президента была

многочисленное общество; вдругъ отворяются двери, и входящій молодой человекъ въ военномъ мундирѣ, съ орденомъ на груди. Прекрасное мужественное лице, благородная осанка и быстрый взоръ его были такъ привлекательны, что глаза всѣхъ, обратясь на него, невольно остановились. Съ непринужденностію, но скромно подошелъ онъ и подалъ письмо Президенту, который едва успѣлъ распечатать и взглянуть на подпись, какъ бросился обнимать молодого человека съ непритворною радостію, а потомъ спалъ рекомендовать его женѣ и всѣмъ гостямъ, какъ племянника своего, Маіора Альмштейна.

Каролина покраснѣла, увидѣвъ наконецъ человека, съ которымъ ей должно было соединиться неразрывными узами. Его появленіе не могло не понравиться, и взоръ ея обращался къ предмету общаго вниманія столь же часто, какъ и мать ея окидывала своимъ торжествующимъ взоромъ все собраніе, какъ будто желая сказать: „Смотришь на феникса, о которомъ такъ много возвѣщала молва, который еще болѣе общается своимъ присутствіемъ — онъ принадлежитъ прелестной моей Каролинѣ.“

И Генріетинъ взоръ къ нему обратился, и въ то же мгновеніе сильное чувство не-

шрисло всю ея внушрнность. Такимъ предшавляла она себь совершеннаго мужину! Въ подобныхъ чертахъ нерѣдко мечтался ей идеаль, составленный ея воображеніемъ! Она поблвднѣла, вспомнивъ, что онъ женихъ сеспры ея, и когда всь радостно пѣснились вокругъ него, она удалилась съ глубокою ранюю въ сердцѣ. Бывъ едва замѣчена имъ, она въ уединенной своей комнашѣ, бросила горесный взглядъ на зеркало — и слезы навернулись на глазахъ ея. Тутъ рвшилась она убѣгать опаснаго челоувѣка, сколько можешъ позволишь приличіе — чшобъ еще болѣе не углубишь спрѣлы въ свое сердце.

Вскорѣ сдѣлался Маіоръ домашнимъ въ кругу своихъ родственниковъ, и все, казалось, пошло по желанію. Лице Каролины привлекло его; неподдѣльная доброта ея ушвердила въ немъ искреннюю къ ней привязанность. Конечно замѣчалъ онъ въ ней недоспашокъ образованности, но по ея лѣпамъ могъ надѣяться, что успѣшь переработашъ въ ней многое, когда она будешъ его женою. Легкомысліе, издшняя склонность къ нарядамъ и къ развлеченію — такіе недоспашки, кошорые, какъ полагааль онъ, скоро исчезнушь, когда, узнавъ его хорошенько, найдешъ она пріипнѣйшую имъ замѣну въ любви къ нему и въ домашнемъ счасшій. Ему шакже не прави-

лось преждевременное назначеніе союза ихъ, но теперь онъ уже не думаль о шомъ; привыкъ счишашъ Каролину будущею спушницею своей жизни, и не чувствуя къ ней спрасспи, не полагая, чшобъ она была для него необходима, онъ былъ однако опъ души ей преданъ, и съ эшимъ чувствомъ надѣялся пройши пріипно поприще супружеской жизни.

Очень спраннымъ казалось ему обращеніе съ нимъ будущей его невѣспки. Изъ многихъ, крапкихъ разговоровъ, къ кошорымъ онъ долженъ былъ почти вынуждашъ ее, сдѣлалось для него ясно, что она имѣешъ несравненно болѣе ума, болѣе образованности, болѣе швердоспи въ характерѣ, нежели сеспра ея; чшо сказывала ему Каролина о добростѣ души ея, ушверждало въ немъ еще болѣе принятое хорошее о ней мнѣніе, и онъ весьма уважалъ ее, почти еще не знавши. Но сколько ни спарался, не могъ сблизишьса съ нею, — шакъ избѣгала она случая бышь съ нимъ вмѣспѣ, а особливо съ нимъ однимъ.

И родишели, замѣшвивъ спранность ея поступковъ, говорили о шомъ Генріешъ. Она умѣла, подъ разными предлогами, извинишь себя, и какъ ничто не могло перемѣнишь ея въ эшомъ отношеніи, шо родишели наконецъ спали думашъ, что она липаешъ

скрытную ненависть къ Маюру, или вообще къ предназначенному браку, пошому что Каролинъ давали большую часть имѣннй, а ей упрочена была шолько небольшая сумма денегъ.

Генриета очень оскорблялаъ такою несправедливою догадкою, но не старалась выводить изъ заблужденія. Она гошова была снести все, даже самую смерть, шолько бы не обнаружить несчастной страсти къ человеку, определенному для сестры ея и довольноному такимъ назначеніемъ. И Маюръ спалъ наконецъ предполагалъ въ ней тайное къ себѣ отвращеніе, и какъ въ подобныхъ обстоятельствѣхъ часто случаются разныя недоразумѣннй, по все они, а особливо намъки безразсудной матери, ушверждали его въ такомъ мнѣннй.

Срокъ оппуска, даннаго Маюру, кончился; надѣялись, что предстоющій походъ будешь послѣдній, а пошому и свадьба опложена была до мирнаго времени. Безъ горести, но съ истиннымъ умиленіемъ, просился онъ съ невштою, принялъ благословеніе родителей, нѣмой, но странно-выразительный поклонъ Генриеты, и уѣхалъ.

Каролина, лишась въ женихъ своемъ пріятнаго собесѣдника, сперва скучала, а пошомъ спала гошовить приданое, и это очень

ее заняло. Генриета, какъ и всегда, была опшмнно шиха; но съ шого времени и домъ, и весь свѣтъ какъ бы для нея опущѣли. Она пренепала при каждой вѣсти о войнѣ; газеты и ландкарты сдѣлались любимыми предметами ея занятій; она блѣднѣла, когда получалась письмо отъ Маюра, и примѣшно превожилась, когда не было писемъ долѣе обыкновеннаго. Родители, для которыхъ казалась она всегда непонятною, не понимали ее и въ этомъ случаѣ; называли ее странною, смѣшною; мало по малу привыкли къ этимъ странностямъ, и наконецъ опшавили ее въ покоѣ. Того шолько она и желала.

Весною Каролина занемогла; болѣзнь сдѣдалась очень значительна и усиливалась съ каждымъ часомъ. Генриета не опходила опъ ея посшели, не смотря на опасность заразиться, копорю грозилъ ей лекаръ. И въ пятый день, цвѣшущей счастливой Каролинѣ не спало. Генриета изывала опъ глубокой, грызущей горести, но за всемъ шѣмъ она же еще ушѣшала безопраднаго, угнетеннаго печалію опца. Опчаяніе матери при пошерь любимицы не имѣло мѣры, и повергло ее въ медлительную, но шѣмъ не мѣже опасную болѣзнь. Когда Маюру объявили объ этомъ несчастномъ случаѣ, онъ изывилъ письмомъ свое искреннѣйшее участіе

и печаль непрिवорную, но в письме не было и следа той тревоги чувств, какая должна происходить в молодом человеке, лишившемся любимой невесты.

Когда первое время скорби миновалось, Президент начал опять говорить о своем непреклонном намерении соединить оба опрасли фамилии. „У нас еще есть дочь;“ — примолвил он наконец: „Генриета может занять место Каролины, и таким образом соединится все имение и опойдетъ къ старшей линии.“ Это сказано было в ее присутствии. Огонь раздался вдруг по всем ее жилам; восхищение и шоска, надежда и уныние превозили в быстрой смене ее душу. „Ахъ, Боже мой!“ сказала Президентша съ глубокимъ вздохомъ: „Какая мина! Лия за Рахиль!“

Ударъ кинжала в грудь Генриеты былъ бы не столько для ней чувствительнень. Она задрожала и едва могла удержаться на месте. Не то, чтобы язвительное применение махери такъ оскорбило ее, но уверенность, что съ ее лицомъ нельзя бытъ супругою превосходнѣйшаго человека, не возбуждивъ насмѣшекъ и порицанія всего свѣта, которые наконецъ и его исполнили бы досады и раскаянiя — эта уверенность представлялась ясно душе ея, и сдѣлалась для нея

оправдою. Она дала себѣ клятву не посягать на жертву, которой вынуждали опъ него семейственные отношенiя — не посягать никогда, во что бы то ни спало.

Ея сопротивленiе не пособило. Написали къ Маюру о новомъ планѣ, и получили опвѣтъ, в которомъ онъ умѣлъ искуснымъ образомъ представить невозможность — думать такъ скоро о новомъ союзѣ послѣ потерн любимой невесты, и просилъ опсрочки. Тушь узнала Генриета, что знать ей было нужно, и мысль о томъ еще болѣе подкрѣпила ее рѣшимость.

Вскорѣ умерла мать ея, съ шоски о потерѣ незабвенной дочери, и Генриета уговорила опца, жившаго в столицѣ болѣе изъ угождения къ покойной женѣ своей, уѣхать в одну изъ деревень его. Здѣсь Генриета совершенно посвящала себя нѣжвѣйшимъ попеченiямъ о родителѣхъ, и Президентъ, который во время брака своего, в большемъ свѣтѣ, никогда не чувствовалъ истиннаго удовольствия, теперь только спалъ вполне имъ наслаждаться. Нервннтельность Маюра не огорчала его, потому что оставляла при немъ дочь, которой онъ позналъ всю цѣну. Но судьба не престаивала преслѣдовать несчастную Генриету. В позднюю осень Президентъ на охотѣ, которую любилъ спра-

ѣтно, упала съ лошади и полумертвый былъ привезенъ въ замокъ. Онъ уже не могъ владѣть языкомъ, но увидѣвъ дочь, собралъ послѣднія силы и знаками, шоксливыми взорами, обращенными къ письменному столу, спарался сообщить ей что-то, чего однако, при всѣхъ усиліяхъ, не могла она располоковать себѣ. Спустя нѣсколько часовъ онъ умеръ въ ея объятіяхъ, и оставилъ ее владѣлицею обширнѣйшаго имѣнія.

Долго не могла Генріета припннн въсебл опъ сполькихъ поперъ, свершившихся въ короткое время и оставившихъ ее одну въ мірѣ. Казалось, она сама не существовала ни для радостей, ни для малѣйшаго развлеченія. Но наконецъ всемоцная рука времени явила и надъ ней власть свою, давъ ей способность помышлять не объ однихъ только поразившихъ ее гореспяхъ. Первая забота ея была о томъ, чпобъ распоргнуть предложенный союзъ съ Маіоромъ, и предоставить ему полную свободу. Зная, что главнѣйшее желаніе отца ея состояло въ томъ, чпобъ возвратитъ имѣніе спаршей оспрасли, она придумала способъ опчастн исполнитъ волю родителл, но инымъ образомъ. Къ Маіору послала она письмо. Не скрывала опъ него, что ей извѣстна его къ ней малая склонность; предспавила ему, какія важныя усло-

віа полагаешь она необходимыми для *счастливаго* брака; просила его наконецъ избавитъ себя и ее опъ принужденности, и разрушитъ планъ, который не можешь сдѣлать ихъ счастливыми. Но, вмѣсто распоргаемаго союза, изъявила она живѣйшее желаніе заключитъ другой — просила считать ее сироту, чуждую для всѣхъ въ свѣтѣ, сестроу, и въ семъ предположеніи не опвергнуть раздѣла, наслѣдства, оставшагося ей послѣ родителл, какъ бы оно было для нихъ общее. Половину всего имѣнія предложила она ему съ такоу живостію искренняго чувства, съ такимъ радушіемъ, чшо только съ предубѣжденіемъ Маіора и съ дурнымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на него началомъ письма, можно было не видать шупъ ничего другаго, кромѣ сильнаго желанія опдѣлаться, во чшо бы ни спало, опъ предложеннаго брака.

Въ столѣ мрачномъ расположеніи духа, сълъ онъ немедленно писать опвѣтъ: предспавлялъ ей полную свободу распологать своєю рукоу, возвращалъ письма отца ея, опносяціяся къ сему предмету, и опвергъ рѣшително, даже съ негодованіемъ, предложение о раздѣлѣ наслѣдства.

Досада кипѣла въ немъ. . . Образъ его мыслей, всѣмъ извѣстный, его поведеніе могли служитъ доспачочнымъ доказатель-

ствомъ, что нельзя ставить его наравнѣ съ внутренниками, способными бросаться на женишбу, безъ добровольнаго согласія дѣвушки. Къ чему жъ всё это околичности? Къ чему сподъ великая жертва? Развѣ онъ дѣйствительно такъ несносенъ, такъ низко душою, что рады отдать половину огромнаго имѣнія, лишь только бы отъ него отвязаться?

Письмо огорчило Генриету, которой намеренія были чисты и неукоризненны. Но могла ли она и пусть не выдашь благородной гордости, принять души высокой, которая блистала изъ каждой строки? Съ уныніемъ помышляла она о превосходствѣ чловѣка, съ которымъ разлучало ее непреодолимое, какъ она называла, препятствіе. „Лія за Рахиль!“ отзывалось въ ушахъ ея, когда она увлекалась хопи малѣйшею приманкою обольстительной надежды, — и твердость рѣшимости опять раздалась въ ней мгновенно.

Когда пылъ негодованія миновался въ Маіорѣ, онъ взялъ опять письмо. Тутъ замѣнилъ онъ, чего не могъ замѣнить въ первомъ жару своей досады: прекрасный почеркъ письма и правильность, чистоту слога. Пошомъ спалъ онъ разбирашь и мысли: въ нихъ увидѣлъ по крайней мѣрѣ мало обыкновеннаго и не нашелъ неблагогоднаго. Онъ поставилъ

себя въ положеніе дѣвушки. Въ самомъ дѣлѣ, видно было что-то нѣжное, прекрасное въ ея дѣйствіяхъ, и что-то опмѣнно искреннее въ выраженіяхъ. Онъ не могъ опказать въ большомъ уваженіи пойдъ, которая такъ усильно проповивалась принадлежать ему.

Прошелъ цѣлый годъ послѣ смерти Президентна. Между штемъ Альмштейнѣмъ получилъ чинъ Полковника. Генриета имѣла о немъ извѣстія только случайно, или шайными пушями. Ей вздумалось сдѣлать перемѣну въ устройствѣ комнашь, и для шого потребовалось вынести мебель изъ кабинета опца ея, опсававшагося дошолъ неприкосновеннымъ, изъ нѣкотораго рода почтительности. Писъменный сподъ велѣла она поставить въ своей комнашь для собственнаго употребленія.

При этомъ случаѣ, съ горестію вспомнила она о непонятныхъ знакахъ, которые опецъ ея дѣлалъ въ послѣднія минуты своей жизни. Тогда же еще осматривала она сподъ внимательно, однако ничего не нашла. Теперь, когда спали переносить его на другое мѣсто, сдѣлался замѣтнымъ на споронѣ пошайной ящикъ, о существованіи котораго ей вовсе не приходило въ голову. Съ шайнымъ шрепешомъ опкрыла она ящикъ и нашла — старинныя бумаги въ оберпкѣ, надписанной

рукою отца ее. Она прочитала их. Как велико было ее изумление, ее испугъ, когда изъ бумагъ увидѣла она, что семейство ее неправильно владѣло имѣніемъ; что была позднѣйшая духовная ее прадеда, которою онъ уничтожилъ несправедливое оппнате наследство у старшаго сына и предоставлялъ ему все права его! Отецъ ее нашелъ эту духовную въ бумагахъ своего дѣда, котораго жена и младшій сынъ, вѣроятно, и не подозрѣвали ее существованія — иначе конечно бы уничтожили. Президентъ, воспитанный въ богатствѣ и излишествахъ, привыкшій къ тому съ малыхъ лѣтъ, не имѣлъ твердости отказать отъ своего имѣнія публичнымъ признаніемъ найденнаго завѣщанія; но мучимый въ послѣдствіи совѣстію, старался онъ устроить дѣло семейственнымъ союзомъ обѣихъ семействъ.

Тутъ поняла Генріета послѣдніе поскливые знаки отца своего, и сердце ее наполнилось тысячею чувствованій, голова — тысячею мыслей. Она сидѣла, какъ оглушенная, съ роковымъ листкомъ въ рукѣ. Но съ ее образомъ мыслей не могло возродиться сомнѣнія о томъ, что надлежало предпринять. Одно мгновеніе рѣшило ее. Не говоря никому ни слова о находкѣ, не открывая того даже опекуну своему, она собра-

лась потчасъ къ опъѣзду въ столицу, для свиданія съ Графинею Деницъ, сестрою Альмштейна, проводившею тамъ всегда зиму. Пріѣхавъ, опправилаь она прямо къ ней, и попросила призвать супруга ее, для объявленія важной семейственной тайны. Ему опдала она все найденныя бумаги съ просьбою, написать къ его шурина, чтобы онъ принялъ отъ нее все имѣніе, отъ котораго она опспуается.

Графъ и Графиня смотрѣли на Генріету въ немомъ изумленіи. Они не знали, чему болѣе удивляться, великости ли жертвы, или спокойствію и радущію, съ какими была она приносима. Наконецъ Графиня бросилась къ ней на шею: „И ты не помышляешь о томъ, благородная дѣвушка, что успуала все моему брату, сама останешься въ бѣдности? Развѣ ты не хочешь предложить никакихъ условій? Попроебу только — я знаю моего Адольфа, и увѣрена, что онъ на все согласится. Да и могъ ли бы онъ отказать, когда отъ себя зависѣло удержать все за собою?“ Генріета была въ сильномъ движеніи: благородная гордость, радость основать счастье любезнаго волновали пріятными впечатлѣніями грудь ее. Она заключила Графиню въ своихъ объятіяхъ и воскликнула со слезами: „Я счастлива, если братъ пвой воз-

метъ, что принадлежишь ему передъ Богомъ и передъ всякимъ справедливымъ судьей. Маленькое наследство, полученное мною отъ пепушки, для меня слишкомъ достаточно. " Еще старались уговорить ее молодые супруги; но твердость ея была непоколебима, и она просила сама, не медливъ посылкою къ Альмшшейну добрыхъ вѣстей.

Графъ потчасъ написалъ къ нему; Графиня уже не отпустила отъ себя Генриетты, на которую смотрѣла, какъ на Ангелакранителя, на существо высшее, принесшее благословеніе на домъ ея. Генриета находила уже нѣкоторое воздаяніе въ любви къ себѣ своихъ родственниковъ; но еще болѣе привлекало ее сходство Графини съ ея братомъ. Софія (такъ называлась Графиня) имѣла всѣ черты лица его, даже голосъ, отъ звуковъ котораго раждалась пріятнѣйшія воспоминанія въ душѣ Генриетты. Она чувствовала себя привлеченною къ ней, какъ бы какимъ очарованіемъ, и провела въ кругу родныхъ своихъ нѣсколько радостныхъ дней.

Между тѣмъ Полковникъ, по письму званія, изумлялся великодушію Генриетты. Не уступка имѣнія, копорымъ не съ полнымъ правомъ она владѣла, приводила его въ удивленіе — онъ чувствовалъ, что такъ должно было поступить, что онъ и самъ поступилъ

бы не иначе; — но онъ восхищался тѣмъ, съ какимъ благородствомъ умѣла она соединить это, съ какимъ безкорыстнымъ самоопроверженіемъ, съ какою довѣренностію къ роднымъ своимъ. Онъ припомнилъ себѣ прежній бытъ свой въ семействѣ Президентша, и ему казалось уже, что жизнь его съ Генриетою была бы счастливѣе, нежели съ Каролиною; онъ отыскалъ письмо, въ кошоромъ, просила она распортушь предположенный союзъ, и въ немъ увидѣлъ теперь многое, что тогда иначе ему казалось. Естественнo возродилось въ немъ желаніе ближе узнать Генриету; сердце его было свободно: почему жъ не возобновишь распортушаго союза, и такимъ образомъ оставишь благородную дѣвушку въ обладаніи богатствъ ея?

Онъ написалъ къ ней. Въ письмѣ отразался чувства нѣжнѣйшаго участія, самаго искренняго уваженія. Онъ не хотѣлъ принять имѣнія безъ условій; предлагалъ ей раздѣлъ, или — все, если она рѣшился, по желанію покойнаго родителя, соединишь съ нимъ судьбу свою.

Съ прешепомъ читала Генриета письмо; въ ней возбудилось чувство преданности къ Адольфу во всей его силѣ. Она размышляла — сомнѣвалась — восхищительная будущность предстала глазамъ ея. Но

вдругъ взоръ ея обратился къ зеркалу. „Лія за Рахиль!“ опоздалось въ ухахъ ея. Что будешь говорить свѣтъ, сравнивая лице ея съ прелестнымъ лицомъ Альмштейна? Устоятъ ли онъ самъ при шопотѣ свѣта? И могъ ли онъ сдѣлать это предложеніе по склонности? Нѣтъ! это одно великодушіе.— Такъ размышляла Генріета, подавая порывы сильно въспревоженного сердца. Она превозмогла себя и рѣшилась отказать. Чтобы только не казаться упрямой, просила она оставить ей помѣстье Рорбахъ, которое имѣло для нее особенную цѣну. Кромѣ прелестныхъ его окрестностей, привлекала ея близость разстоянія отъ Фешенберга, гдѣ сестра Альмштейна проводила большую часть года, гдѣ можно было чаще имѣть извѣстія о немъ самомъ, гдѣ она считала себя не столь отъ него отдаленною.

Отказъ Генріеты, сколь ни былъ онъ облеченъ кротостію, показался Альмштейну слишкомъ обиднымъ. Онъ не могъ иначе исполковать себя такого сильного сопротивленія, какъ отвлращеніемъ къ нему Генріеты, почти ненавистью, о которыхъ слышался онъ еще въ домѣ Президента. Кровь его кипѣла отъ досады; онъ хотѣлъ забыть спранныю дѣвушку, но не могъ не уважать ея. И это чувство неволь-

наго уваженія поставило ему въ священную обязанность заботиться о будущей ея участи. Къ сестрѣ своей послалъ онъ формальный судебный актъ, въ которомъ уступалъ Генріетѣ селеніе Рорбахъ со всеми принадлежностями, и сверхъ того бланковый вексель на имя своего банкира, съ усерднѣйшею просьбою, чтобы Генріета не отпреклась сдѣлать изъ него употребленіе. Не выпуская изъ мыслей и совершеннаго раздѣла имѣнія, онъ писалъ, что постарается какъ можно ускорить пріѣздъ свой, для личнаго съ нею объясненія.

Генріета чувствовала, съ какою холодностію написано было письмо Полковника, и полковала это по своимъ соображеніямъ. Радостно приняла она уступку Рорбахъ, — изорвала при глазахъ Софіи бланковый вексель до подписи Альмштейна, и спрятала бумагу на груди своей, для воспоминанія, какъ сказала она, о великодушныхъ его поступкахъ. Софія смотрѣла на нее внимательно, испытующимъ взоромъ. И предвѣтныя догадки вершались въ головѣ ея. Теперь сдѣлались онъ яснѣе и утвердительнѣе. Однако жъ не хотѣла она преждевременнымъ объясненіемъ пугать глубоко сокрытое чувство Генріеты.

Оставшись одна, Генріеша благословляла мыслъ, побудившую ее не принимашъ предложенія Альмштейна, великой жершвы его великодушія. „Онъ не любитъ меня! И какъ могъ бы любитъ? Онъ не знаетъ меня!“ восклицала она съ горешнымъ чувствомъ. „Нѣтъ во мнѣ ничего, что привлекаешъ мужчинъ, и только шомъ могъ бы найши во мнѣ что нибудь, кшо принялъ бы на себя шрудъ узнать меня покороче. Но Альмштейнъ далеко ошъ того!“

Еще недѣли двѣ оставалась она у Софіи. Пошомъ отправилась въ прежнее свое помѣшье, чтобы передать его управителю своего родственника. И шупъ сладостное чувство благодарности и умиленія оживило ея шокующую душу: ошъ управителя услышала она, что ему поручено только въ шакомъ случаѣ вспуниши въ права новаго владѣльца, когда она не сдѣлаешъ никакихъ требованій. Не взирая на увѣщанія опекуна своего, которому очень не нравилось все эпо слишкомъ *поспѣшное* великодушіе, она написала бумагу о шомъ, что требованій никакихъ не имѣешъ, передала все управителю и, черезъ нѣсколько дней, уѣхала въ Рорбахъ, съ одною честною офицерскою вдовою, взашю въ провожаншыл.

Какъ пріянно была она изумлена, когда шамъ встрѣтили ее, при выходѣ изъ кареты, Графъ Деницъ и его супруга, ея дорогие сосѣди! Но еще пріяшнѣшая нечаянность ожидала ее. Весь замокъ, по приказанію Альмштейна, убранъ былъ, сколько позволило короткое время, шакъ, чтобы ничего не недошпавало къ спокойшвию, къ удобшву, къ наслажденію новой его обиташельницы. Прекрасно ушпроенная библіотека, комната съ опличнѣйшими вешампами, другая съ превосходными музыкальными инструментами, оранжеря съ рѣдчайшими цвѣтами и распеніями — короче все, чѣмъ образованный умъ можетъ заняшся въ уединеніи, собрано было здѣсь не въ излишешствѣ, но по лучшему выбору. Графиня водила вездѣ Генріешу, которая не могла видѣшъ всего шого безъ пріяшрнаго умиленія. Радость блиспала во всѣхъ чертахъ лица ея; грудь ея высоко поднималась. „Скажи швоему брашу“ — воскликнула она наконецъ: — „какъ много доставилъ онъ мнѣ удовольствія, какъ радуешъ меня его подарокомъ и внимашельность ко мнѣ! Проси его приняшъ безмолвную благодарность шрошупаго сердца, въ возданіе добрости его!“

На шрешій день, Графъ и Софія уѣхали назадъ въ столицу, давъ обшпаніе скоро возвратишся въ Фешенбергъ, и начашъ сча-

сплавую жизнь въ обществѣ съ Генріею. Она же первое время посвящала тому, чтобы привыкнуть къ новому своему жилищу, представлявшему столь разнообразную пищу для ума и сердца, — чтобы насладиться пріятными воспоминаніями о чловѣкѣ, умѣвшемъ вознаграждать жертву ея сугубымъ великодушіемъ. Но вскорѣ добрая душа ея нашла важнѣйшія заанія въ улучшеніи участи поселянъ. Такъ прошелъ оспамокъ зимы, а весною любезные сосѣди ея возвратились въ Фестенбергъ. Почти ежедневно видался они, навѣщая другъ друга. Письма отъ Альмштейна изъ арміи сославляли эпохи въ мирномъ кругу добрыхъ людей, кошорые всѣ принимали въ немъ столь живое участіе.

Послѣднее письмо содержало въ себѣ чувства его наканунѣ большаго сраженія. Какая-то грусть водила перомъ его, какъ будто мрачныя предчувствія сопровождали душу. Въ безпокойствѣ, въ шоскливомъ неперывнѣи, ожидали вшоразго письма въ Фестенбергъ, а еще болѣе въ Рорбахъ, и — не дождались его. Публичныя листки извѣстили о выигранной битвѣ; между опличившимся всего болѣе, и тяжело ранеными, спояло его имя. Печаль глубокая, робкая зашпливосшь овладѣли Софіею — шоска не давала покоя Генріе-

тъ; ша и другая оспавались безвыходно въ своихъ жилищахъ, пишая свое уныніе. На шрешій день получено было письмо отъ Альмштейнова камердинера: „Полковникъ, своею неуспрашимостію и рѣшительностію полка своего, направилъ къ побѣдѣ почти пошерянное сраженіе. Бросаясь на нешрїятели передъ рядами своихъ кирасировъ, онъ разрѣзалъ его сомкнушый ешрой, расшросшранилъ между нимъ ужасъ и смяшеніе. Храбросшь солдашь оживлялась его примбромъ; гошовые къ побѣгу ошпанавливались, разсѣянныя собирались. Въ этой шревогъ сабельный ударъ поразилъ его въ голову; и шущь, не шзирая на рану, хошьль онъ дѣйшвовашь, какъ вдругъ другой ударъ низвергъ его съ лошади, и весь эскадронъ, незнавший о паденіи своего командира, шромчался по его шѣлу. Послѣ сраженія, подняли его замершво между шрупами, и хоши по ошсылкѣ письма, съ недѣлю послѣ битвы, оспавался онъ еще въ живыхъ, но было уже мало, или не оспавалось почти никакой надежды къ его спасенію.“

Горячія слезы лились въ Фестенбергъ и Рорбахъ, о случившемся несчастіи и угрожающей шосерѣ. Теперь только почувшвовала Генріеша, какъ дорогъ былъ для нее Адольфъ. Сильная скорбь разшпрошла ея здо-

ровье; она сдѣлалась опасно больна, и добрая Софія перзалась отъ опасеній за возлюбленнаго брата и за любезную подругу; но конечно не была бы она женщина, если бы не увидѣла изъ того ясно подтвержденія прежнихъ своихъ догадокъ, что Генріеша любитъ ея брата. Непонятнымъ для нее оставалось только, отъ чего Генріеша имѣла такое рѣшительное отвращеніе отъ замужства. Но какъ та старалась скрывать истинную причину своей болѣзни, то и Софія не могла насильно разорвать покровы тайны, споль непроницаемо скрывавшаго сердце ея подруги.

Прошло двѣ недѣли плача и горести. Наконецъ получено было еще письмо. Камердинеръ увѣдомлялъ Графиню, что хоть и есть уже надежда на жизнь Полковника, но что едва ли будетъ онъ когда нибудь совсѣмъ вылеченъ, потому что раны слишкомъ глубоки и опасны; а приномъ господинъ его такъ унылъ и мраченъ, какъ будто и самъ не желалъ должайшей жизни въ такихъ обстоятельствахъ.

Это письмо произвело въ друзьяхъ Адольфа смѣшенные чувства: главнѣйшее въ Генріешѣ было усиленіе любви ея къ нему. И въ спокойные дни часто мечталась ей образъ его, во всемъ блескѣ красота, муже-

ственной, ослѣпительной! Теперь ни одного мгновения безъ того не проходило — но всегда представлялся онъ блѣднымъ, больнымъ, унылымъ, и тѣмъ болѣе привлекательнымъ. Теперь спала она раскаявшись, что не приняла его предложенія; теперь было бы ей возможно достигнуть того, что всегда казалось ей достойнѣйшею цѣлью жизни ея — совершеннаго пожертвованія собою на услажденіе печальной его участи, на облегченіе тяжкаго бремени безоправданной души его. Красота его уже не была прелестью, и униженное сравненіе наружности перешло ее превознись: пощенія о спраждущемъ доставили бы ей счастье, какого не могла ожидать она прежде.

Такія чувства старалась она скрывать отъ родственниковъ Адольфа, принимая только видъ дружескаго участія; но Софія уже видѣла насквозь ея сердце, и въ тишинѣ спросила планы, не давая того никому замѣнить — планы, которыми надлежало употребить счастье всего семейства.

Мѣсяца два спустя, пришло письмо и отъ самаго Адольфа. Уже могъ онъ вставать, и на короткое время занимался чтеніемъ и письмомъ. Ранамъ его, какъ писалъ онъ, была оказана достаточная помощь, но послѣдствія ихъ будутъ оправою для всей его

жизни. Въ будущемъ представляются ему только мрачные, печальные виды; и если бы онъ не опасался сеспрѣ своей и всему ей дому быть несноснымъ бременемъ, то конечно ничего бы шакъ не желалъ, какъ пріѣхавъ осенью къ ней и ошашься, по конецъ своей жизни, въ кругу милыхъ родственниковъ, зная, что они только могутъ доставить ему нѣкоторое услажденіе и разсвѣніе.

Тотъ письма ошывался такою грустью, что Софія и мужъ ея сердечно были пронущы, а Генріета едва могла скрывать свои слезы. Графиня писала къ нему немедленно; просила его съ убѣдительностію любви и радушія, пріѣхавъ какъ можно скорѣе; увѣряла, что она и мужъ ея поставяшъ для себя священною обязанностію, сдѣлавъ жизнь для него пріятною, шакъ, что она заранѣе восхищается уже его прибытіемъ, какъ особеннымъ счастіемъ, полагая навѣрное, что и для него ошкроюшя болѣе радостныя надежды на будущее.

Онъ пріѣдешъ — Генріета опять увидитъ его — будешъ жить почти вмѣстѣ! Напрасно спаралась она ушшипить порывы потрясенной души своей: радость и неперпѣніе, страхъ и заботы попеременно волновали ее. Наконецъ наспушила весна. Послѣ многихъ писемъ, въ одномъ объявилъ АЛЕМ-

штейнъ о намврѣніи своемъ скоро отпра-
витья въ путь. Высокая душа подавляла
уже въ немъ, казалось, воспревоженное чув-
ство скорби ошъ спраданий шѣлесныхъ; онъ
былъ покойнѣе и перпѣливѣе въ перенесеніи
своихъ немощей.

Альмштейнъ звалъ, что Генріета жила
близко ошъ сеспрѣ его, и часто съ нею ви-
дѣлась, хотя Софія съ умысломъ, только из-
рѣдка упоминала о ней въ своихъ письмахъ.
Такая близость особы, въ которой полагалъ
онъ доказанное къ себѣ ошвращеніе, служила
для него горькою приправою къ ожидаемымъ
радостямъ; но съ перемѣною ошношеній и
при часномъ свиданіи, казалось ему, должна
была исчезнуть и принужденность, въ какой
всегда находплась съ нимъ его прѣжня не-
вѣста.

Военныя бури и бивачная жизнь не о-
хладили сердца Альмштейна. Съ приближе-
ніемъ къ Фешенбергу, когда красная кровля
замка появилась издали предъ глазами его,
вообразилъ онъ себя всѣ наслажденія ожи-
дающей его семейственной жизни — не шѣ
очаровапгальныя наслажденія, какихъ могъ бы
онъ надѣяться для себя, если бы не постигло
его несчастіе, но за всѣмъ шѣмъ весьма ра-
достныя для грустной души его. Онъ меч-
талъ уже, что въ объшіяхъ сеспрѣ и за-

пя, забудеть половину своихъ страданій. — Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Фесенберга, на возвышеніи, показалась и башня Рорбаха, а вскорѣ между деревьями спалъ промелькивать и спояцій на скапѣ бѣлый, оирятный замокъ. Тамъ жила спранная дѣвушка, которая хотѣла опадѣть половину имѣнія, чпобѣ только разорвать съ нимъ связи предполагавшагося брака.

Онъ погрузился въ размышленіе и догадки, какъ она его приметъ, какъ будетъ съ нимъ обходиться. Нѣсколько плановъ составилось въ головѣ его, чпобѣ вознаградить великодушную ея жертву, и заспавить ее принявъ участіе въ уснуленномъ имѣніи.

Между тѣмъ онъ подѣхалъ уже къ вѣдущей въ Фесенбергъ, липовой аллеѣ. Въ замкѣ давно уже видѣли его коляску. Софія, самъ Графъ, ихъ дѣти — всѣ бросились на встрѣчу съ радостными кликами. Полковникъ вышелъ изъ колески, заключилъ въ объятіяхъ своихъ сестру и всѣхъ попеременно, со слезами на глазахъ. Чувство родства, счастья видѣть себя любимымъ, сильно подѣйствовало на его умиленную душу, и радость блиспала во всѣхъ чертахъ лица его. Родные нашли въ немъ большую перемѣну, однако не такую, чпобѣ его нельзя было узнать, какъ онъ часто писалъ къ нимъ. Хотя

два большіе рубца, на лбу и на щекѣ, исказили прежнюю, высокую красосу его; хотя дѣвпущая краска исчезла съ лица; но оспались тѣ же большіе, исполненные жизни глаза, тѣ же прелестныя черты, благородная осанка и поступь, которую конспузія въ ногѣ сдѣлала только нѣсколько медлительнѣе. Въ головѣ Софіи потчасъ соспавился планъ. Какъ это было Воскресенье, то, ожидая пришельцевъ изъ Рорбаха къ обѣднѣ въ ея церковь, она всѣмъ въ своемъ домѣ запретила сказывать имъ о пріѣздѣ Полковника. Въ праздники обыкновенно собиралось къ ней нѣсколько сосѣдей къ столу, въ числѣ которыхъ всегда уже находилась и Генріета. Софія переговорила съ своимъ мужемъ, и назначила Полковнику его ролю. Она хотѣла дать ему случай чипать въ душѣ Генріеты, хотѣла увѣрить его, что къ нему питають по крайней мѣрѣ не *ненависть*. Когда карета заспучала на дворѣ, она напомнила объ условіи. Генріета вошла; Софія и другіе обспунили ея пакъ, что она не вдругъ могла замѣпить Полковника, о пріѣздѣ котораго и не воображала. Тутъ онъ подошелъ съ боку и заговорилъ съ нею. „Адольфъ!“ вскричала она въ испугѣ, и съ шрепешомъ положила руку на грудь свою. Онъ предспалъ ей. Дрожащая рука ея въ безмоавіи просперлась

къ нему — ни одного слова не могла она выговорить; но въ сверкающихъ глазахъ ея, въ слезахъ на нихъ наворачнувшихся, сіяла чистѣйшая радость, удивленіе любви, самой искренней. Крѣпко и долго держала она его руку. „Наконецъ мы опять увидѣлись!“ вырвалось изъ плачело поднимающейся груди ея, съ непритворною вѣжностію выраженія. Полковникъ былъ изумленъ. Такого пріема онъ никогда не чаялъ! Онъ самъ не вдругъ нашелся на слова; но потомъ спросилъ ее, узнала ли бы она его, когда бы не здѣсь съ нимъ встрѣчилась, и не онъ первый началъ говорить. „О, вездѣ!“ воскликнула Генріета: „между тысячею народа, во всякомъ мѣстѣ!“ — „Но я очень перемѣнилась?“ — сказала Полковникъ. — „Вы такъ много спрадали!“ прервала она пренециющимъ голосомъ: „Мы недѣли три считали васъ погибшимъ! О, какое горестное было это время!“

Она остановилась, чувствуя, что говорить сквозь слезы. Подошла Софія и прервала разговоръ, слишкомъ для обоихъ шагостный.

Къ столу повель Адольфа подъ руку Графъ Дениць. Генріета завидовала, что не можетъ оказать ему этой небольшой услуги. Среди общей, непринужденной веселости, кошорая не замедлила явиться на

свѣтлыхъ лицахъ и въ шумныхъ разговорахъ гостей, только двое не могли принудить себя принять въ помъ участіе: Полковникъ, но мрачному расположенію своего духа и по шмъ размышленіямъ, къ кошорымъ подало ему поводъ обращеніе Генріеты, и Генріета — въ кропкомъ умиленіи и радости неспособная къ громкому изъявленію чувствъ своихъ. Послѣ стола госпи развѣхались; остался одинъ Священникъ. Былъ холодный осенній вечеръ; Графъ предложилъ пойти въ кабинетъ Софіи, и тамъ посидѣть передъ пылающимъ въ каминѣ огонькомъ. Дамы взяли свою работу, мужчины свои трубки. Сверкающій, прескучій огонекъ и пріятная шедлопа располагали умы къ сладостной мечпательности, а души къ какой-то очаровательности чувствъ. Самъ Полковникъ сдѣдался разговорчивѣе; готовъ былъ, казалось, раскрыть предъ всѣми свое сердце. Запляръ о войнѣ, о рѣшительномъ сраженіи, кошорое чуть не стоило ему жизни. Онъ спалъ рассказывать, живость увлекала его; съ удивительною точностію изображала онъ чувства свои, когда говорилъ о поразившемъ его ударѣ — какъ упалъ онъ съ лошади и, еще въ полной памяти, почувствовалъ приближеніе къ себѣ скачущаго эскадрона. Генріета слушала съ живѣйшимъ соучастіемъ,

которое наконецъ дорого ей стоило. Полноша чувствъ подавила ее бодрость; она близка была къ обмороку: это заставило ее встать, чтобъ выйти изъ комнаты. Но и шутъ она зашаталась; Полковникъ, замѣшивъ, вскочилъ, чтобъ поддержать ее. „Боже мой! что съ вами сдѣлалось?“ спросилъ онъ въ безпокойствѣ. И Софія подбѣжала. Они оправили ее въ ближнюю комнату и посадили въ кресла. Полковникъ, держа ее за руку, спрашивалъ, что она чувствуетъ. Софія давала ей нюхать спиртъ. Наконецъ глубокій вздохъ вылетѣлъ изъ груди Генріеты. Мысль, что онъ живъ, что онъ держитъ ее за руку и опъ души о ней заботится, возвратила и ее къ памяти. Причиною своего обморока поставила она жаръ отъ камина, который былъ еще ей не въ привычку. Не смотря на просьбы ея, Полковникъ не хотѣлъ выйти изъ комнаты, пока не сказала она, что совершенно уже оправилась. Сильнѣе потрясенія души требовали для Генріеты четверти часа уединенія и покоя. Участіе, принятое въ ней Адольфомъ, было спасительнымъ балзамомъ для ея сердца. Не предполагая въ помъ и пѣни сердечной склонности, она была уже и пѣмъ счастлива, что между ними установилось, какъ ей казалось, спокойное соотношеніе безъ всякихъ недоразумѣній.

Но она ошибалась. Полковникъ былъ не совсѣмъ спокоенъ. Обращеніе съ нимъ Генріеты въ теченіе цѣлаго дня, и особенно первый приемъ слишкомъ противорѣчили съ пѣмъ отвращеніемъ, какое полагалъ онъ и нынѣ найши въ ней. Эти мысли занимали его, и дѣвушка, которая съ такою гордо-стію отвергла его, которой непридекапельная наружность была бы не въ состояніи наложить оковы на челоуѣка обыкновеннаго, стала возбуждать въ немъ большое вниманіе. Генріета возвратилась къ обществу и приняла непринужденно участіе въ разговорѣ; только Полковникъ былъ пѣхъ и задумчивъ. Разставаясь, онъ просилъ у нея позволенія посѣпить ее, и оно было дано ошъ души.

Альмишейнъ прѣхалъ къ ней на другое утро, и былъ принятъ по дружески. Она повела его по комнатамъ небольшого своего жилища, и показавъ все, чѣмъ обязана была ему, сказала, что считаешь себя счастливою, имѣя случай благодарить его въ помъ самомъ мѣстѣ, гдѣ все напоминаетъ ей о его добротѣ и отличной къ ней внимательности. Полковникъ былъ смущенъ; его шре-возмо спранный чувство спранныхъ между ними отношеній. Когда возвратились они въ гостиную, и Генріета хотѣла начать

равнодушный разговор, он прервал ее. „Извините!“ сказал он: „я давно желал объясниться с вами о наших обстоятельствах. Так не можете оставаться между нами долге. Если бы не разрушил моих планов несчастный случай, угрожавший моей жизни, то я нарочно бы выпросил себе отпуск и приехал, чтобы говорить о помъ с вами.“ Тутъ сказалъ онъ, что при болъзни своей и мрачномъ расположеніи духа, лишился надежды на семейственное счастье, и твердо рѣшился раздѣлить пополамъ свое имѣніе: одну половину завѣщать по духовной своему племяннику, а другую теперь же передать ей. При сихъ словахъ Полковника глаза Генріеты наполнились слезами. Ей спронуло не то, что онъ настаиваетъ въ великодушныхъ планахъ своихъ о раздѣлѣ имѣнія, но собственное его положеніе, мрачность его мыслей. „Этого не должны вы дѣлать!“ воскликнула она съ живостию и взяла его за руку. „Зачѣмъ такъ рано, такъ рѣшиительно отказываться отъ лучшихъ наслажденій жизни? Вы женитесь, найдете дѣвушку....“ — „О, въ этомъ я не сомнѣваюсь,“ — прервалъ ее Альмштейнъ: — „довольно найдете дѣвушекъ, чтобы захотѣть сдѣлаться моею женою, потомъ вдовою и владѣлицею моего имѣнія. Но, если бы я ко-

гда нибудь вздумалъ сдѣлать дурачество — женился, то жена моя была бы должна совершенно посвятить себя мнѣ и образу моей жизни; ей бы надобно было отказаться отъ свѣта и его радостей, сидѣть дома и дѣлать своего больного, а можете быть и совершенно равнаго мужа — быть для него въ этомъ уединеніи собесѣдницею, занимательною, душевно преданною ему подругою. Гдѣ найдете дѣвушку, которая могла бы рѣшиться на такую исполнскій подвигъ и была бы къ нему способна? Вы видите, что это невозможно. Тѣ, какихъ я могу найти, не составили бы моего счастья, а которые сдѣлали бы меня счастливымъ, шъ составлять себя лучшую партію.“ Генріета молчала; мысли ея были слишкомъ встревожены; минувшія надежды живо представились ей, но — она вздохнула, не отвѣчая.

Альмштейнъ опять повторилъ свое предложеніе, но рѣшительный отказъ показалъ твердую ея волю. Она приняла отъ него только драгоценности, принадлежавшія ей матери, и то, чтобы не слишкомъ оскорбить добрыхъ его намѣреній; впрочемъ обычала искренно, отъ всей души, прибѣгать къ его помощи, если будетъ имѣть какую нибудь нужду. Наконецъ онъ похвалъ отъ нея, въ подовину довольный, въ подовину

недовольный, однако съ твердою рѣшимостію короче узнать благородную дѣвушку.

За эшимъ дѣло не спало. Генріета пріѣзжала часто, можеть быть чаще, нежели прежде въ Феспенбергъ, откуда пакже къ ней ѣздили ея сосѣди. Полковникъ видалъ ее почти еженевно, и съ каждаымъ днемъ болѣе убѣждался въ превосходствѣ ея характера. Ея познанія подавали неспощимую матерію къ разговорамъ, ея шаланшы — (она играла на форшепьяно, и пѣла очень хорошо) занимали его пріятно; но гораздо болѣе нежели всѣ эти преимущества, привлекала его особенная ея къ нему внимательность. На прогулкѣ, не шоропилась она посѣщать за другими, но шихо шла подлѣ него; оставалась съ нимъ и шогда, когда другіе выходили на какой нибудь пригорокъ, куда Альмштейну шрудно было за ними слѣдовать — оставалась съ такимъ радостнымъ, дружескимъ въ немъ участіемъ, какъ бы это не составляло для нее никакой жертвы. Если дѣлались съ нимъ болѣзненные припадки отъ ранъ его, или впадалъ онъ въ мрачную свою меланхолію, Софія шощась посылала въ Рорбахъ. Генріета пріѣзжала, занимала его чтеніемъ, веселыми расказами, шушками, и если ничто не въ соспоаніи было развлечь его, шо садилась за форшопьяно, и прого-

няла мрачныя его мысли звукомъ спрунъ своихъ.

Медленно и незамѣтно слились въ одно ихъ согласныя души. Альмштейнъ пакъ прівыкъ быть съ Генріетой, что какъ будшо ему чего недоспавало, если она хопъ одинъ день не пріѣзжала въ Феспенбергъ — и онъ превожился, былъ безпокоенъ; оканчивалось шѣмъ, что онъ садился въ коляску и скакалъ къ ней. Уже почти не примѣчалъ онъ непривлекательности лица ея: быспрые, живые глаза и спройный спанъ часто казались ему въ ней замѣною всѣхъ красотъ міра. Софія съ удовольствіемъ, но безмолвно наблюдала поспешенно возраждающуюся въ немъ нѣжностъ, и мечпая о счастіи любимого брата, не хотѣла однако мѣшать дѣлу поспороннимъ вліаніемъ — все предостпавляла времени и любви.

Не могло скрыватьсь и отъ Генріеты внушренное къ ней влеченіе Адольфа; она чувствовала, какъ спановилась дорога для него, и мечпала, во сколько крашъ могла бы сдѣлаться еще дороже. Мысль, раздѣляя судьбу его, и раздѣляя, услаждать — посвяпашъ ему себя вполнѣ, живъ шолько для него, и всѣ его радости, веселостъ его считашъ *своимъ* дѣломъ, . наполняла душу ея сладостнымъ, невыразимымъ шрепешомъ. Но

чѣмъ болѣе она любила, тѣмъ болѣе возрадовалась въ ней опасеній. „Теперь предпочитаешь онъ тебя всѣмъ друзьямъ своимъ“ — говорила она часто самой себѣ: „онъ занявъ только тобою, оказываетъ тебѣ неприворотную внимательность, склонность, которая почти достигаетъ предѣловъ любви, но только что достигаетъ. Люби въ немъ дѣлать еще. И мудрено ли, что спраждающій, окруженный малымъ числомъ людей, находишь онъ оспраду принимая въ комъ нибудь особенное участіе? Но если поведешь онъ въ городъ, гдѣ его имѣніе, личныя достоинства, красота, еще и теперь не потухшая, привлекутъ къ нему лучшихъ женщинъ, готовыхъ на все, чтобы только ему понравиться — что тогда?“ —

„Онъ долженъ выдержанъ эту испытаніе, долженъ перенести эту бурю, если хочешь, чтобы я увидѣла въ немъ *любовь*, чтобы я могла надѣяться быть для него то, чѣмъ желаю — чтобы взаимное счастье наше было несомнѣнно.“

Такъ думала Генріета. Альмштейнъ, въ полномъ убѣжденіи, что ему нельзя жениться, думала только о настоящей минутѣ, и безъ испытанія чувствъ своихъ, самъ не зная всей ихъ силы. Между тѣмъ съ наступленіемъ зимы, Графъ Деницъ и жена его ста-

ли собираются въ городъ. Полковнику поже должно было вѣшать шуда по дѣламъ. Спаялись уговорить и Генріету. Альмштейнъ просилъ ее съ жаромъ, умоляя, наконецъ стала даже досадовать. Ничто не могло убѣдить ея. Сердце ея обливалось кровью при одной мысли о томъ, что она останется одна, безъ того, кто сдѣлался уже необходимымъ для ея счастья. Но она превозмогла себя, помышляя объ испытаніи, и въ своей привязанности къ уединенію, къ сельскимъ занятіямъ, находила довольно достаточный предлогъ. Альмштейнъ, огорченный отказомъ, оставилъ наконецъ свои просьбы, и Генріета не безъ удовольствія замѣчала, что съ тѣхъ поръ спалъ онъ казаться къ ней холодно, и даже несколько убѣгалъ ее.

Отказъ ея никакъ оскорбилъ Альмштейна, что все убѣжденіе въ ея совершенной къ нему преданности для него исчезло. Видя, что она предпочитаетъ уединеніе дружбѣ его, онъ началъ считать ее неспособною къ искренней, глубокой склонности.

Наконецъ назначенъ былъ день отъѣзда. Генріета проплакала передъ тѣмъ всю ночь, и пріѣхала на проводы къ своимъ родственникамъ въ такомъ грустномъ расположеніи духа, что немудрено было отгадать настоящую причину этой перемѣны. Но Альм-

ищейнъ, въ своемъ предубѣжденіи, шолковалъ все иначе. Пришли доложитъ Графу, что все гошова къ опѣзду. Генріета запрешала. Проспившись со всѣми, она пошла провожашъ ихъ съ лѣсницы. Тушъ Альмшпейнъ взялъ ее за руку. Онъ молчалъ, но видно было, до какой спешени онъ распроганъ. Генріета не могла удержашъ порыва своей чувствительности. Слезы градомъ покатились изъ глаза ея. „О, Адольфъ!“ воскликнула она, рыдая: „когда мы увидимся?“ — Онъ ошпановился и пошопрѣлъ на нее пристально. „Такъ вы жадаете увидѣшь меня скоро?“ спросилъ онъ такимъ шономъ, въ которомъ замѣтны были и нѣжность и горешъ выраженія. „Желаю ли? о Боже!“ вскричала Генріета, и рыданія заглушили ея голось. Это восклицаніе проникло въ его сердце; въ немъ увидѣлъ онъ порывъ сильнѣйшей любви, величайшей печали. Распроганный, восхищенный, онъ схватилъ ея руку и прижалъ къ ушамъ своимъ. „Я скоро возвращусь“ — примолвилъ онъ въ пылу своего восшорга: „очень скоро; можешъ бышь прежде, нежели вы думаете.“ — „О Адольфъ!“ произнесла она съ тихимъ плачемъ, склоня голову на плечо его: „какъ будешъ имѣть грушно въ уединеніи!“ Онъ поцѣловалъ ее въ чело, — она покраснѣла и запрешала. „Милая, любезная Ген-

риета! я скоро буду; я не могу жить безъ тебя.“ Въ это мгновение Графъ, который ждалъ уже нѣсколько минушь, сѣдя въ коляскѣ, кликнулъ своего шурина. Полковникъ пожалъ въ послѣдній разъ руку дѣвушки, оставилъ ее — и вскорѣ коляска засшучала подъ воршпами замка и по мосту.

Генріета спшала еще нѣсколько времени — погруженная въ уныніе, радосшь и безпредѣльную любовь. Пошомъ пошла медленно вверхъ по спуненямъ, сѣла въ опустѣлой компант на што мѣсто, гдѣ сиживалъ Адольфъ, и плакала до упоманія. Наконецъ встала, обошла еще разъ всѣ мѣста, которыми пишалось ея горешное восшоминаніе, просшлась съ ними, и пошомъ, въ гущомъ Декабрскомъ шумант, опшправилась въ уединенный свой замокъ.

Только одно чувство оживляло ея печальное уединеніе — надежда, почти увѣренность, что Адольфъ пишашъ къ ней болѣе, нежели дружештво; что онъ пишашъ къ ней истинную любовь. Но чѣмъ шадосшнѣе была для нее эта увѣренность, шѣмъ съ болѣшею шоскою помышляла она о приманкахъ столицы. Только письма, въ которыхъ онъ съ такимъ жаромъ говорилъ о минувшихъ наслажденіяхъ и, съ такимъ неперпнѣлемъ же-

галь свиданія, дбала для неї споснмъ ей пустынничешво.

Чшо она предвидла, шо и случилось. Лишь только появился Полковникъ въ общесвахъ, куда призывали его дбала и прежнїа знакомства, какъ со всѣхъ споронъ спали разставляла ему свѣи оболженїа. Много находил онъ женщинъ и двушекъ, ослабляющихъ красою, блистающихъ шаланшами, иногда обнаруживающихъ и лѣкопное добродуше, но нигдѣ, нигдѣ такой всегда равной веселости, такой крошкой доброты, и при оплчномъ образованїи, споль неспорченныхъ чувствъ, въ такомъ соединенїи, какъ у Генриешы. Каждый разъ возвращался онъ домой, болѣе и болѣе убѣжденный, что въ цѣломъ мїрѣ нѣтъ женщины, которая бы могла сдѣлать его такъ счастливымъ, какъ она; но чѣмъ живѣе было это убѣденїе, тѣмъ задумчивѣе онъ спановился. Софіа спала примчашъ за нимъ, и наконецъ успѣла вынудить отъ него признанїе въ чувстввахъ, какїа писалъ онъ къ Генриешъ; онъ сказалъ, что если бы она рѣшилась нынче принять его руку, шо даже и въ цвѣтїи его здоровья онъ не могъ имѣть такихъ утѣшительныхъ надеждъ, какїа опкрылись бы для него тогда. Софіа была душевно обрадована, и восхищенїе ея изобразилось на покра-

сѣвшихъ щекахъ, въ блистающемъ взорѣ. Брату ея показалась такая радость слишкомъ поспѣшною, но путь спала увѣрять его Софіа, что въ согласїи Генриешы нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнїа — она ободряла его, и предложила немедленно къ ней написать. Альмштейнъ хотѣлъ это сдѣлать, но послѣ рѣшился самъ ѣхать за приговоромъ своимъ. Это предпрїятїе было слишкомъ для него важно; онъ не могъ опложитъ его, и на другой же день собрался въ путь.

Прошло уже съ мѣсяць времени, какъ Генриеша жила въ своемъ уединенїи только воспоминанїемъ протекшаго счастья и невѣрными надеждами на будущее. Въ одинъ сумрачный вечеръ, когда туманы, носясь между обмажеными деревьями, спускались въ узкую долину, по которой вилась дорога въ Фесшенбергъ, сидѣла она у окна въ своемъ кабинетѣ, устремивъ печальные взоры во мглу, покрывающую окрестности. Вдругъ появились вдали подвижные огни; казалось, выходили они по дорогѣ изъ долины. Сперва подумала она, что поселяне возвращаются съ фонарями домой. Но спукъ колесъ вскорѣ ее разувѣрилъ — должна бытъ коляска — сладостное предчувствїе овладѣло ея сердцемъ — огни приближались, ихъ направлѣнїе было на холмъ, по дорогѣ къ замку; вошь ужъ у ворошь —

она узнала гербы своего дома — экипажь Альмштейна — это был онъ. Треница отъ внезапной радости, поспѣшила она выйти; въ залѣ встрѣшилъ ее Адольфъ съ распротертыми объятіями. Забывъ опасенія, забывъ планъ испытанія, съ крикомъ радости бросилась она на грудь его. Полноша чувствъ сдѣлала его нѣмымъ; безмолвно прижалъ онъ ее къ своему сердцу. Не прежде, какъ по минованіи радостнаго упоенія, когда сидѣли уже они покойно въ кабинетѣ, нашли оба слова, стали говорить, какъ горестна была для нихъ разлука, съ какимъ нетерпѣніемъ желали видѣть другъ друга, какъ наконецъ несносно стало Адольфу безъ нея оставаться въ городѣ. Мало по малу спалъ онъ однако молчаливѣе; казалось, что-то важное занимало его мысли. Генриета замѣтила это, и съ нѣжнымъ участіемъ спросила его. Подумавъ, сказалъ онъ: „Я долженъ вамъ сдѣлать важный вопросъ, и прошу васъ отвѣчать самую правду и совершенно искренно.“ Она обѣщала.

„Скажите, почему два раза отвергали вы мою руку? Какаѣ были причины тогдашняго ко мнѣ отверженія?“

— „Отверженія?“ сказала, покраснѣвъ Генриета, и не отвѣчая, опустила глаза въ землю.

Адольфъ повторилъ свой вопросъ и просьбу; — она призналась наконецъ, что поводомъ къ ея сопротивленію были: различіе въ наружномъ ихъ видѣ — его прежняя привязанность къ прекрасной сестрѣ ея — страхъ, отдавъ себя на посмѣяніе свѣту, подвергнуть его со временемъ раскаянію....

Альмштейнъ слушалъ ее безмолвно и угрюмо. „Такъ вы думаете“ — сказалъ онъ: — „что для счастливаго брака, нужна совершенная одинаковость обстоятельствъ? что ни въ какой чепь одинъ другому не можешь пожертвовать и малостью? что недолжно быть превосходства одного передъ другимъ даже въ сущей бездѣлицѣ?“

Въ понедѣльникъ Альмштейна было что-то отменно важное. — Генриета чувствовала, какъ трудно отвѣчать въ ея положеніи и, смущенная, не находила словъ. „Только истинная любовь“ — сказала она по нѣкоторомъ размышленіи: — „такая, которая не спрашивается жертвы, потому что для любимаго предмета ничто не почитается жертвою, все, напрошивъ, поставляетъ себя въ радость, въ наслажденіе — только такая любовь можешь уравнивать обстоятельства. Но такой не могла я ожидать отъ васъ.“

— „И вы способны такъ любить?“ — Въ голосъ его было что-то нетвердое, почти

препещущее. Онъ устремилъ на нее важный, испытующій взоръ.

Она впала еще въ большее смущеніе, чувствуя, съ какимъ внутреннимъ движеніемъ говорилъ онъ, — она посмотрѣла на него, и чрезъ вполнѣ взоръ ему бы должно было проникнуть въ ея, любви исполненное сердце — но для его напряженныхъ чувствъ недостаточно было взора. — Она пошупала глаза.

„Могли ли бы вы рѣшиться,“ стала она продолжать тѣмъ же угрюмымъ тономъ, пока не увлекла его чувствительностью: „могли ли бы вы рѣшиться принести безпредѣльную жертву, оказавшись опъ радостей юности, опъ радостей свѣта, и обречь себя человѣку — можешь быть даже въ послѣдствіи болѣзненному только одру безопраднаго, брюзгливаго человѣка, чѣмъ бышь для него всѣмъ, чѣмъ составишь все его счастье, чѣмъ возвысишь жизнь его до наслажденія величайшаго, до. . .“

„Я рѣшаюсь на все для тебя!“ воскликнула Генріета, и бросилась, рыдая, въ его объятія.

Альмштейнъ крѣпко прижалъ ее къ груди своей. Ея согласіе дѣлало его несказанно счастливымъ; но все еще не смѣлъ онъ предаться вполнѣ сладостному очарованію.

„Но испытывала ли ты себя, моя Генріета? Мы недавно еще знаемъ другъ друга; состраданіе, уваженіе обольщали много прекрасныхъ сердецъ, именно потому, что они были прекрасны. Любовь ли то, что ты хох мнѣ чувствуешь?“

Спанъ ея выпрямился, глаза засверкали; благородство мыслей его возвысило все существо ея. „Выслушай меня, Адольфъ — и тогда суди!“ сказала она: „Я полюбила тебя съ перваго свиданія, и спала убѣгать, потому что сердце мое слишкомъ спрдало въ швоемъ присутствіи; я отвергла твою руку, зная, что любить меня тогда ты не могъ. Я хохъла раздѣлиться съ тобою имѣніе для того, чѣмъ сдѣлать для себя все, что было въ моихъ силахъ, и въ другой разъ не приняла швоего предложенія, чувствуя, что ты дѣлаешь его только изъ великодушія. Но когда ты былъ израненъ, когда я знала, что тебѣ нужно участіе, попечительность вѣрнаго, любящаго себя существа, тогда поколебалась прежняя рѣшимость моя, и возродилось намѣреніе раздѣлять швою участь, для тебя жить, дѣлать все, что только позволишь слабыя силы мои. — Теперь суди, Адольфъ, приношу ли я тебѣ жертву, отдавая руку свою!“

Въ безмолвіи оны умиленія и воспоорга, повергся Адольфъ на грудь ея. Онъ былъ теперь убѣжденъ, что счастье доставляется сполько же ему, какъ и имъ самимъ, и черезъ нѣсколько недѣль добрая сестра, копорая пріѣхавъ, сообщила любящимся съ нѣкоплымъ родомъ шріумфа свои наблюденія и хвасталась своею проницательностью, ошпраздновала брачный союзъ счастливой чепы въ Фесценбергъ,

Ж.

II.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.

КАЦВАХСКОЕ СРАЖЕНІЕ 14 (н. с. 26) АВГУСТА
1813 ГОДА.

Наполеонъ, увѣряясь, что Блюхеръ всячески избѣгаетъ главнаго сраженія, и довольствуясь, что заставилъ сего полководца вспушить въ прежнюю его позицію, уже не колебался возвратиться въ Дрезденъ. Онъ взялъ съ собою Маршала Нея, и ввѣрилъ начальство надъ оставшимися на рѣкѣ Боберъ войсками (что есть, надъ шринадцатымъ, наинадцатымъ и одинадцатымъ корпусами

пѣхоты и вторымъ кавалеріи) Маршалу Макдональду. Генераль Сугамъ принялъ въ команду ошдѣльный, претій пѣхотный корпусъ.

12 (н. с. 24) Французы провели день у Кацбахъ: претій корпусъ, въ позиціи близъ Роткирха съ двумя башаліонами, въ Лигницѣ; пятый предъ Голдбергомъ, а одинадцатый, шакже и кавалеріа позади сего города.

Блюхеръ, вида, что на него не нападають, и что главная армія союзниковъ пришла въ движеніе, заключилъ, что Наполеонъ выѣхалъ въ Дрезденъ, и что нужно выслать нѣсколько ошрідовъ проптивъ сего города. Таковое соображеніе побудило Прускаго Генерала взять немедленно наступательныя мѣры, дабы воспользоваться ослабленіемъ Французскихъ войскъ и отсутствіемъ ихъ Главнокомандующаго. Корпусъ Генерала Сакена выступилъ къ Малишику, корпусъ Йорка остался въ Ауэръ, между шѣмъ какъ войска Графа Ланжерона заняли позицію Гевнердорфскую.

14 (н. с. 26) Августа, въ два часа по полудни, Блюхеръ двинулся со всеми силами на переправу чрезъ Кацбахъ, между Лигницемъ и Голдбергомъ. Полки Сакена и Йорка должнышповали напасть на претій корпусъ, между шѣмъ какъ Ланжеронъ, попянувшись

вверх по Кацбаху для удержанія пятаго и одиннадцатаго корпусовъ, которые, какъ полагалъ Блюхеръ, находились еще въ Голдбергъ, должныствоваль дойти до Праузница. Макдональдъ, съ своей стороны, также вознамѣрился атаковать въ тотъ же день. Онъ думалъ, что непріятель все еще споишь въ позиціи при Яуэръ. Пятому корпусу назначено идти чрезъ Зейхау и Геннерсдорфъ, а Генералу Пюто дано повелѣніе слѣдовать чрезъ Шонау (Schonau), и поворотишь тамъ по дорогѣ къ Яуэру. Третій корпусъ, перейдеъ прежде Кацбахъ у Лигница, долженъ былъ подступишь къ Яуэру, держась большой дороги чрезъ Нейдорфъ и Черниково (Tschernikau). Одиннадцатый корпусъ, переправясь чрезъ рѣчку въ бродъ около Шмоховица (Schmochovitz), получилъ приказаніе слѣдовать по тому же направленію, правымъ берегомъ Вюендъ-Нейсса, между тѣмъ, какъ конница Генерала Себастиани должныствовала сойтись съ пятымъ корпусомъ, идя вверхъ противоположащимъ берегомъ.

Дождь, въ продолженіе многихъ дней, наполнилъ всѣ ручьи и образовалъ множество потоковъ: сіе обстоятельство укрывало отъ обѣихъ армій взаимныя ихъ движенія. Выступивъ въ походъ, корпусъ Генерала Торка немедленно занялъ высоты Брекшелье-

гофа, а корпусъ Генерала Сакена мѣста у Эйхольца, между тѣмъ, какъ Блюхеръ былъ предварень, что Французская армія, перейдеъ Кацбахъ, стояла въ виду, и корпусъ Данжерона выдерживаетъ жестокое нападеніе Французовъ пятаго корпуса. Прусскій Генераль немедленно приготивился къ сраженію: колонны Сакена остановились позади долины, влѣвъ отъ Эйхольца, занявъ высоты сильною башшарею, вскорѣ за симъ подкрѣпленною Прусскою башшарею въ двѣнадцать пушекъ. Тогда было три часа по полудни. Макдональдъ, по числу войскъ, вступившихъ въ дѣло, полагая, что имѣлъ противъ себя всѣ непріятельскія силы, поспѣшилъ устроишь свои линіи. Одиннадцатый корпусъ развернулся между Вейнбергъ и Клейнъ-Тенцемъ; шретій корпусъ и кавалерія получили повелѣніе, вступишь какъ можно скорѣе въ линію; но Генераль Сугамъ, желая избгнущъ обхода изъ Ровкирха на Иренкендорфъ, повелъ шретій корпусъ чрезъ Кройчъ (Kroitsch) и Нидеръ-Крайнъ, и, столкнувшись въ первой деревнѣ съ помянушою нами конницею, которой указано было слѣдовать тою же самою дорогою, остался въ бездѣйствіи.

Правое крыло Французской арміи примыкало къ Вюендъ-Нейссу, а дѣвое совершенно

было открыто. Непритель, не теряя ни минуты, воспользовался сим невыгодным расположением: Генералъ Васильчиковъ, съ конницею Сакена и частию конницы корпуса Юрка, получилъ приказаніе ударить во фронтъ, нѣсколько въ право отъ Эйхольца, на крайнія колонны лѣваго фланга одинадцатаго корпуса, между тѣмъ, какъ два другіе кавалерійскіе полка, проскакавъ между Эйхольцемъ и Гогкирхомъ, примуть его во флангъ, а сильный отрядъ казаковъ, пробравшись за Клейнъ-Тенцемъ, зайдесть ему въ тылъ; корпусъ Юрка выпянулся въ то же время между Вейнбергомъ и Трибельвицемъ.

Россійская кавалерія сильно погрѣснила лѣвое крыло одинадцатаго корпуса; полки Генерала Себастьяни, прошедшіе длинную дѣлию отъ Кройча до Нидеръ-Крайна, заграждаемые артиллерією, обозами и пѣхотою прешьяго корпуса, подходили медленно и порознь, и произвели нѣсколько чашныхъ атакъ, кои непрительская кавалерія, превосходящая числомъ, съ выгодою отразила. Двѣ бригады прешьяго корпуса, выбравшись изъ Нидеръ-Крайна, напрасно покушались поддержать атаки Французской кавалеріи; пѣхота сія, также какъ и кавалерія, была смята и приведена въ разстройство въ самой тѣснотѣ, гдѣ Пруссаки овладѣли паркомъ одинадцатаго

пятаго корпуса и почти всѣми обозами. Макдональдъ оставалось ошойти только на Кацбахъ чрезъ бродъ Шмоховицкій, и скорѣе распорядить все къ отступленію. Одиннадцатый корпусъ, прижатый къ Кацбаху и Юпендъ-Нейсену корпусами Сакена и Юрка, которые безпрестанно усиливались, принужденъ былъ въ сумеркахъ выдерживать бой неровный. Около девяти часовъ вечера, объ дивизіи прешьяго корпуса, не бывшія въ огнѣ, предводимыя Начальникомъ шшаба сего же корпуса, перешли бродъ Шмоховицкій и взобрались на высоты надъ Кацбахомъ: съ ними было пятнадцать пушекъ, и Макдональдъ надѣялся, что симъ движеніемъ приобрететь нѣкоторую оцущипельную выгоду; но ожиданіе его скоро было уничтожено. Полки Генерала Сакена, находившіеся уже въ Швейницѣ (Schweinitz), бросились на колонну Генерала Тарера, опрокинули ее и принудили оставить поле сраженія съ великимъ урономъ. Въ продолженіе ночи, Маршалъ перевелъ армію свою на лѣвый берегъ Кацбаха, и отступилъ къ Бунцлау. Пятый корпусъ, послѣ жаркой битвы, и сильнаго сопротивленія цѣлому корпусу Ланжерона, въ безпорядкѣ обратился въ бѣгство чрезъ Празницю. На другой день 15 (н. с. 27) Августа, Ланжеронъ нагналъ его предъ воротами Голд-

берга: пѣсннмй непріателемъ, впрое мно-
гочисленнѣйшмй, Генераль Лорисшонъ, по
неимѣню при себѣ конницы, не могъ уже
протнвншься и продолжатъ отступленія, не
пожертвовавъ восемнадцати орудій, кон труд-
ность пупей заставила его кннуть. Того же
дня Ланжеронъ всунулъ въ Голдбергъ, и пя-
тый корпусъ прнблль предъ Лѣвенбергъ;
прннадцатый и одннадцатый корпусы при-
шли въ Бунцилау 16. Боберь до того налн-
ся дождями, что уже нельзя было перейти
черезъ оный въ семь послѣднемъ мѣсѣ. Мак-
дональдъ продолжалъ отступнать, сославнвъ
нзъ шретьяго корпуса, меньше прочнхъ по-
шерпвшаго, и конница Генерала Себастьяни
аррлергардъ, и 23 Августа (н. с. 4 Сентя-
бря) находился уже позади Забаперъ-Вассера.

Мы сказали, что въ день сраженія 14
(н. с. 26) Августа, Генераль Пюшо отря-
женъ былъ съ своею днвнзіею, черезъ Шонау и
Яуэръ, въ шль союзной арміи. Онъ прошелъ
онъ Шонау до Яуэра шлько преть пушн,
и находился въ Моху (Mochau), когда по-
лучнлъ нзвѣстне о потерѣ Кацбахскаго сра-
женія; прннужденный возвратншься по слѣ-
дамъ своимъ, сначала прнблнзился онъ къ
главной арміи подъ Голдбергомъ; но Генераль
Лорисшонъ не могъ долго держатъся, чтобы
дашь ему время прнсоеннться къ себѣ, ж

днвнзія сія отступила къ Гнршбергу, гдѣ
пщетно пыталась она перейти черезъ Бо-
беръ; мостъ былъ сорванъ, и Генераль Пюшо
вынужденнымъ нашелся плнуться вдоль пра-
ваго берега и опыскнвать переправу нже.
17 (н. с. 29) добрался онъ до Лѣвенберга и
безполезно прашнль время, старался воспита-
новнть мостъ въ семь городѣ. Наспнгну-
тый вскорѣ Генераломъ Ланжерономъ, онъ
успремнлся на Бунцилау, но было поздно; Ге-
нераль Рудзевнчъ овладѣлъ уже ведущею въ
сей городъ дорогою, и конница Генерала Кор-
фа, подкрѣпляемая пѣхотою Кнзя Щерба-
пова, ождала его на дорогѣ къ Цобшену
(Zobten), единственой, какая ему оставалась.
Французскій Генераль, видя себя окружен-
нымъ, прннлъ опчаянное намѣренне защи-
тншься: этого пребавалн опъ него его соб-
ственная слава и честь войскъ, ему внрен-
ныхъ. Онъ занялъ позицію на высотѣ Плаг-
внцкой, предъ Лѣвенбергомъ, и ождалъ не-
пріятеля съ твердостію. Днвнзія Француз-
ская, апакованная съ шрехъ сторонъ двумя
пѣхотнымн днвнзіями и многочисленною кон-
ницею, очень долго держалась съ невѣропн-
нымъ упорешвомъ; наконецъ, испратнвъ всѣ
снаряды и спѣшенная превосходешвомъ силъ,
была разбита и опрокинута въ Боберь. Гене-
раль Пюшо, съоднмъ нзъ бригадныхъ своихъ

Генераловъ, взявъ въ плѣнъ, и дивизія его почти въ конецъ истреблена.

Кацбахское сраженіе, истребленіе пятого корпуса и дивизіи Пюто стоить Французамъ десяти тысячъ человекъ убитыхъ и раненыхъ, пшнадцати тысячъ плѣнныхъ и тридцати пушекъ. Потери непріятеля долженствовала быть также значительна.

Блюхеръ съ своею арміею пробылъ въ Кацбахъ только 16^о (н. с. 28) число. 20 Августа (н. с. 1 Сентября) онъ переправился черезъ Боберъ, и 21 (н. с. 2 Сент.) уже находился въ Лаубанъ (Lauban).

Хотя Кацбахское сраженіе доставило Генералу Блюхеру пшшулъ Князя, но нельзя не замѣтить, что побѣда сія, имѣвшая столь пагубное вліяніе на военныя дѣйствія сего похода (Французовъ), была послѣдствіемъ двухъ ошибокъ, сдѣланныхъ Главнокомандующими обѣихъ непріязненныхъ армій. Мѣры Генерала Блюхера до 14 (н. с. 26) Августа безпрекословно достойны всякой похвалы; не такъ однако же дѣйствовала онъ въ день сего сраженія. Операционный планъ его совершенно составленъ былъ пропизвъ всѣхъ правилъ Военнаго Искусства; непосредственное сообщеніе Французской арміи съ другими корпусами, находящимися въ Саксоніи, очевидно могло быть вредно на пра-

вомъ ея крыль, споявшемъ у Голдберга; слѣдственно надлежало напасть на правое крыло, а не на лѣвое, какъ то сдѣлалъ Блюхеръ, сосредоточивъ всю свою армію влѣвъ опъ Вюгендъ-Нейсса. Нѣтъ сомнѣнія, что восемьдесятъ тысячъ человекъ, соединенныхъ въ сей почкъ, должны были разбить Французовъ, составлявшихъ правое крыло Макдональда, которыхъ число не превышало и сорока тысячъ воиновъ (*). Третій корпусъ, занимавшій Роткирхъ и Лигницъ, оставленъ былъ на произволь судьбы, ибо изъ Голдберга союзники могли опередить его на пути къ Бунцлау, и слѣдственно опрзавъ ему всякое општуленіе на Боберъ. Въ случаѣ неудачи, и даже, если бы Сакенъ вовсе былъ разбитъ и опшпененъ за Яуэръ, Главнокомандующій Прусскою арміею могъ безопасно општупить черезъ Шонау и Ландсгутъ, на Глацъ и Богемію. Впрочемъ, ошибка Блюхера замѣчена искреннѣйшими его приверженцами, и въ послѣдствіи признана имъ самимъ.

(*) Исчисленіе Французскаго Писателя; впрочемъ Военная Исторія представляетъ примѣры сохраненія въ подобныхъ случаяхъ малочисленной арміи и даже одержанныхъ ею побѣдъ надъ превосходнѣйшими числомъ непріятельскими войсками: судьба сражающихся едва ли не чаще рѣшился искусивомъ военачальниковъ.

Показавъ погрѣшности непріятельскаго Полководца, которому счастливый случай помогъ споль славно ихъ загладишь, умолчимъ ли о распоряженіяхъ, сдѣланныхъ Маршаломъ Макдональдомъ? По истинѣ, почти неудобопонятно, какимъ образомъ Маршалъ сей могъ споль неблаго разумно завести войска свои въ позицію, единственную, можеть бышь, на всемъ пространствѣ сорока миль, гдѣ надлежало ему, во что бы то ни стало, избѣгатьъ сраженія. По тѣмъ же самымъ причинамъ, кои должныствовали заставитьъ Блюхера дѣйствовать на лѣвомъ крылѣ, Макдональду всего лучше было начать дѣло на правомъ своемъ флангѣ. Выславъ нѣсколько опрядовъ на дорогу отъ Голдберга къ Яуэру, сей Маршалъ прикрылъ бы дѣйствующую свою линію, и могъ бы угрожать важнѣйшему сообщенію союзниковъ — лѣваго ихъ крыла съ Богеміею. Соединивъ пятый и одиннадцатый корпусы, и выступивъ чрезъ Праузицъ и Цейхау, онъ навѣрное принудилъ бы Ланжерона оставитьъ позицію Генерсдорфскую, не допустивъ Сакена и Юрка подкрѣпить сего Генерала. Генералъ Сугамъ притворными атаками занялъ бы на лѣвомъ берегу Вюендъ-Нейсса обѣихъ вышеназванныхъ Генераловъ. Съ ошущаемиемъ Ланжерона отъ Генерсдорфа,

правое крыло Французовъ свободно и быстро могло бы двинуться на Яуэръ, и тамъ перешли Вюендъ-Нейссъ. Тогда оспавалось бы Блюхеру думатьъ только о ретирадѣ, и съ поспѣшностію кинуться на правый берегъ Одера, потерявъ такимъ образомъ большую часть Силезіи и драгоцѣнное сообщеніе свое съ главною арміею Князя Шварценберга.

Если разсмапривашъ безъ предубѣждений распоряженія Маршала Макдональда, то неудачный выборъ мѣста для атаки не естъ единственная погрѣшность, въ коей можно по справедливости обвинять его. Разбросавъ на далекое разстояніе войско свое, онъ сдѣлалъ ошибку не менѣ важную. И подлинно, походъ прешняго корпуса по дорогѣ отъ Лигница въ Яуэръ и походъ дивизіи Пюшо чрезъ Шонау, въ пользу союзныхъ войскъ, бѣдственно ослабили собственныя его силы въ рѣшительнѣйшемъ пунктѣ, и не могли имѣть никакого вліянія на успѣхъ сраженія. Если наконецъ, по соображеніямъ его, и надлежало устремить главныя силы на Яуэръ правымъ берегомъ Вюендъ-Нейсса, то приличіе было бы соединить претій и одиннадцатый корпусы у брода Шмоховицкаго, и переправить ихъ вмѣстѣ. Тогда непріятель нашель бы его съ шестидесятью тысячами челоувѣкъ, и напискъ кавалеріи Василькова не

принесъ бы ни малѣйшей выгоды. Третьей корпусъ, стараясь выиграть потерянное время, въ назначенномъ ему походѣ, не былъ бы задержанъ съ кавалеріею въ пѣнины, гдѣ неприятель легко могъ упредить съ фронта, что и случилось. Но дѣйствуя совсѣмъ противнымъ образомъ, мы видимъ, что Макдональдъ бросился съ двѣнадцатью тысячами человекъ въ пѣсное мѣсто, отрѣзанное выступившими изъ береговъ рѣками, и гдѣ не оставалось ему другаго сообщенія, кромѣ покинушаго въ шлю малоудобнаго брода и одной дефилеи на правомъ его флангѣ. И такъ скажемъ откровенно, что если мѣры Генерала Блюхера не были самыя лучшія и не могли доставить ему победы, въ какомъ бы то ни было положеніи дѣла, то мѣры Маршала Макдональда еще и того хуже. Онъ необходимо располагали потерю Кацбахскаго сраженія, гдѣ столько Французовъ оспались жертвою упрямой своей неуспрашимости и неосмотрительности Главнокомандующаго (*).

Перевелъ съ Франц. Иванъ Бутовскій.

(* Кацбахское сраженіе сходствуетъ съ Иенскимъ, потому, что то и другое даны были въ операціонной линіи и въ сообщеніи съ корпусами, въ шлю находившимися.

Примл. Франц. Издателей.

Ш.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ПРЕДИСЛОВІЕ Г. ЛЕМОНТЕА КЪ ИЗДАНІЮ БАСЕНЬ КРЫЛОВА СЪ ФРАНЦУЗСКИМИ И ИТАЛІАНСКИМИ ПЕРЕВОДАМИ (*).

Охотники до рѣдкостей въ Словесности ревностно ошмыскиваютъ собраніе дѣвизовъ и мадригаловъ, составляющихъ такъ называемую гирланду Юліи, писанныхъ, въ честь дѣвицы Рамбулье, славнѣйшими изъ умниковъ XVII столѣтія. Безъ дерзновенія, можно обѣщать подобный жребій двумъ книжкамъ, которыхъ пшину введеніе: онъ заключающъ въ себя 86 Русскихъ Басень, напечатанныхъ въ Парижѣ Русскими буквами съ

(* Читайтели наши уже знаютъ, что Графъ Г. В. Орловъ издалъ въ Парижѣ выборъ Басень Крылова (числомъ 86), съ переводами ихъ въ стихахъ, на Французскомъ и Италіанскомъ языкахъ. Здѣсь помѣщается предисловіе или вступленіе, сочиненное Г. Лемонтеемъ (Lemontey) на Французскомъ языкѣ; въ слѣдующихъ книжкахъ Сына О. надѣмся помѣстить переводъ Италіанскаго предисловія Г. Салфи, а со временемъ полный (по возможности) разборъ Италіанскихъ и Французскихъ предложеній Басень И. А. Крылова. Изд.

приложеніемъ переводовъ Италианскаго и Французскаго 88 Писателями обоихъ народовъ: но сія необычайность, вѣроятно, не одна составила достоинство этой новой вязи повѣстическихъ цѣловъ. —

Россіяне довольно поздно спали дѣлаться съ Европейцами образованностію послѣднихъ вѣковъ. Не сполко суровое небо, сколько два разныя нашествія Тамаръ и Лишвы воспріятели развицію душевныхъ способностей сего, по природѣ веселаго, умнаго, обходительнаго племени. Въ замѣну они оказали быстрые успѣхи на всѣхъ поприщахъ, открытыхъ имъ Петромъ Великимъ. Посянство и искусство ихъ Дипломатовъ утвердили политическій вѣсъ Россіи въ дѣлахъ Европы; Исторія не безъ ужаса исчисляеть ихъ шоржества и военные способы. Ихъ Законодѣніе не перяеть изъ виду главной цѣли своей — кротости и справедливости, а Науки между шѣмъ обогащаются прудами ихъ естествоиспытателей и отважныхъ мореходцевъ. Но здѣсь въ особенностяхи хочу обратишь вниманіе на Словесность ихъ.

Петръ I, кошорый созидаль на землѣ новой, долженъ былъ обратишь бѣльшее вниманіе на основаніа, нежели на украшенія своего спроенія. — Не прежде, какъ въ царствованіе его Племянницы и Дочери, Россія

озарилась первыми лучами Словесности. Подобно всѣмъ другимъ народамъ, Русскіе въ среднихъ вѣкахъ своей Исторіи имѣли Лѣтописцевъ, Пѣвцевъ, игрища скомороховъ свѣточныхъ, коихъ произведенія въ послѣдствіи исчезли во мракъ варварства (*). Бѣдный рыбакъ (**), родившійся близъ льдовъ Архангельскихъ, одаренный необыкновенною силою ума и дарованія, подарилъ Русскихъ, за нѣсколько лѣтъ до половины XVIII вѣка, первую ихъ Грамматикою, первымъ Словаремъ(?); первыми правилами и примѣрами Поэзии. Замѣчательно, что и языкъ Нѣмецкій, прене-

(*) Неспорь, Сильвестрь, Пѣвецъ Слова о Пяку Игоревѣ, Кирина Даниловъ! ужели иноплеменникъ говоришь испину? ужели вы въ самомъ дѣлѣ вовсе забышы неблагодарными попомками? *Зам. Перег.*

(**) Дѣло идеть о Ломоносовѣ. Авторъ прибавляеть о немъ въ своемъ примѣчаніи слѣдующее: „онъ былъ умъ всеобъемлющій, Поэтъ и Прозаикъ, равно свѣдущій и въ Наукахъ почныхъ, и въ Искусствахъ Изящныхъ, превосходный и самоспопашельный во многихъ родахъ. Оды его и переложенія Псалмовъ никѣмъ еще не превзойдены; онець Россійскихъ Писателей по сю пору исполнь между ними.“ Вопь, что говоришь Французъ; но мы не чипаемъ Ломоносова!!! *Перег.*

бреженный дошоль въ собственной справѣ своей для Латинскаго, началъ образовашся въ это же время. Впрочемъ, до царствованія Екатерины II (*), на Парнасѣ Рускомъ находимъ шолько разбросанныя попышки и подражанія чужестранцамъ, болѣе или менѣе удачныя.

Умъ сей Великой Государыни, способный все сообразить и всему положить начало, почувшвовала необходимость, положить умственному образованію своего народа прочнѣйшія основанія. Съ одной стороны, велѣла Она перевести все классическія шворенія Французовъ, Италианцевъ, Англичанъ и Нѣмцевъ: это было самое надежное средство къ усовершенствованію языка и къ возмужалоуши разума въ народѣ новомъ; съ другой стороны, положила начало народному просвѣщенію, и для сего призвала изъ всѣхъ справъ искусныхъ Профессоровъ. Александръ I исполнялъ начинанія вѣчно - достойной памяти Своей Бабки, по плану обширному

(*) Ломоносовъ началъ пѣшь при Императрицѣ Аннѣ, пѣль во все царшвованіе Елисаветы: вопшь какъ должно бышь ошпорожну въ собираніи запасовъ историческихъ, особливо, когда берешся говоришь о событіяхъ, близкихъ къ намъ по времени. *Изд.*

и правильному, и по гласу новаго Озириса, неизмѣримое Царство испило изъ всѣхъ источниковъ свѣта, отъ первоначальнаго сельскаго обученія до таубокомысленныхъ уроковъ, преподаваемыхъ въ шести большихъ Университетахъ.

Сіе общее движеніе, произведенное въ умахъ людей рукою мощною, производило дѣйствія, превосходнѣйшія предъ всякимъ покровительствомъ частнымъ и временнымъ. Россія, образованная и ученая, дѣйствительнор раждается и возрастаетъ. Жизнь проявляется въ ней свѣжими и разнообразными произведеніями: новыя нужды зашавили въ ней учредишь для каждой недѣли, каждаго мѣсяца, каждаго года, Журналы и періодическія собранія сочиненій, посвященныя Наукамъ, Искусшвамъ и Словесности. Вольныя Общества заводятся въ разныхъ мѣстахъ на сей же конецъ, и явно показывающъ движеніе мыслей и жажду къ познаниямъ. Въ Москвѣ есть Общество Любителей Древностей, обещающее подаришь насъ любопытными изысканіями въ справахъ, мало извѣстныхъ. Истинны, полезныя откритія не спрашатся шамъ отверженія, какъ въ обществыхъ ушарьвахъ. Тамъ благоеклонно прииашъ способъ, кошорый въ наши дни, сокращаетъ время и распространяетъ предѣлы

ученія: имена обвѣхъ Императрицъ украшаютъ списокъ его покровителей. Нельзя не признаться, что теперь въ Россіи вниманіе общее привлекается успѣхами литературными. Уже мода, кошораи, подъ видами суешности, пѣть не менѣе въ образованныхъ обществахъ, служилъ исполковательницею вкуса шонкаго, оспида книги и Писателей своими причудами и предубѣжденіемъ. На берегахъ Финскаго залива есть также поборники и послѣдователи двухъ школъ, раздѣляющихъ спихотворный міръ на *Классиковъ* и *Романтиковъ*, въ ожиданіи того, когда вкусъ образованный соснавишь изъ двухъ сопрошвиныхъ сисемъ *стройный чинъ*, кошорый оживишь формы древнія, и дасшь правильность новымъ. Наконецъ, женщины разныхъ соспоиій заняли мѣсто между Писателями соплеменными. Сіе участіе женщинъ въ прудахъ Музъ, охуждають ли его или хвалять, бываешь всегда вѣрнымъ признакомъ, что Словесность проникла въ нравы народа, и не можешь уже онь нихъ ошпоргнушь.

Прежде нежели спанемъ далѣе разсмапривать сію картину, необходимо должно бросишь внимательный взоръ на языкъ Русскій, ибо языкъ есть первообразное вещество каждой Словесности, и неразлучная спихія оной, кошораи принимаешь формы мы-

слей и краски слога не иначе, какъ съ измѣненіями. Языкъ народа конечно не шакъ измѣнивъ, какъ его Словесность; но пѣть не менѣе оспается онь самую вѣрною мѣрою для обозначенія шаговъ, сдѣланныхъ Словесностью, и для предузнанія пѣхъ, кои она впередъ можешь сдѣлать. Трудно судишь о языкѣ живомъ: природные жишели знаютъ его слишкомъ, а чужеземцы не довольно. Будучи слить съ обычаями первыхъ, и оплить по образу ихъ ума, онь проникаешь въ нихъ безъ ихъ вѣдома, подобно воздуху, коимъ они дышають, тогда какъ другіе, управляясь по большей части въ изученіи языка чужаго какую либо цѣлью пользы часпной, рѣдко объемають его въ цѣлости, и не знаютъ всѣхъ его шонкостей. Русскіе уввряють, что языкъ ихъ богашъ, пріятень, сладкозвучень и обилень разнообразными оборотами. Онь имѣешь по преимуществу, что сродень и пондшень всѣмъ въ ихъ Царствѣ, не бывъ пересѣкаемъ нарѣчіями обласпными, кошоры ошь края до края измѣняютъ всѣ другіе языки Европы (*). Но вмѣстѣ съ пѣть онь совершенно оплщается ошь сихъ послѣд-

(*) Много чести! Только добрый сочинитель не зналь — и ему эшо извинительно, что Великороссіянину почпи шакже трудно понимаешь Малороссіянина, и на оборотъ, какъ жи-

нихъ корнями словъ своихъ, которые сушь его собственныя, и букваремъ, составленнымъ, какъ сказывають, въ II вѣкѣ (*) Святымъ Кирилломъ Солунскимъ, по образцу буквъ Греческихъ и Еврейскихъ. Имъ, сыномъ Славянъ, до времени Петра Великаго, не занимались и старались его очистить отъ ржавчины, которую на немъ оставили набѣги Татаръ и Липовцевъ. Число буквъ сначала уменьшено: въ немъ было до 35, а послѣ до 32, и это число, кажется, еще очень велико другимъ Европейцамъ. Стихотворцы подчинили его ритмъ; а нѣкоторые попытки, ограничившіяся невѣрнымъ успѣхомъ, въ составленіи на немъ стиховъ совершенно мещрическихъ, заставляють сомнѣваться, чѣмъ его можно было подвести подъ стихосложеніе Древнихъ. Проза его отличаетъ многочисленными и многосложными словосочиненіями.

пелю Прованса уроженцевъ Эльзаса или Лопаринги. Не говорю уже о Липовцахъ, а шого мѣте о племенахъ Финскихъ, Сибирскихъ, Татарскихъ и Монгольскихъ. Впрочемъ должно согласиться въ томъ, что языкъ Богослужбный Православныхъ Христіанъ много облегчаешь общинамъ обширнѣйшей въ свѣтѣ Имперіи способъ разумѣть другъ друга. *Перво.*

(*) Святымъ Кириллѣ и старшій братъ его, Святымъ Меодій, почивающіеся изобрѣтателями Славянскихъ буквъ, жили около половины IX вѣка.

Такова стихія, данная Рускимъ для общенія ихъ мыслей. Не должно сомнѣваться въ томъ, что она способна къ усовершенствованію. Прошедшее служить тому свидѣтельствомъ: ибо Рускіе не безъ труда теперь читають старинныя произведенія, открываемыя у нихъ любителями древности, и съ нѣкотораго времени замѣтно, что въ новыхъ сочиненіяхъ обыкновенная запутанность фразологии уступаетъ мѣсто образу изложенія, болѣе приближающемуся къ простотѣ. Постепенное улучшеніе каждаго языка имѣеть два послѣдныя начала: употребленіе въ высшемъ обществѣ и пруды людей ученыхъ. Языкъ Славяно-Русскій, по обоимъ симъ отношеніямъ, находилъ въ особенномъ положеніи.

С. Петербургъ, мѣстопребываніе Правительствъ, есть также колонія Европы, какъ и столица Россіи. Въ немъ все языки какъ бы получили право гражданства. По дару ли природы, или по привычкѣ, принятой отъ самой колыбели, Рускіе говорятъ на всѣхъ языкахъ съ одинакою легкостью. Посему не должно удивляться, что во время преобразования, произведеннаго Петромъ Великимъ въ нравахъ и обычаяхъ Россіянъ, лучшее общество предпочло природному языку чужеземныя, предлагавшіе Рускимъ гошпо-

вый свой запасъ обрабопаннаго слога разговорнаго и Словесности зрѣлой. Слѣдствіемъ того было, что языки Нѣмецкій, Италіанскій, а болѣе всего Французскій, употреблялись въ сношеніяхъ общественныхъ; Славяно-Русскій же (*) берется шолько на проспорародныя нужды въ жизни домашней. Тогда же и шоже предубѣжденіе высшихъ званій къ Театрамъ иностраннымъ, лишало въ Россіи Искусство Драмашическое природныхъ даниковъ и пупеводителей. Сей неравный раздѣлъ, замедляя успѣхи природнаго языка въ понкоспяхъ и спройности, невольнo долженъ былъ сохранить въ немъ проспошу, и шакъ сказашь, чиспосердечность выраженій. Опъ сего-шо, хопя опечеспвенный Театръ Русскихъ, сколько мы можемъ судить о немъ по переводамъ, и не удовлетворяешъ еще въ полной мѣрѣ ожиданіямъ, но вообще дивить иностранцевъ дарованіемъ Писателей — искусно и вѣрно схватывашъ черпы нравспвенныя въ Комедіи.

Такая зависимость и униженіе природнаго языка были крайне необходрительны

(*) Можно было бы сказашь просто: Русскій; ибо шогда уже разговорный языкъ весьма опличался опъ книжнаго, и мало разнился съ нынѣшнимъ.
Перев.

для писателей Рускихъ, осужденныхъ въ опчизнѣ своей на равнодушіе единопземцевъ, а въ чужихъ спранахъ на изувѣченіе небольшимъ числомъ Переводчиковъ-самоучекъ, которые разбирали ихъ ощупью; кромѣ того, имъ должно было боролсья съ оболъщениями славы, манившей ихъ писать на языкъ чужемъ, но почпи общемъ во всей Европѣ: способность ихъ къ сему языку несомнѣнна, что доказываешся опроумными списками Графа Шувалова, и прозою Гр. Головкина, и свободнымъ краснорѣчіемъ Гр. Орлова. Опдадимъ же честь патрїотической ревности прочихъ Россіанъ. Успіаія ихъ Позповъ были первыя, но не могли быть самыя рѣшищельны къ доспиченію предположенной цѣли. Позвіа вообще еспъ языкъ исключительный, данный немногимъ любимцамъ неба, и столь драгоцѣнный, что не можешъ быть упошребляемъ въ жипейскихъ сношеніяхъ людей. Можно положить за правило, что качества, дѣлающія языкъ поэшическимъ, опнюдь не шъ, копорыя дѣлающъ его упошребисщельнымъ въ общешпши. Пропу подумашъ надъ сею испиной, ибо доказательсшва оной пошребовали бы шакихъ поясненій, копорыя въ сешъ сочмненіи были бы неумѣстны. Симъ способомъ объясншся собышіе, случившееся въ Европѣ: языкъ, вообще почитаемый

самым не стихотворным, более всех других в ней распространился. Тогда как Музы Темзы, Рейна и Тага открываютъ питомцамъ своимъ свободныя спези, — попребенъ геній необыкновенный, чтобъ быть Поэтомъ по Французски и выдержать въ мѣрѣ высшемъ поэтъ языкъ, копорый, по истинно-человѣческому своему механизму, безпрепятно нисходитъ къ землѣ, подавая Писателю болѣе способовъ къ умствованію, нежели къ вымыслу. Посмотрите же, какими муками заставляешь спрадать нашъ языкъ, освященный немногими великими Поэтами, — полпа лѣтъ напыщенныхъ и безильныхъ стихослагателей, коимъ недоспаетъ истиннаго вдохновенія! Слухъ иностранца, привычный къ смѣлости сихъ разныхъ нарѣчій, къ ихъ опущеніямъ, оборотамъ и удобству составлять и разлагать слова, не можешь чувствоватъ въ болшей частн нашихъ стиховъ ничего, кромѣ прозы нѣсколько затруднительной, перерываемой шамъ и сямъ звономъ рѣимы. — Если вѣришь сему примѣру, то языкъ Русскій не столько отъ своихъ Поэтовъ, сколько отъ Прозаиковъ, долженъ ожидать усовершенствованія, и да, позволено будешь сказать, Европейской своей об-

щительности (*). Уже Г. Карамзинъ — подвинулъ впередъ сіе дѣло своею Исторіею Русскаго Государства. Обширное и краснорѣчивое сіе твореніе обозначаетъ мѣста и устанавливаетъ законы для оборотовъ и выражений Русской прозы. Слогъ Историка, не нарушая естественности, украсился свѣжестью и новостію: счастливое преимущество Писателей, первыхъ на такомъ языкѣ, въ рождающейся Словесности коего пружины еще не ослабѣли.

Сей памятникъ, копорой безъ сомнѣнія будешь призывнымъ знакомъ другихъ хорошихъ сочиненій, сулишь Царству Русскому языкъ, долженствующій способствовать будущимъ успѣхамъ его образованности. Но долженъ ли языкъ сей перейти за предѣлы земли Русской, побудить страхъ, внушаемый иностранцу великими его трудностями и занять мѣсто въ библіотекахъ и общественныхъ сношеніяхъ просвѣщеннаго міра? На такой вопросъ, Грамматики отвѣчать не могутъ. Языки входятъ въ общее употребленіе не по одному своему достоинству, но по многимъ причинамъ, отъ того независ-

(*). Жаль, что Г. Лемоншей не знаешь по Русски, онъ не позволялъ бы себѣ сказать лишняго. *Перев.*

щимъ, каковы сушь: война, полишика, заморскія заселенія, Вѣра, выгоды, лешъ духъ подражанія. Таковое ихъ распроспраненіе не служишь признакомъ или мздою ихъ совершенства: нѣшь! не рѣдко видимъ, что коренное нарѣчіе съ распроспраненіемъ порпнися, подобно рѣкъ, копорой воды неизбжно мушиаься ошь долготы ея печенія и множества сливающихся въ нее чужихъ водъ. Иногда я съ удовольствіемъ размашриваю состояніе языковъ, копорыми говорашъ въ Европѣ, и направленіе, копорое имъ даешъ нынѣшній ходъ дѣль человѣческихъ. Всеобщія выгоды торговли и неслыханное досель полишическое благосостояніе распроспраняюшь языкъ Англійскій до самыхъ противоположныхъ концевъ земнаго шара. Языкъ Французскій не лешись уже болѣе на крилахъ победы, но все еще идетъ впередъ шагами тихими и непрерывными, — за сіе обязанъ онъ несравненной своей ясности, движенію его Словесности, превосходешву книгопечашанія и жпшельству безчисленнаго множества чужеземцевъ, привлекаемыхъ блескомъ Искусствъ и привѣшлпвостію нравовъ. Языки Нѣмецкій и Испанскій остаюься неподвижны, безъ потеръ и безъ пріобрѣшенія. Италіанскій, благодаря сокровищамъ спаринной его Липперашуры и музыкальнымъ его свойствамъ,

поддерживаетея и кружитея въ свѣтѣ, какъ предметъ роскоши. Прочіе языки, предешавля въ нѣсныхъ рамкахъ небольшихъ областей мало соревнованія Писателямъ и расхода книгамъ, мало по малу скрываютея съ лпшерашурной сферы, и грозашъ погаснушь въ обычаяхъ народныхъ, подобно нарѣчіямъ Фламандцевъ, Басковъ, Брепонцевъ и другимъ шакимъ же обломкамъ слова человѣческаго. Чшобы докончпшь сіе гаданіе о живыхъ языкахъ, должно было бы шакже разгадашъ участь богашаго нарѣчія, вышедшаго изъ древней Иліаіріи, нарѣчія, общепотребптельнаго и обрабощываемаго нынѣ въ необьяшномъ Царствѣ Русскомъ. Но это шакалъ шайна, копорую судьба сокрыла въ глубинѣ своей урны. Трудно однако жъ подумашъ, чшобъ успѣхи его были посредешвенны.

Впрочемъ, какова бъ ни была грядущая судьба его, но всякъ конечно съ участвіемъ взглянешъ на нынѣшнее состояніе Россійской Словесности. Едва вѣкъ пролетѣлъ съ шѣхъ поръ, какъ изученіе Словесности пробудплось въ Русскихъ — и они уже успѣли испыташь себя во всѣхъ родахъ ея. Какъ мы выше сего замѣшпшп, Повзія предешешвовала у нихъ Прозвѣ, и жпзнеопшсанія ихъ Стихотворцевъ составпшл бѣ уже огромную книгу. Ошь Эпопеи до Эпиграмъ

мы — ни одно мѣсто не осталось совершенно празднымъ. Я не упамдѣ, что они много подражали, и потому такъ быть долженствовало, ибо они явились послѣдніе, не только послѣ Классиковъ древнихъ, но даже посреди новѣйшихъ рудниковъ, находящихся въ полной разработкѣ. То же самое явленіе и вездѣ повсюдилось. Гдѣ новая Словесность не была сначала основана на книгахъ Священнаго Писанія, или на твореніяхъ Древности? Не помогали ли онѣ (Словесности) потомъ взаимно другъ другу? Не знаемъ ли мы, что Парнасъ Французскій, столь изобилующій собственнымъ своимъ богатствомъ, былъ поспешенно Греческимъ, Латинскимъ, Италіанскимъ, Испанскимъ? И въ наши дни Германія не прикрываетъ ли образцевъ Англійскихъ неленою Нѣмецкою? И такъ слишкомъ легкомысленно заключали по первымъ усиліямъ Русскихъ, что они способны только къ подражанію. Сколь ли молода ихъ Словесность, но она не въ меньшей соразмѣрности представляешь собственныхъ произведеній, какъ и всякая другая. Это собраніе Басень будетъ само тому доказательствомъ. Переводивъ сперва очень много, Писатели Невскіе и сами заслужили въ чреду свою быть переведенными. Нѣмцы и Французы уже воздали имъ сію заслуженную

честь. Г. Джонъ Боурингъ недавно еще издавалъ въ двухъ томахъ выборъ изъ стихотвореній Русскихъ, предложенныхъ Англійскими списками. По сей Антологіи, можно было судить о богатствѣ и разнообразіи Музы Иперборейскихъ. Меня болѣе всего поразили сила и воспоргъ, коими запечатлѣны ихъ Пѣсни воинскія. Я не знаю ни на какомъ языкѣ ничего въ этомъ родѣ превосходящаго Пемы Жуковского, названной: *Пѣвецъ въ станѣ Русскихъ воиновъ* (*).

(*) Джонъ Боурингъ говоритъ въ предисловіи къ 2 часни своей Антологіи, что онъ приневольно себя перевелъ сіи военныя стихотворенія, кои всѣ почти были сочинены подъ шапками, пѣвцами въ доспѣхахъ раниныхъ. Онъ указываетъ на опасность такихъ хитроспей, посредствомъ коихъ возжигается ненависть между народами; и сей *духъ военный*, кромѣ правой защиты, по его мнѣнію, можетъ заглушать въ народѣ чувства челоуколюбія. Разсужденія Переводчика опмѣнно челоуколюбивы и благородны. Охотно выписываю сіе мѣсто, будучи увѣренъ, что одна умѣренность Царей спасаетъ нашу Европу. „I have done violence „to my feelings by translating many of the military „and warlike productions of the Russian Poets; but „they will not be without their use. They will serve „to show how the feelings of hatred and malevo-

Всякая рождающаяся Словесность охотно прудится надъ нѣми малыми Стихотвореніями, которыя также легко писать, какъ прудно въ нихъ достигнушь совершен-

„lence are excited; how that love of outrage which is „called „martial spirit“ creeps into the bosom of a „people, and corrodes all the mild and all the generous virtues. They will show the arts by which „the slumbering passions are aroused, and how terrible it is to arouse them. Nor will such compositions excite *our* sympathy. They are directed „against us as well as others. Our shame and sin are „indeed heavier and older than theirs. Let us never „forget, that he who hates another prompts another „to hate him. We cannot keep all the malevolence „and all the vengeance for ourselves; it will return „upon us with renewed strength and redoubled ferocity. The wound may be inflicted for a momentary purpose, but we leave the weapon there to „sanker and fester for ever.“ (Bowring's Russian Anthology, part the second; introduction, pag. XI). Сочиненіе сіе посвящено Императору Александру I. *Солнн.* — Не знаю, на долго ли укореняется ненависть къ иноплеменнымъ врагамъ, въ другихъ народахъ; но знаю, что священная война 1812 года у всѣхъ Русскихъ еще въ свѣжей памяти, и конечно будетъ незабвенна, а ненависти къ чужеземцамъ, даже къ Французамъ, и слѣда нѣтъ въ народѣ Русскомъ. Но возбудишь воинскій духъ его, возжечь въ немъ временную

сства: я говорю о Припчѣ или Баснѣ. Многочисленные изслѣдователи приписывали ей истинно химерическое происхождение. Басню находимъ мы во всѣхъ вѣкахъ и во всѣхъ странахъ: подъ шапками Араба и въ кибишкахъ Скиа, у невольниковъ Фригійскихъ и въ шревогахъ Республики Римской. Она столь же мало зависить отъ свойства Правленія, что Франція, которой политическое бытіе такъ часто измѣнялось въ послѣдніе полвѣка, съ каждымъ почти годовымъ временемъ, видѣла у себя новое собраніе Басенъ. Припча, Пословица, Аллегорія и Параболы, суть плоды способности, данной человѣку, понимать и выражать свои понятія вымыслами. Многія изъ Басенъ суть не что иное, какъ распространенныя метафоры, фигуры риторическія, изображенныя въ дѣйствіи. Чрезвычайное разнообразіе сей Поэмы при

злбу и негодованіе къ дерзкимъ успѣшнителямъ, несшимъ огонь и мечъ въ предѣлы Русскіе, было необходимо для спасенія отечества, чести и жизни, и счастливъ пошъ, кто умѣлъ воспламенить сію искру въ сердцахъ Русскихъ: онъ достоинъ благодарности потомства наравнѣ съ воинами, обнажавшими мечъ для защиты неопѣненной опчизны! *Переводъ.*

всей малости своей, заключающей в себя расказъ, драму, описаніе и правоученіе, показываетъ уже обильный источникъ, изъ котораго она прямо исходитъ. Чтобы доказать сію истину, я опять приведу въ примѣръ Францію, гдѣ приводящіе въ опечаленіе подражателей образцы Лафонтеновы пробудили умы многихъ не-подражателей, каковы Ламотшъ, Флоріанъ, Женгене и Арно, — и всѣ они открыли пути новые.

Народъ Русскій былъ какъ бы нарочно приготовленъ къ симъ предѣстаннымъ вымысламъ. Простодушный языкъ его, простые, земледѣльческіе нравы, семейныя и домашнія привычки, удерживающія его въ сельскихъ жилищахъ, особливо въ долгія холодныя зимы, веселость его, крѣпнущая отъ незнакомства ни съ честолюбіемъ, ни съ нуждами, и сродный ему духъ наблюденія, возбуждаемый мятежною природою, переходящею отъ ледяныхъ оковъ зимы къ дивному плодородію, — вызывали гений Баснописцевъ. Кромѣ Басень, разсѣянныхъ въ сочиненіяхъ разныхъ Спихопворцевъ, въ Россіи считается (*) при Поэта, особенно посвятив-

(*) Считается не при, а гораздо болѣе; но здѣсь упоминаемые три сушь отличнѣйшіе. Пер.

нихъ себя сему роду сочиненій: Хемницеръ, Дмишривъ и Крыловъ. Перваго изъ нихъ ужь ивъ на свѣтъ; оба послѣдніе живы.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ.)

IV.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА.

I.

МОРСКАЯ СИЛА ФРАНЦІИ И СЪВЕРНОЙ АМЕРИКИ.

(Изъ Bells Weekly Messenger.)

Едва ли нужно намъ обращать вниманіе чипашелей нашихъ на общую дѣятельность во всѣхъ частяхъ государственнаго управленія Франціи, въ царствованіе новаго Короля оной, Карла X. Особенно оказывается сей духъ силы и дѣйствія въ Департаментѣ Морскаго Министрства. Мы имѣли уже случай замѣтить, что во Франціи назначается ежегодно гораздо большая сумма денегъ на морскую силу, и особенно на построеніе новыхъ кораблей, нежели въ Англіи. — По воз-

спановленіи шрона Бурбоновъ, первымъ стараніемъ Правительства было возвышеніе флота на ту степень силы и значительности, на коей онъ находился въ цвѣтущее время Монархіи. Нынѣшній Король конечно помнитъ юношескія свои лѣта (съ 1776 по 1780 годъ), когда Французскій флотъ, подъ начальствомъ искусныхъ Адмираловъ, возбудилъ въ Англіи немалыя опасенія, и даже, хотя на короткое время, грозилъ взятіемъ нашихъ владѣній въ Западной Индіи. Покойный Король Георгій III, почувствовавъ сей временный перевѣсъ Французскаго флота, отправилъ собственнаго своего Адмирала (такъ онъ называлъ Лорда Роднея), чшобъ встрѣпить Графа де-Грасса, и принудить его преклонить флагъ свой. Съ того времени понынѣ, мы безпрерывно удерживали поверхность надъ Французскимъ флотомъ, и у насъ, между моряками, принято, что Англійскій 48 пушечный фрегатъ равняется съ Французскимъ 74 пушечнымъ кораблемъ, и что нашъ 36 пушечный фрегатъ можетъ выдержать бой съ Французскимъ 50 пушечнымъ.

Теперь спрашивается: какую цѣль имѣетъ Франція, при нынѣшнемъ увеличеніи своего флота? Отвѣчаемъ по душевному нашему убѣжденію, что сія мѣра составляетъ только часть общей системы Французскаго

Правительства, возстановить Монархію въ первоначальной ея силѣ и во всемъ преднѣмъ блескѣ, и возобновить важную оной отрасль — морское ополченіе, въ надлежащемъ видѣ. Еще несовершенно можно полагаться на сухопутную армію: она не довольно очищена и успроена, не вовсе забыла прежній свои требованія и склонности. Нѣкоторые изъ Маршаловъ Наполеона еще живы, и пользуются пріобрѣтенною ими славою. Посему Дворъ обращаетъ свое вниманіе на другую опору Государства — флотъ, который, какъ извѣстно, всегда былъ преданъ Королямъ. Сверхъ того справедливая народная гордость и чувство собственнаго величія пребудутъ, чшобъ народъ великій и сильный имѣлъ голосъ въ дѣлахъ Европы, и пользовался уваженіемъ сосѣдей. И такъ Франція употребляетъ на свой флотъ тѣ суммы, которыхъ не можетъ съ безопасностію обратиться на армію, и готовится воспользоваться случаемъ, который, можетъ быть, народное счастье представитъ ей для распространенія своего благосостоянія.

Вопь, въ немногихъ словахъ, мнѣніе наше о цѣли распространенія Французской морской силы, то есть, мы не думаемъ, чшобъ Карль X имѣлъ при помъ какую либо особенную цѣль, какое либо другое намѣреніе,

крозь исполненія своего долга въ званіи Короля Французскаго. Достоинство сего высокаго сана повелѣваетъ ему возстановлять славу и дѣйствительную силу своего Государства. Мы въ апомъ отношеніи совершенно спокойны. Въ будущемъ не предвидимъ мы войны, не видимъ обдуманнхъ шребованій, властолюбивыхъ плановъ и замысловъ для пріобрѣтенія перевѣса въ Европѣ. Польза Англіи и Франціи равномерно шребуетъ стараться о сохраненіи мира и о хорошемъ употребленіи своихъ доходовъ, которые достаточны для обезпеченія благоденствія ихъ подданныхъ.

Между тѣмъ должно сказать, что система распространенія морской силы въ мирное время свойственна не одной Франціи: равную дѣятельность въ семъ отношеніи видимъ въ Соединенныхъ Сѣверо-Американскихъ Областяхъ. Мы приписываемъ сіе той же самой причинѣ, шо есть, увѣренію Американскаго Правительствва, что достаточная морская сила необходима для обороны всякаго Государства. Можетъ быть, тому содѣйствуетъ опасеніе, что Испанія употребитъ все силы свои для нападенія на Южную Америку, и что въ семъ случаѣ надлежитъ быть готовымъ къ скорой оборонѣ. — Но спросимъ у самихъ себя: не точно ли

такъ стали бы мы поступать, если бѣ были на мѣстѣ Сѣверо-Американцевъ? — Имѣя достаточныя пособія въ землѣ своей, благоденствуя подѣ влияніемъ твердаго Правленія, Сѣверная Америка обязана помышлять объ увеличеніи своей морской силы, чтобы многіе непріятельскіе фрегаты не могли встрѣожить береговъ ея, или чтобы эскадра, состоящая изъ трехъ линейныхъ кораблей, не смѣла прорваться до Вашингтона, и потомъ невозбранно отплыть назадъ. И такъ умноженіе Сѣверо-Американской морской силы столь естественна и благоразумно, что не должно ошмыскивать оному другихъ причинъ.

Но не забудемъ, что если наша (Англійская) морская сила, по видимому, не дѣлаетъ сихъ усилій въ своемъ распространеніи, шо причина сему заключается въ ея настоящемъ величій: у насъ почти нѣчего дѣлать по сей часпи. Мы должны только поддерживать, а не шворить вновь. Если нужно, шо мы можемъ въ шесть недѣль покрыть Океанъ флотомъ, который, съ Божіею помощію, принудитъ всехъ враговъ опустить предъ нимъ свои флаги. И такъ нѣтъ надобности терять на это много словъ. Мы имѣемъ во всякое время готовый флотъ, въ сравненіи съ коимъ прочіе флоты суть не иное что,

как боты, окружающие 74 пушечный корабль (*).

2.

СРАВНЕНИЕ ФРАНЦУЗСКОЙ СУХОПУТНОЙ СИЛЫ
ПРИ НАПОЛЕОНЕ И ПРИ КАРЛЕ X.

До нашествия Наполеона на Россию, где он нашел могилу своей армии и славу, следовательно на высочайшей степени могущества Франции, сухопутная ее сила была следующая: пехоты 131 полк, в том числе 103 полка линейной и 28 полк. легкой пехоты. В коннице было 84 полка, а именно: 2 карабинерные, 14 кирасирских, 30 драгунских, 27 конноегерских и 11 гусарских. Артиллерия состояла из 9 полков пехотных и 6 конных, из двух батальонов погонных, роты артиллерийских масперовых, и 27 фуришпанских артиллерийских батальонов. В семь числе не заключалась гвардия, которая состояла из одного пехотного гренадерского корпуса, одного пехотного егерского, одного полка национальной гвардии, одного драгунского полка, одного конноегерского, роты

(*) Кто не просит этого преувеличенного сравнения гордому Англичанину? Изд.

Мамелюков, двух уланских полков, легкого отборных жандармов, корпуса артиллерии, морского экипажа и роты саперов.

Нынче царствующий Французский Король Карл X вновь преобразовал Французскую армию, которая в 1814 и в 1825 годах была почти совершенно распущена. Разумеется, что она не столь сильна, как в 1812 году. Пехота будет впредь состоять из 6 полков гвардейских, 64 полков линейной и 20 легкой пехоты, всего из 90 полков. В каждом полку имется шпаша и 3 батальона; в каждом батальоне 8 рот и на военном положении 937, а на мирном 600 чел. — Французская кавалерия состоит из 2 полков гренадерских, 2 кирасирских, 1 драгунского, 1 конноегерского, 1 уланского и 1 гусарского; сии 8 полков составляют две гвардейские дивизии; полевая же конница заключает в себя: 2 карабинерные полка, 10 кирасирских, 12 драгунских, 18 егерских и 6 гусарских, всего 56 полков. Каждый кавалерийский полк должен состоять из шпаша и 6 эскадронов; в гвардейских полках каждый эскадрон имется на военном положении 152 чел. и 153 лошади, а на мирном 120 чел. и 119 лош.; в тяжелой кавалерии на военном положении 150 чел. и 141 лош.; на мирном 118 чел.

и 101 лош.; въ легкой на военномъ положеніи 166 чел. и 152 лош., а на мирномъ 118 чел. и 101 лош. Гвардейская артиллерія будетъ состоять изъ 1 полка пѣхотнаго, 1 коннаго и 1 фуришатскаго; полевая изъ 8 полковъ пѣхотныхъ, 4 конныхъ, 1 понтоннаго баталіона, 12 ротъ военно-рабочихъ, 1 роты оружейниковъ и 8 ротъ фуришатскихъ. Каждый изъ 8 пѣхотныхъ полковъ будетъ имѣть 20 ротъ, и на военномъ положеніи 2139, а на мирномъ 1539 чел. Конно-артиллерійскіе полки будутъ имѣть по 8 ротъ, и по 856 лошадей на военномъ и по 450 на мирномъ положеніи. — Вся сила 90 пѣхотныхъ полковъ составитъ 257,000 чел. на военномъ и 167,000 чел. на мирномъ положеніи. 56 полковъ кавалеріи заключаютъ въ себя 54,262 чел. на военномъ, и 41,216 чел. на мирномъ положеніи; артиллерія на военномъ положеніи 43,006 чел. на мирномъ 25,004 чел. — И такъ вся Французская армія, за исключеніемъ Инженернаго корпуса, Королевскихъ домашнихъ войскъ (maison du Roi), жандармовъ и вешерановъ, состоитъ изъ 355,000 чел. на военномъ и изъ 234,000 чел. на мирномъ положеніи.

H. P. J.

О вліяніи нынѣшней развотки Американскихъ рудниковъ.

Знаменитый Географъ, Профессоръ Гаптереръ, однажды на лекціи въ Гешпингенъ сказалъ: „если бы Америка была столь же рано воздѣлана, какъ Европа, то золото и серебро, подобно чугуну, не годились бы въ деньги, ибо количество драгоцѣнныхъ металловъ въ Америкѣ слишкомъ велико.“ — Чинная извѣстія новыхъ путешественниковъ по швамъ странамъ, еще болѣе укрѣпляемъ въ сей мысли. Всѣ они, какъ то Г. Гумбольдтъ Эшвеге, Сликсъ, Марціусъ, Молліенъ и проч. единогласно утверждаютъ, что естественный запасъ золота и серебра въ тѣхъ странахъ можетъ казаться несмѣшнымъ, но донынѣ пользовались онымъ очень мало: рудники были обрабатываемы неуклюже и безъ раднія. Г. Молліенъ, недавно возвратившійся изъ внутреннихъ областей Колумбіи, не можетъ довольно выразить, до какой степени онъ былъ изумленъ несмѣшнымъ обиліемъ металловъ въ той странѣ. Тамъ есть области, говоритъ онъ, какъ напримѣръ Хоко, лежащая по берегу Южнаго Океана, въ коей вся почва, такъ сказать, состоитъ изъ золота. Путешественники по Бразиліи увѣряютъ.

насть, что если въ нѣкошорыхъ мѣстахъ оной выдернешь кустикъ изъ земли, то золотая пыль слѣтаешъ съ корней. Сии путешественники говорятъ, что Англійскія Компаніи начинаютъ разрабатывать сии руды привезъхъ пособіяхъ искусства и съ величайшею дѣятельностію.

Теперь предстоитъ вопросъ: какія дѣйствія произойдутъ отъ сего въ Европѣ? Ошвѣчать неспрудно: взгляните на Англію. По всѣмъ примѣтамъ видно, что при безпрестанномъ приливѣ денегъ въ Англію, тамошніе жители не знаютъ, что дѣлать съ своими капиталами. — Возвышеніе промышленности, торговли и народонаселенія будетъ естественнымъ сего послѣдствіемъ; наконецъ дойдешъ до того, что Англія и прочія фабричныя земли не въ состояніи будутъ кормить себя. Требования сырыхъ произведеній увеличатся. Въ случаѣ посредственнаго урожая, цѣна хлѣба до чрезвычайности поднимется. При размноженіи денегъ возвысится цѣна на всякое недвижимое имущество. Государства твердой земли въ послѣдствіи легко уплашатъ свои долги, ибо цѣна нынѣшней монеты мало по малу исчезнетъ въ сравненіи съ достоинствомъ недвижимости. Капиталисты по той же причинѣ обдѣиваютъ, а помѣщики и хозяева поваровъ разбога-

твуютъ. И такъ кто поступаетъ благоразумно въ семь случаевъ? Тотъ, кто употребляетъ капиталы свои на покупку земель и поваровъ, доколѣ еще есть время.

Изъ Нѣм. Журн.

V.

АНТИКРИТИКА.

Короткій отвѣтъ на длинную Антикритику.

(См. С. О. кн. XII. стр. 374 и слѣд.)

Нѣкто, подписавшій вмѣсто имени своего Греческую букву β , попалъ на меня, если не всею силою, то по крайней мѣрѣ, всею тяжестью своей Логикѣ, за нѣсколько бѣглыхъ замѣчаній на переводъ *Тассова Освобожденнаго Иерусалима*, Г. Раича. Широковѣщательная его антикришика принадлежитъ къ числу пѣхъ, на которыя возражать почти нѣчего, ибо Сочинитель ея, по моему мнѣнію ничего не доказалъ, кромѣ привязчивости, незнанія Италіянскаго языка и сухаго понятія о томъ предметѣ, о которомъ взялся говорить. Но какъ въ эпоху антикришики замѣщено имя Липератора, котораго я искренне уважаю, то не для

Анпикришика моего, а изъ уваженія къ чипашелямъ С. О. и къ Г. Раичу, рѣшаюсь представить здѣсь небольшое число замѣчаній моихъ на замѣчанія Г. β.

Если бѣ я былъ худаго мнѣнія объ отрывкѣ Г. Раича, то не сказалъ бы о немъ ничего, на ряду съ другими стихотвореніями Полярной Звѣзды 1825 года, а пропустилъ бы его въ молчаніи, такъ какъ я сдѣлалъ съ *тремя* стихотвореніями, о которыхъ просто не упоминалъ. Но имя Тасса и переводъ Г. Раича имѣли всѣ права, чтобы обратили вниманіе публики на сей отрывокъ. Я не сказалъ никакого приговора *вообще* переводу Г. Раича; но сказалъ и теперь скажу, что балладическій тонъ неприличенъ Поэмѣ Тассовой. Излишняя сжатость и однозвучность разгѣра, и неминуемое того послѣдствіе — неуѣренное употребленіе фигуры удержанія, опягающее вниманіе чипашеля — сносны въ корешкомъ стихотвореніи, но утомительны въ длинной Поэмѣ. Къ тому жѣ и рима, безпрестанно звучащая въ слухъ, частнымъ своимъ повтореніемъ, легко можетъ ему наскучить. Прочтите не двѣ, не три странички, написанныя такимъ разгѣромъ, а цѣлую Поэму въ 12 пѣсней, даже двѣ или три пѣсни изъ сей Поэмы — и вы легко мнѣ подтвердите.

Эта самая сжатость разгѣра заставляла иногда Г. Раича пропускать то, что у Тасса составляетъ истинныя красоты, иное же дополнять своимъ собственнымъ, дабы соблюсти полному спрѣфы и не разрывая связи въ окладахъ подлинника. А кто спанешъ спорить, кромѣ нѣкоторыхъ заносчивыхъ Анпикришиковъ, что Писатель, переводящій великаго Поэта, подвергается самой спрѣгой отвѣтственности? Судь большинства голосовъ читающей публики не такъ стоворчивъ, какъ мой Анпикришикъ: часто одно слово, одинъ звукъ, производящій сильное дѣйствіе въ Поэзіи, бывъ переставлены или измѣнены, ослабляютъ впечатлѣніе цѣлаго, и подвергаются взыскательности людей съ разборчивымъ вкусомъ. Вотъ мое мнѣніе на сей счетъ, и я не разъ имѣлъ случай увѣриться опытомъ, что мнѣніе сіе пріемлется всеми просвѣщенными Литераторами.

Учтивосши Г. Анпикришика β, и мелочныя, растянущія его замѣчанія, я оставляю, какъ вещи, непринлежащія къ рѣшенію вопроса. Спранно только, что въ его теоріи Искусствъ форма есть не что иное, какъ *обликъ* (частное Искусства), *въ которомъ художникъ представляетъ свою идею, совершившюся по способу воззрѣнія его на предметы*, — сдѣловашельно, вещь второстепен-

ная, а не главный предметъ Изыщныхъ Искусствъ! — А чѣмъ же, прошу его объяснить, Художникъ, (напр. Ваятель, Живописецъ, Зодчій) изобразить свою идею, какъ не видимыми формами? И что же такое есть идея Художника? По моему мнѣнію, она есть усовершенствованіе, сообразно понятіямъ Художника, предметовъ, существующихъ въ природѣ. По сему, идея есть послѣдствіе формъ видимыхъ и осязательныхъ, и новостъ и предельствъ ея зависящихъ отъ особаго сочетанія тѣхъ же самыхъ формъ.

Забавно извиненіе Г. Антикрипика въ томъ, что онъ, *можетъ быть, выразился* въ своихъ замѣчаніяхъ нѣсколько сильно для *Рецензента*. На это имѣю честь ему отвѣчать, что въ замѣчаніяхъ его я вижу не силу, а усиліе, и отъ всего сердца ему извиняю. За Лашинскія и Французскія его фразы, хочу его также одарить Лашинскою фразою Сашкирика Пепронія: Non omnis Graculus Nomerus. Если ему угодно примѣненіе сей фразы — и тѣмъ гошовъ ему служивш: не всякой, кто вздумаетъ писать антикрипники, есть вѣрный судья въ Словесности.

С

СТИХОТВОРЕНІЯ.

М А С С И Л І Я (*).

Въ суровомъ сѣверѣ мятели
Несутся по полю въ густую тьму дали;
Лежатъ въ долинахъ снѣгъ; ручьи оледѣли;
Холодные цвѣты на стеклахъ разцвѣли.
Новъ сладостной странѣ, подъ Массалійскимъ небомъ.

Не смѣешь и дохнуть морозъ:
Здѣсь улыбаются вѣялки между розъ
И все позлащено благошворящимъ февромъ;
Сколь онъ живительно сіяетъ съ высоты!
Онъ силу новую въ большаго проливаетъ

И непримѣнно пробуждаетъ
Досель спавшія въ груди моей меншы,
Спѣшу на вышину скалы уединенной;
Сквозь алый шрепешный шуманъ
Спѣшу взглянуть на холмъ, лѣсочкомъ осяенной,
На тихій сводъ небесъ ни чѣмъ не возмущенной,
На необъятный Океанъ!

Все душу здѣсь манишь, все услаждаетъ взоры;
Сей замокъ дерзостный, висящій надъ водою,
Лука въ цвѣтахъ весенней флоры,
Сив синьюція горы

И доль, одѣшый шемпошой!
Я здѣсь одинъ; далекъ отъ городского шума:
Едва здѣсь гуль его доходишь до меня;

(*). Древнее названіе города Марсела.

О берегъ плещешь валъ и вспяшь бѣжишь, сменя
 И въ слѣдъ ему бѣжишь моя живая дума!
 На быстрыхъ крыльяхъ вы лепише, корабли!
 Уже вы приняты заливомъ;
 Глажу на вашъ полетъ въ восторгъ молчаливомъ:
 Не опъ моей ли вы опчизны пришекли?
 Бышь можете, плавашель, встрѣчалъ ты незабвенныхъ;
 Бышь можете, знаешь ты семью моихъ друзей:
 О! какъ придется нить ихъ драгоценныхъ дней
 Въ стѣнахъ Пешрополя родимыхъ и священныхъ?
 Здѣсь дивною прелестью мнѣ чуждую страну
 Живить роскошная Природа,
 Здѣсь очи странника и въ пресарьлошь года
 Встрѣчаюшь юную весну;
 По симъ брегамъ живуть воспомянья
 И сладкаго уныня полны
 Носишься любяща здѣсь крылашья мечшанья
 При свѣщъ мѣсяца, въ объяхъ пишины...
 Но въ родину лепишь мое воображенье:
 Когда ушлхнешъ шумъ и замолчишь волненье
 Ночь воды осѣнишь завѣсой темныхъ крыль,
 И опъ таинственныхъ свѣшилъ
 На земаю упадешъ нѣмое усыпленье; —
 Въ прекрасныхъ, благошворныхъ снахъ
 Не знаю съ милыми разлуки:
 Ихъ вижу, слышу, яму имъ руки;
 Я съ ними! я въ родныхъ мѣстахъ!
 То въ свѣжій, свѣшлый день помчались мы въ саняхъ:
 То бродимъ надъ Невой при яркомъ блескѣ снѣга:
 И вошь поверьхъ недвижимыхъ зыбей
 Бѣжишь толпа румяная дѣвей
 И съ смѣхомъ на конькахъ кружишь среди бѣга:
 Или опъ буръ свисшиащихъ вдалекъ

Съ приятнымъ, шайнымъ содроганьемъ
 При тихомъ прескѣ дровъ; при аломъ огонькѣ
 Мы восхищаемся протяжнымъ завываньемъ,
 Поющимъ поно въ комелькѣ!
 Или — но на зарѣ бѣгутъ созданья ночи
 И быстро вянешъ жизнь видѣній золотыхъ:
 Волшебный сонъ покинулъ очи!
 Увы! я не въ стѣнахъ для сердца дорогихъ:
 Въ чужбинѣ пробужденъ шумящюю толпою,
 Пестряющей съ утра на улицахъ живыхъ,
 Фокеевъ древній градъ я вижу предъ собою
 И на Массилію въ волненьи думъ пѣмыхъ
 Глажу съ невольною поскою.
 Но нынѣ весело съ ушеса зрю се!
 Опъ свѣшлыхъ водъ до горъ далекихъ
 Межь дикихъ, смѣлыхъ скалъ,
 Между стремнинъ глубокихъ
 Роскошный градъ простеръ владычество свое!
 О какъ прелестны эти виды!
 Здѣсь домикъ на холмѣ и роца миршъ вокругъ;
 Въ кудрявыхъ пиняхъ шамъ спрятались бастиды (*);
 Я слышу дальнихъ спадъ однообразный звукъ:
 Глажу — опъ висащъ на камняхъ надо мною
 И ошуманный мечшою
 Въ разодранномъ плащѣ, подъ шляпою пасхухъ
 Стоишь, какъ эпихъ горъ нѣмой хранишель — духъ!
 Гудящъ колокола среди областей эфирныхъ
 И звоимъ праздничнымъ живащъ и полнящъ слухъ:
 Торговля шумная волнуешъ гражданъ мирныхъ;
 У прислани, въ садахъ, на площадяхъ обширныхъ

(*) Бастидами называются загородные дома Марсельскихъ жителей.

Въ согласной суетѣ все мчится, все живешь;
Спокойно межъ деревъ домашній дымъ встаетъ!
И здѣсь — увы! неслись изъ дома въ домъ убійцы,

Въ сихъ спогнахъ кровь лилась рѣкой!
Осюда вырвались на дикій зовъ сполицы
Голодной, воющей толпой,

Какъ спая шигровъ, кровопійцы:
По пеплу городовъ отеческой земли
По шрепешнымъ пѣламъ безмолвнаго народа
Въ Люшецію они, бѣснуясь, пришекли:
Паль, паль на плахъ Царь (*), зарѣзана свобода (**)
И въ хладномъ ужасѣ содроглася природа!
Не шакъ ли грянешъ громъ на лядяныхъ высотахъ
И вдругъ, съ холма на холмъ покачашся лавины,
Стремясь, сорвутъ древа, сопрутъ утесы въ прахъ;
Рокоча, ниспадутъ въ глубокія долины
И похоронятъ вдругъ окрестность всю въ снѣгахъ?
Или до грозныхъ шучъ Везувій бросишь пламень,
Ошъ чернаго огня растаетъ самый камень,
Содрогнешся земля, какъ уголь, зардѣешь швердь,
Въ пылающихъ ручьяхъ польются страхъ и смерть!
Тогда, оцпенѣвъ, душа въ груди шрепещетъ
И смершнй смущшнй взоръ къ звѣздамъ далекимъ
мещетъ!

Увы! ужаснѣе и сихъ кипящихъ рѣкъ,
Немасышнмѣе голодныхъ псовъ страншнцы,
Жесточе воющей, дѣшей лишешной львшцы,
Обьяшшй слѣпошой, безумшнй человекъ! —

(*) Лудовикъ XVI.

(**) Съ ннмъ уничтожены благосостояннй и независимость,
коими подданные его наслаждались спокойно подъ защшшою
закономъ.

Но се — текущнй въ ничтожество мгновешя
Уносятъ самый слѣдъ страстей и разрушеня.
Злодѣи были и прошли!

Какъ греза мрачная умчался въкъ кровавый.
Ахъ, скрылись до него сползшя мнрной славы
И здѣсь давно цвѣшты Элады ошцвѣли!
Харнты, вамъ хвала! хвала и честь любви! —
Въ Массилн васъ пѣлъ Фокешннй прекрасной
И слушалъ двкнй Галль звукъ арфы сладкогласной.....
Всему удѣль преврашнность на землн!

Какъ съ дерева, дрожа, увядшнй листь слешаетъ,
Какъ ночью долгнй гуль въ пустыняхъ умираетъ,
'Такъ опадаетъ жизнь народовъ и племень,
И ихъ молва молчнтъ въ глухой степи времянь.
Пройдушь и блескъ и власть и ошцвѣшуть искусшва;
Но съ неба чнстшаго слетѣли въ душу чувства:
Любовь и гробъ переживешь!
Въ отечешво духовъ, въ священную обнтель
Она направнтъ свой полетъ,
И шагъ, безсмершнй нашъ Хранншель,
Вокругъ себя насъ соберетъ. —

Янв. 1821.

В. Кюхельбекеръ.

VII.
СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ
БИБЛЮГРАФІЯ.

Н О В Ы Е К Н И Г И :

1 8 2 5 .

41. На сооруженіе памятника Ломоносову
въ Архангельскъ. Стихотвореніе Графа

Хвостова. С. П. б. 1825, вь шип. Ден. Народнаго Просвѣщенія, вь 8, 30 сшр.

(СМ. Но 73 СѢВ. Пчелы.)

42. *Собраніе Россійскихъ законовъ. Книга первая, содержащая въ себѣ во-первыхъ: Сводъ Указамъ и другимъ положеніямъ, по времени состоянія оныхъ, подлинникомъ напечатанныхъ во всѣхъ книгахъ Собранія Россійскихъ Законовъ съ 1627 по 1825 годъ, и во-вторыхъ: Хронологическіе реестры по времени посылки Указовъ изъ Правительствующаго Сената въ продолженіе двухъ царствованій Императора Павла I и Александра I съ 1796 по 1825 годъ. Сочиненіе П. Хавскаго. С. П. б. 1825, вь шип. Прав. Сенаша, вь листъ 594 сшр.*

(СМ. Но 75 СѢВ. Пчелы.)

43. *О весеннемъ леченіи бользней, или наставленіе, какъ весною лечиться травами, травяными соками, молокомъ, сывороткою, холодными и теплыми ваннами, и минеральными и морскими водами. Изданное Штабъ-Лекаремъ Александромъ Никитинымъ. С. П. б. 1825, вь шип. Депарш. Народн. Просвѣщенія вь 8, 124 сшр.*

(СМ. Но 76 СѢВ. Пчелы.)

I

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

О Т Р Ы В О К Ъ

ИЗЪ РАСКАЗОВЪ ОДНОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА!

Сог. Вашингтона Ирвинга (*).

ИСТОРИИ О ПРИВИДѢНІЯХЪ (**).

О х о т н и ч ь и п и р ь.

Мнѣ случилось бытъ на охотничей пирушкѣ, которую давалъ одинъ старый Бааронешъ, спраспный любитель охоты, въ своемъ древнемъ, глубоко въ горахъ построенномъ замкѣ, гдѣ жилъ онъ холостякомъ, пріятно и весело. Въ молодости своей былъ

(*) Извѣстный Американскій Писатель, столь же любимый нынѣ въ Англїи, какъ и Вальтеръ Скопшъ.

(**) Здѣсь представлялся необузданный спраспши и суевѣріе, слабость ума и развращеніе сердца, главными причинами, распреивающими испуганное воображеніе.

онъ большой почтитель женскаго пола, и во время продолжительныхъ путешествій, наблюдалъ, по словамъ его, женщинъ, въ разныхъ земляхъ, съ отличнымъ успѣхомъ; но когда возвратился на родину совершеннымъ — по крайней мѣрѣ такъ думалъ онъ самъ — мастеромъ въ искусствѣ нравиться, случилось съ нимъ несчастіе, вовсе неожиданное, — получилъ отказъ отъ молодой пансіонерки, едва только вступившей въ ученическіе годы любви.

Баронетъ никогда не могъ оправиться отъ такого неслыханнаго пораженія, и съ досадою оставивъ большой свѣтъ, удалился въ свой замокъ, гдѣ добровольно опдался въ команду управительницы, и подобно вшорому Нимроду, принялся за ремесло травить лисицъ. Пусть господа Поэты говорятъ, что хотяшь; но что останется навсегда справедливымъ, что человекъ, спарьясь, перестаетъ любить, и что тогда свора гончихъ можетъ испребить изъ его сердца даже и воспоминаніе о какой нибудь пансіонной богинѣ. Баронетъ, въ то время, какъ я его видѣлъ, былъ самый веселый и забавный холоспякъ, какой только когда нибудъ занимался правлею лисицъ, и любовь, которая прежде ограничивалась въ немъ страстью къ одной женщинѣ, распространилась на весь

прекрасный полъ, такъ, что въ цѣломъ околоткѣ не было ни одного пригоженькаго личика, которое не интересовало бы его особенно.

Обѣдъ нашъ былъ очень продолжительенъ, потому что въ домъ хозяйна не было дамъ, которыя могли бы пригласить насъ въ гостиную, и бубылка, не выпѣняемая мощнымъ врагомъ своимъ, самоваромъ, удерживала по всемъ правамъ принадлежащей ей у холоспяковъ перевѣсъ. Въ древней залѣ, въ которой мы обѣдали, раздавались изліянія нескваннаго приличіемъ охотничьяго остроумія, такъ, что олени рога, развѣшенные по стѣнамъ ея, покачивались на мѣснахъ своихъ. Мало по малу однако же, вино и сидръ моего хозяина начали оказывать свое дѣйствіе надъ гостями, и безъ того уже упомленными отъ охоты. Жизненные силы, воспламенившіяся было на короткое время при началѣ обѣда, спали понемногу угасать, или только изрѣдка вспыхивали. Нѣкоторыя изъ проворѣйшихъ говорунговъ, которые сначала дали полную волю языкамъ своимъ, уступили наконецъ усыпительной силѣ Бакуса, и почти ничего уже болѣе не было слышно, кромѣ храпѣнья двухъ или трехъ собесѣдниковъ, которые молчали во все время своего бодрствованія; но за то

вступили въ права свои и оплатили обществу во снѣ.

Наконецъ вѣсть, что чай и кофе приготовлены уже въ гостиной, пробудила всѣхъ изъ временнаго усыпленія. Всякій чувствовалъ себя удивительно подкрѣпленнымъ, и начиналъ уже, посягая на живительный напитокъ изъ шаромоднаго, наследственнаго фарфора Баронешова, помышлять о возвращеніи во свояси, какъ вдругъ встрѣтилось непредвидѣнное препятствіе. Во время нашего некрашкременнаго обѣда, поднялась сильная вьюга съ снѣгомъ, дождемъ и градомъ: надобно было опасаться, что насъ промочатъ до костей.

„Въ такую погоду“ — сказалъ нашъ гостепріимный хозяинъ: — „жалъ и собаку выпустить на дворъ. Позвольте жъ мнѣ надѣяться, что вы останетесь гостями моими на нынѣшнюю ночь; я пойду сей часъ приготовить для всѣхъ вась кварширы.“

Ужасная буря, которая часъ отъ часу болѣе и болѣе разыгрывалась, не позволяла и думать объ откatzѣ: всякій былъ радъ шакому предложенію; единственный вопросъ состоялъ въ томъ, не слишкомъ ли обезпочить хозяина размѣненіе кучи неожиданныхъ гостей въ домъ, и безъ того уже наполненный людьми.

„Го, го!“ воскликнулъ Баронешъ: „развѣ вы никогда не слыхивали, что домъ стараго холостяка имѣетъ способность такъ раздаваться, что въ состояніи вмѣститъ въ себѣ вдвое больше людей, нежели сколько по наслоящему могутъ войти въ него?“

Въ шакихъ шупкахъ приглашена была на совѣтъ общаго нашего присутствія управительница. Старушка явилась въ своемъ праздничномъ, отъ времени уже полинявшемъ, шифономъ платьѣ, которое прощумѣло по комнатамъ съ удивительною быстротою: не смотря на хвастовство нашего хозяина, видно было, что она шаки затруднялась нашимъ помѣщеніемъ. Впрочемъ шаки вещи въ домъ холостяка и съ гостями, какіе обыкновенно у него бывающъ, скоро улаживающъ. Тутъ нѣтъ хозяйки, которал никакъ не можетъ простить себѣ, что шакихъ милыхъ гостей должна размѣстить по старымъ каморкамъ и закоулкамъ, и опкрытъ имъ всѣ сокровенности не вездѣ оплично усроеннаго своего хозяйства. Управительница стараго холостяка уже привыкла къ такимъ нечаяностямъ. А потому и у насъ, послѣ крапкихъ размышленій, переговоровъ и совѣщаній о красной и голубой, индѣйской и дакасской, большой и малой, комнатахъ,

горницахъ, залахъ, покояхъ и кабинешахъ, все было наконецъ усстроено.

Какъ скоро всѣ нужныя приготовленія кончилися, позвали насъ опять къ столу. Время, которое провели мы послѣ обѣда въ дреманьѣ, за кофеемъ и въ совѣщаніяхъ въ гостиной, по мнѣнію нашего багрянолицаго келлермейстера, достачно было для возбужденія порядочнаго аппетита къ ужину. Потому и слаженъ былъ онъ изъ осташковъ опшъ обѣда, какъ то: куска холоднаго жаркаго, дичины, поджаренаго крыла индѣйки или чего-то подобнаго, и нѣсколькихъ легкихъ кушаньевъ, которыя у деревенскаго помѣщика всегда гоповы и всегда производящъ желаемое дѣйствіе — крѣпкій, здоровый сонъ.

Послѣобѣденная дремоша, подкрѣпивъ шѣлесныя силы наши, возбудила и умственыя. Веселье снова одушевило всѣхъ. Въ особенноти нѣкоторыя женныя считали себя въ правѣ позабавиться на сценѣ хозяйства холостыхъ, и запрудненій нашего Баронета и его управительницы, при размѣщеніи гостей. Потомъ стали подсмѣиваться надъ тѣмъ, кому какой ночлегъ достанется въ старомъ замкѣ, куда мы шакъ нечаянно попали на квартиры.

„Тутъ“ сказалъ одинъ Ирландскій драгунскій Капитанъ, самый шумливый и ве-

селый гость изъ всего собранія: — „я право ни мало не удивлюсь, если одинъ изъ эшихъ добренькихъ молодчиковъ, которые теперь шакъ спокойно висятъ здѣсь по стѣнамъ, вздумаетъ сойти, и подъ шумъ бури прогуляться по комнатамъ, или чего добраго — духъ, которой нибудь изъ эшихъ длинокоресенныхъ дамъ ошибкою вмѣсто кладбища забредетъ ко мнѣ въ горницу.“

— „Вы вѣрите духамъ?“ — спросилъ одинъ изъ гостей, сухощавый мужчина, съ длиннымъ лицомъ и выкапившимися, какъ у морскаго рака, глазами.

Я замѣшилъ молодца еще за обѣдомъ. Это одинъ изъ тѣхъ безпрестанныхъ вопрошателей, которые, кажется, заражены всегдашнюю, ничѣмъ неулолимою жаждою къ разговорамъ. Онъ никогда не довольствовался никакимъ рассказомъ, какъ бы полонъ и подробенъ онъ ни былъ; никогда не смѣялся, когда смѣялись другіе, а только всегда спрашивалъ, надъ чѣмъ собственно смѣются. Для него было недостаточнo, если ядро орѣха приносило ему удовольствіе — нѣтъ, ему непременно хотѣлось еще знать, какъ и изъ чего соспавлена скорлупа. „Вы въ самомъ дѣлѣ вѣрите духамъ?“ спросилъ эшопъ господинъ.

— „Что за вопрос!“ — ошвѣчала шумливый Ирландецъ: — „Я воспитанъ въ страхахъ къ нимъ. У насъ у самихъ въ семействѣ была одна въшунья.“

„Въшунья? А что это за женщина?“ спросила мой вопрошатель.

— „Ну, духъ прабабки, которая забошится о душахъ своей фамилии, и показывается въ окошкѣ, чтобы объявить, когда кто изъ потомковъ ея долженъ умереть.“

„Пріянное посольство!“ воскликнулъ одинъ пожилой человекъ, съ пронизательнымъ взглядомъ и курьознымъ носомъ, которому умѣлъ онъ давать самое комическое положеніе, когда хопѣлъ пршущицъ.

— „Да, да! это особый родъ ошдичія, когда шакая почтенная дама забошится о нашемъ братѣ. Это ясное доказательство, что въ дилахъ нашихъ пещеть чистая, неподмѣшанная кровь. А право, пеперь, какъ рѣчь зашла о духахъ — не скоро приберешь домъ и ночь, которыя бы причинѣ были для истпорійки объ нихъ, какъ здѣсь, и именно пеперь. Ну право, Сиръ Джонъ; ишь ли у тебя какой нибудь эшакой очарованной комнаты, куда бы можно было запрдшати одного изъ гостей?“

„Почему жъ не шакъ?“ сказала, улыбаясь, Баронетъ: „Можесть бышь, могу услужить вамъ и шѣмъ.“

— „О, любезнѣйшій! Это суцая для меня находка! Знаешь, эшакая шемная комната, съ дубовымъ паркетомъ, уродливыя, вылинявшіе портрешы, которые изподлобья поглядываютъ изъ своихъ рамъ, и о которыхъ управительница знаетъ кучу разныхъ исторій, одна другой забавнѣе. А шамъ едва шеплящаяся лампа, споль и на немъ заржавѣвшій мечъ, и наконецъ духъ, весь въ блдомъ, который въ полночь раздвигаетъ занавѣсы у швоей кровати.“ —

„Въ самомъ дѣлѣ!“ — сказала одинъ шаричокъ на концѣ сполы: — „вы приводите мнѣ на память анекдотъ, который —“

— „Браво! Исторія о мерцувѣ? Браво, браво!“ вскричала въ одинъ голосъ всѣ, сидѣвшіе вокругъ сполы, и всякій пододвинулъ спуль свой поближе.

Вниманіе всего собранія обратилось пеперь на раскатица. Это былъ шарикъ, у котораго одна половина лица совсѣмъ иначе смотрѣла, нежели другая, пошому что съ одного глазнаго вѣка капала слеза, и оно видѣло внизъ, какъ сорвавшійся съ пѣшли оконный спавень. Вообще вся эша половина лица была совсѣмъ изуродована, и походила на

«лигель заброшеннаго и околдованнаго дома. Я былъ готовъ биться объ закладъ, что эта сторона вся наполнена у него исторіями о мершвецахъ.

Всѣ приступили къ нему съ просьбами.

„Это право“— сказалъ старикъ:— „простой анекдотъ, и къ тому жъ самый обыкновенный. Впрочемъ, если вамъ угодно, я готовъ рассказать его. Исторію эту слышала я однажды отъ своего дяди, котораго уверялъ меня, что она случилась съ нимъ самимъ. А онъ былъ человѣкъ, съ которымъ въ самомъ дѣлѣ было на вѣку много странныхъ, удивительныхъ приключеній. О, онъ рассказывалъ мнѣ другія, еще гораздо чуднѣе.“

— „Что за человѣкъ былъ вашъ дядюшка?“— спросилъ охотникъ дѣлашь вопросы.

„Ну, простой, обыкновенный мальчикъ. Много путешествовалъ, и попому охотно калякалъ о своихъ походахъ.“

— „Извините: какихъ лѣтъ былъ онъ въ то время, когда это съ нимъ случилось?“

„Когда это съ нимъ случилось?“ вскричалъ съ непереніемъ господинъ съ подвижнымъ носомъ: „Вы еще и не допустили его до того, чтобы съ нимъ чтонибудь могло случиться!“

— „Сдѣлайте милость, расскажите только“— прервали всѣ. — „Намъ не нужны лѣ-

та вашего дядюшки; мы хотимъ знать его приключенія.“

Вопрошавель принужденъ былъ на время замолчать, и спарикъ съ околдованною головою началъ.

Похожденія моего дяди.

Уже много времени тому назадъ, еще задолго до Французской революціи, провелъ дядя мой нѣсколько лѣтъ въ Парижѣ. Тогда Англичане и Французы были еще лучше другъ съ другомъ, нежели теперь, и въ обществѣ обходились между собою по пріятельски. Англичане вѣдали обыкновенно шуда, чтобы прожить свои деньги, и Французы были всегда готовы помогать имъ въ помъ; теперь пускаются они въ чужіе края, чтобы скопить денегъ; а это могутъ они дѣлать и безъ помощи Французовъ. Можеть быть, тогдашніе Англійскіе путешественники были малочисленнѣе и ошборнѣе, нежели въ наше время, когда изволишь путешествовать вси нація и наводняешь пвердую землю. По крайней мѣрѣ извѣстно то, что Англичане были тогда чаще и охотнѣе принимаемы въ иностранныхъ хорошихъ обществѣхъ. Такъ и дядя мой, во время пребыванія своего въ Парижѣ, свель многія, весьма короткія зна-

комства съ изъкоплыми изъ лучшихъ домовъ.

Нѣсколько времени спустя, предпринявъ онъ зимою путешествіе по той части Нормандіи, которая называется Pays de Saux. Въ одинъ вечеръ, увидѣвъ онъ, изъ за деревьевъ обнесеннаго стѣною сада, башни стараго замка. Каждая башня съ своею высокою остроконечною крышею изъ сѣраго аспида, походила на свѣчу съ накинутымъ на нее гасильникомъ.

„Чей это замокъ?“ спросилъ дядя художнаго, но проворнаго почтальона, который въ огромныхъ сапогахъ съ распубами, и въ шреугольной шляпѣ, шприся передъ нимъ на коренной лошади.

— Маркиза *** — отвѣчалъ почтальонъ, подвинувъ немного свою шалпу, частію изъ почтенія къ моему дядѣ, а частію и изъ благоговѣнія къ знашному имени, имъ произнесенному.

Дядя мой вспомнилъ, что въ Парижѣ былъ онъ весьма короршко знакомъ съ Маркизомъ, и что послѣдній часно приглашалъ явѣвшшя его когда нибудь въ родовомъ его замкѣ. Будучи шарымъ путешественникомъ, и зная, что изъ всего надобно извлекать свою пользу, дядя мой сей часъ смекнулъ, какъ пріятно будешь Маркизу такое дружеское

печатанное посвященіе, и какъ еще пріятнѣе для него, найти въ замкѣ хорошей ночлеги, подкрѣпить силы свои извѣстною ему еще изъ прежнихъ временъ превосходною кухнею Маркиза, и ошвѣдать его отличнаго шампанскаго и бургонскаго, лежели пристать въ какомъ нибудь грязномъ деревенскомъ прапширѣ, и ѣсть всякую дрянъ, какую подадутъ. Вздумано, сдѣлано. Черезъ нѣсколько минушь бичъ художнаго почтальона, который хлопывалъ имъ, какъ настоящій Французъ, раздался въ длинномъ, узкомъ вѣздѣ, ведущемъ въ замокъ.

Вы безъ сомнѣнія видѣвали старинные Французскіе замки; да какъ и не видать? Кто въ наше время не путешествовалъ по Франціи? — Замокъ Маркиза былъ одинъ изъ самыхъ древнѣйшихъ. Голь, какъ соколъ, споялъ онъ одинъ посреди пустыни, окруженъ усыпанными хрящемъ дорожками и холодными, каменными шеррассами; даме въ старинномъ вкусѣ правильнымъ, принужденно искусственнымъ садомъ, разбитымъ на углы и кварширы; холоднымъ, безлиственнымъ паркомъ, геометрически прорѣзаннымъ узкими аллеями, двумя или тремя холодными, по мапериалу и выраженію, безносыми спатуями и нѣсколькими фоншанами, которые бросали довольно холодной воды, чтобы всякаго при

первомъ взглядѣ, заставивъ спучашъ зубами. По крайней мѣрѣ такое впечатлѣніе произвело все это на моего дядю, при посѣщеніи его въ холодный, зимній день, хотя я годовъ бишься объ закладъ, что въ жаркое лѣпо въ эшомъ саду и паркѣ найдешь довольно открытхъ для солнца мѣсть, чтобы испечься или до слѣпоты проглядѣшь глаза свои, если не побережешься.

Хлопанье извоицьяго бича, спановившееся звучиѣ, чѣмъ ближе подъѣзжали они къ замку, выгнало голубей изъ голубяшни, потомъ спугнуло воронъ съ кровли, а наконецъ выманило и слугъ изъ замка, которые явились съ самимъ Маркизомъ впереди. Онъ былъ въ восторгѣ, увидя моего дядю, потому что въ его замкѣ не было тогда на ночлегѣ, какъ шеперь у нашего почтеннаго хозяина, больше гостей, нежели сколько могло помѣститься въ немъ. Маркизь, по обычаю Французовъ, поцѣловаль дядю моего въ обѣ щеки, и ввелъ въ замокъ.

Съ сродною соотечественникамъ своимъ учтивостью, принялъ хозяинъ пріѣзжаго гостя. Онъ безъ сомнѣнія гордился своимъ древнимъ родовымъ замкомъ, потому что одна часть его дѣйствительно была чрезвычайно стара. Между прочимъ заслуживали тамъ вниманія башня и церковь, выстроенныя еще въ незапамятныя времена. Остальная часть

была однако же гораздо новѣе опъ того, что во времена мятежей, извѣстныхъ во Французской Исторіи подъ именемъ ligue, замокъ эшопъ былъ почти совершенно разрушенъ. Маркизь рассказываль о томъ съ большимъ самодовольствомъ, и даже съ чувствомъ благодарности упоминаль о Генрихѣ IV, который призналь его фамильный замокъ заслуживающимъ разореніе. Онъ рассказываль также много исторій о геройскихъ подвигахъ своихъ предковъ, и показываль разныя шашки, шлемы, луки, огромныя сапоги и панцыри, которые носили воины тогдашняго времени. Особенно же хвастался онъ однимъ мечемъ, которымъ надобно было управлять обѣими руками, и который самъ Маркизь насилу могъ приподнять: онъ приводиль его въ доказательство, какіе великаны были вѣкогда въ его фамиліи.

Надобно сказаць и то, что онъ самъ былъ весьма маленькій попомокъ пакикъ великихъ воиновъ. Взглянувъ на ихъ важныя лица и крѣпкое сложеніе, какъ были нарисованы они на поршрешахъ, и потомъ на крошечнаго Маркиза съ ногами, какъ лучинки и блѣднымъ лицомъ, по обимъ сторонамъ котораго торчала пара напудренныхъ пуклей или ailes de pigeon (голубиныя крылья), мудрено было повѣрить, чтобы онъ происхо-

даль ошь одной съ ними породы. Но кто смотрѣлъ ему въ глаза, которыя, какъ свѣтляки, сверкали съ обоихъ боковъ горбашаго его носа, шощь легко могъ замѣнить, что онъ наследовалъ всю живость духа своихъ предковъ. И правда, духъ Француза не угасаетъ никогда, какъ бы ни съѣжилось его тѣло. Напрошивъ онъ расширяется и дѣлается воспалительнѣе, по мѣрѣ, какъ земная оболочка его уменьшается, и я самъ наблюдалъ однажды въ одномъ Французскомъ карликѣ столько храбрости, что ее спало бы и для порядочнаго великана. Когда же Маркизь, какъ онъ обыкновенно шо дѣлалъ, на дѣвалъ на себя одинъ изъ шлемовъ, развѣшанныхъ по стѣнамъ, шо хопя голова его и не могла наполнить пустаго пространства шлема, какъ каелый орѣхъ своей скорлупы; но изъ глубины желѣзныхъ впадинъ блискали глаза его, какъ карбункулы; и когда онъ махалъ шпжелымъ двуручнымъ мечемъ своего пращура, шо походилъ на маленькаго смѣльцака, вращающаго мечъ спрашнаго великана.

Извините, господа! я, можеть быть, слишкомъ долго занимаю васъ описаніемъ Маркиза и его замка; но онъ былъ старинный другъ моего дяди, и когда послѣдній расказывалъ эшу исторію, шо всегда съ большимъ удовольствіемъ распроспрашался о сво-

емъ хозяинѣ. — Бѣдный маленькій Маркизь! Онъ былъ одинъ изъ горсти отважныхъ придворныхъ, которыя, въ несчастный день десятиаго Августа, оказали мужественное, но къ сожалѣнію бесполезное для своего Короля сопротивление, ворвавшейся въ Тюльерійскій дворець черни. Съ храбростію настоящаго Французскаго рыцаря защищался онъ до послѣдней минушы; слабо отражалъ еще свою корошенькою придворною шпагою цѣлый легионъ санкюдотовъ, пока наконецъ пика одной кровожадной пуассарки не припкнула его къ стѣнѣ какъ муху, и геройская душа его не воспарила на своихъ голубиныхъ крыльяхъ (ailes de pigeon).

Но обратимся къ нашей исторіи. — Когда наступила ночь, дядю моего отвели въ назначенный для него покой, въ одной старой башнѣ. Это было въ древнѣйшей части замка, гдѣ прежде находилась и укрѣпленная шюрма, къ нему принадлежавшая. Нельзя сказать, чтобы комната дяди была изъ лучшихъ. Но Маркизь велѣлъ опвести ему эшу, зная, что дядя былъ путешественникъ со вкусомъ и большой охотникъ до древностей; къ шому же лучшіе покои были уже заняты. Да и дядя не захопѣлъ другой, когда Маркизь назвалъ ему знаменитыхъ мужей, которыя нѣкогда въ ней жили, и бы-

ли ближе или далье въ родствѣ съ фамиліею хозяина. Если вѣришь послѣднему, шо Джонъ Баліоль (John Baliol) умеръ въ этой комнатѣ съ печали, получивъ извѣстіе о счастіи соперника своего Роберта де-Брюса въ Баннокбурнскомъ сраженіи. Когда же Маркизь присовокупилъ, что и Герцогъ де-Гизъ ночевалъ въ ней, шо дядя счелъ за великую для себя честь имѣть такой отличный ночлежь.

Ночь была холодна и бурлива, а покой не изъ самыхъ щедрыхъ. Длиннолицый, долговязый лакей, въ нарядной ливрѣ, назначенный для услугъ дяди, принашилъ старья деревянныя кресла къ камину, съ робостію оглядывая еще разъ въ комнатѣ, и пожелалъ моему дяди покойной ночи съ шакими спранными ужимками, кошорыя со спороны всякаго другаго, а не срагаго Французскаго слуги, могли бы показаться подозрительными.

Комната дяди, въ самомъ дѣлѣ, имѣла видъ не совсѣмъ привлекательный: все казалось въ ней пусто, все клонилось уже къ разрушенію; и шопъ, кпо начинался Романовъ, невольно прищелъ бы въ шрепешъ ошавшисъ въ ней. Окна были высоки и узки; прежде на ихъ мѣстахъ находились шолько

одни отверстія для пушекъ, и уже послѣ распростирили ихъ, сколько могла дозволить ужасная полщина стѣны; дурно вспаленныя окончины шатались при каждомъ дуновеніи вѣтра. Въ бурливую ночь, звукъ, ими производимый, опизывался шочно какъ бы нѣсколько Лигистовъ въ своихъ огромныхъ сапогахъ, съ бренчащими шпорами, изволили прохаживаться и постукивать по комнатамъ. Открытая дверь, кошорая, какъ настоящая Французская дверь, не смотря на всѣ усилія запереть ее, никакъ не хотѣла повиноваться, вела прямо въ длинный, темный корридоръ, кошорому не видно было и конца: онъ казался нарочно сдѣланнымъ для прогулки мершвецовъ, когда имъ въ полночь угодно будетъ ошавить свои могилы. Въ шерь съ ужаснымъ шумомъ вылъ въ этомъ корридорѣ и хлопалъ дверью, безпрестанно ошворя и пришворя ее; какъ будто бы какой нибудь мершвецъ былъ еще въ нерѣшимости, долженъ ли онъ войти въ нее или нѣтъ. Однимъ словомъ, комната впа казалась шакъ мало удобна для жишья, что духъ, если въ самомъ дѣлѣ водились шакіе въ спаромѣ замкъ, вѣрояшно, избралъ бы ее любимымъ своимъ мѣстопребываніемъ.

Но дядя мой, хопя на роду его случилось съ нимъ довольно спранныхъ приключо-

чений, не ожидалъ шеперь никакого. Онъ пытался нѣсколько разъ, хотя и безъ успѣха, запереть дверь, не ошъ того, чшобы чего нибудь боялся — на шакого опышнаго путешественника старая пустая комната не нагнала бы спраха — но пошому что, какъ я уже сказалъ, ночь была холодна и бурлива и въшрь выль кругомъ спарой башни еще сильнѣе, нежели воешь шеперь около этого спараго спроенїя; а изъ длиннаго, шемнаго корридора дуло шакою прохлагою и сыростью, какъ бы изъ подземной шюрмы. Не могли запереть двери, дядя мой набросалъ кучу дровъ въ огромный каминъ, шакъ, что пламя въ немъ скоро запылало, освѣшило всю комнату, и шнѣвъ каминныхъ шципцовъ, какъ бы шакого длинноногаго великана, ошбросило на шротивоположную сторону. Дядя взмоштился на нѣсколько дюжинъ шюфяковъ, изъ которыхъ состоишь обыкновенно Французская постель, и которые были взгромождены одинъ на другой въ глубокомъ нишѣ, погрузился въ нихъ почти до дна, и зашряшался подъ одѣяло до шамого подбородка. Такъ лежалъ онъ, пошматривалъ на огонь, прислушивался къ въшпру, думалъ, какъ искусно удалось ему найти ночлегъ у своего спараго прїятеля, Маркиза, и наконецъ заснулъ.

Но не долго наслаждался онъ сномъ: чабы въ башнѣ, прямо надъ его головою, забили полночь, и разбудили его. Часовой колоколь былъ, какъ нельзя лучше, по вкусу духовъ: шонъ самый низкій и нешрїятный; а удары повшорились одинъ за другимъ шакъ медленно, что дядя думалъ, имъ и конца не будетъ. Онъ считалъ, считалъ, пока шочно не увѣрился, что насчиталъ шринадцать; вслушивался еще — но колоколь ушолкъ.

Огонь въ каминѣ погасъ; жаръ послѣднихъ угольевъ попухалъ; шолько шусклый голубой огонекъ перебѣгалъ по нимъ, и изрѣдка проскакивало шонкое, продолговатое, бѣлесоватое пламя. Дядя лежалъ въ постель съ полузакрытыми глазами, на которые былъ надвинуть колпакъ. Воображеніе его опять ошправилося спранствовашъ, и уже начало рисовать ему жерло Везувїя, Парижскую Оперу, Римскїй Коллизей, Доллїеву шаверну въ Лондонъ и цѣлую кучу извѣстныхъ мѣшпъ, которыми наполнены головы путешественниковъ; однимъ словомъ, онъ опять началъ засыпашъ.

Варугъ пробудилъ его шопощъ шаговъ, медленно раздававшїйся по корридору. Дядя мой, какъ онъ самъ не разъ хвасался, былъ не шрусливаго десятичка. Онъ лежалъ спокойно, и полагалъ, что вѣрно прїѣхалъ

другой гость, или кошорый нибудь изъ слугъ опсправляется спать. Однако шаги приближались къ двери, кошорая опспорилась пошпихоньку — сама собою или нѣтъ, дядя не могъ распознать — и къ нему въ комнату вошла человѣческая фигура, вся въ бѣломъ. Это была женщина, высокая и величественной наружности. Платье ея, спараго покроя, съ широкимъ подоломъ и длиннымъ хвостомъ, волочилось за нею по полу. Она подошла къ камину, не замѣчая дяди, кошорый одною рукою подвинулъ вверхъ колпакъ свой и опираясь на другую, со вниманіемъ наблюдалъ всѣ ея движенія. Нѣсколько минушь спояла она передъ огнемъ, кошорый, изрѣдка сверкая еще, издавалъ голубоватый и бѣлесватый свѣтъ, такъ, что дядя могъ очень ясно разсмотрѣть свою гостью.

Лице ея было блѣдно, какъ у мершвеца; можешь быть еще болѣе казалось оно шпакимъ опъ голубоватого свѣта изъ камина; къ шому же грусть и заботы видимо исказили нѣкогда прекрасныя черты его. Взоръ ея былъ взоръ человѣка, хопя и привыкшаго къ печали, но не шпакого, кошорый бы дозволялъ ей овладѣть собою: въ немъ опсвѣчивалась еще главная черта гордой, неуступчивой рѣшимости. — Такимъ по крайней

мѣрѣ показалось лице это моему дядѣ; а онъ выдавалъ себя за великаго физиогнома.

Нѣсколько минушь, какъ я сказала уже, спояла незваная гостья передъ каминомъ, прошинула сперва одну руку, попомъ другую, наконецъ и обѣ ноги, одну за другою, какъ будно бы хопѣла погрѣться; а вѣдь эти господа духи — я считаю, что и она принадлежала къ ихъ числу — мерзнушь не хуже нашего брата. Разсмахривая ее далѣе, дядя замѣшилъ, что на ней были башмаки, по спаринной модѣ, на высокихъ каблукахъ и съ прижками, опсыпанными разными камешьями, кошорые ярко блиспали. Наконецъ дама обернулась съ ловкостію, окинула своими спеклянными глазами кругомъ всю комнату, и когда взоръ ея повспрѣчался со взоромъ дяди, кровь заспыла въ его жилахъ и мозгъ поспрялся въ костяхъ. Тушь подняла она руки къ небу, сложила ихъ вмѣстѣ въ умоляющемъ положеніи, и попомъ вышла изъ комнаты, такъ же тихо, какъ и вошла въ нее.

Дядя лежалъ нѣсколько времени не шевелясь, и размышлялъ обѣ этомъ посѣщеніи. Здѣсь надобно замѣнить, какъ онъ и самъ всегда по дѣлалъ, рассказывая эту испорію, что хопя былъ онъ человѣкъ и очень шпердѣй, однако жъ шѣмъ не менѣе человѣкъ расшудительный, кошорый не опспергаешь како-

го-либо событія пошому только, что оно выходитъ изъ однообразнаго круга обыкновенныхъ явленій. Но какъ онъ, повшорю еще, на своемъ вѣку много уже путешествовалъ, много видалъ, и спранныя приключенія были для него не въ диковину, по, по крапкомъ размышленіи, надвинулъ онъ опять колпакъ на глаза, обернулся спиною къ двери, заложилъ одѣяло за самыя плечи, и мало по малу снова заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Какъ долго онъ спалъ, этого не умѣю сказать вамъ; только пробудился онъ не самъ, а услыша, что его кличущь. Дядя обернулся, и увидѣлъ спараго Французскаго лакея съ большими пуклями, плашно примазанными по обѣимъ споронамъ длиннаго лица, на кошоромъ привычка напечаталъла всегдашнюю улыбку. Слуга, съ тысячею ужимокъ, тысячу разъ просилъ прощенія, что онъ осмѣлился беспокоить дядю, и повшорилъ, что онъ никакъ бы на это не рѣшился, если бы не было уже очень поздно. Между тѣмъ, какъ дядя мой одѣвался, хошлось ему поразвѣдать о ночномъ посѣщеніи. Для того спросилъ онъ спарика: „какая дама имѣеть привычку прогуливаться по ночамъ въ этой части замка?“ Но слуга приподнялъ плечи выше своего плуца, положилъ одну руку на грудь, прошинулъ другую съ раздвинутыми

вросъ пальцами, и сдѣлалъ пакою лукавою рожу, какъ бы хошѣлъ сказать: не его дѣло знать о шайныхъ связяхъ своего господина.

Дядя, увидѣвъ, что такимъ образомъ не узнаешь онъ ничего удовлетворительнаго.

Послѣ завтрака, прохаживался онъ съ Маркизомъ по новымъ покоямъ замка, по гладко-вылощеннымъ паркешамъ залъ, убранныхъ шелковыми матеріями, и уставленныхъ богатыми мебелями. Наконецъ пришли они въ длинную каршинную галлерей, въ кошорой было множество поршретовъ, писанныхъ опчассти масляными, опчассти сухими красками.

Здѣсь опкрылось обширное поле краснорѣчію хозяина, кошорый обладалъ симъ даромъ въ совершенствѣ, какого только можно было ожидать отъ Французскаго придворнаго прошедшаго столѣтія. Не было ни одного великаго имени въ Нормандіи, едва ли одного въ цѣлой Франціи, кошорое бы, тѣмъ или другимъ образомъ не находилось въ связи съ его домомъ. Дядя мой слушалъ съ внушрненно несперѣдливостію и, какъ журавль, опускался попеременно по на одну, по на другую ногу, между тѣмъ какъ маленькій Маркизь, съ обыкновеннымъ жаромъ и живописію, рассказывалъ ему о подвигахъ своихъ предковъ, кошорыхъ поршреты висѣли по

спѣвнамъ; о военныхъ дѣяніяхъ храбрыхъ сподвижниковъ, одѣянныхъ въ спальную броню; о завоеваніяхъ милыхъ пастушекъ, зашпунныхъ въ фіямы, съ шаліями, не толще спекла песочныхъ часовъ, и съ красивенькими посошками, кои украшены развѣвающимися лентами.

Но вдругъ, посреди расказа хозяина, дядѣ моему бросился въ глаза портретъ во весь ростъ, который показался ему, ни дашь ни взять, копіею посѣдившаго его въ прошедшую ночь оригинала.

„Если я не ошибаюсь“ — сказала она, указывая на картину: — „по я видала даму, съ копорой списанъ эшошъ портретъ.“

— „Извинише—опѣвчалъ вѣжливо Маркизь — эшо едва ли возможно, попому что дамы уже болѣе спа льшь нѣшь въ живыхъ. Эшо прекрасная Герцогиня Лонгвиля, копорая, во время малолѣтства Лудовика XIV, играла большую ролю.“

„А случилось ли съ нею въ жизни что нибудь особенное?“

Никогда дядѣ моему не приходилъ въ голову неудачившій вопросъ. Маленькій Маркизь сей часъ принялъ позিশуру человека, который намѣренъ начашъ длинный расказъ. Въ самомъ дѣлѣ дядя нехоша долженъ былъ выслушашъ цѣлую испорію междоусоб-

ной войны, возженной во Франціи прошиво-придворною партіею, извѣстною подъ именемъ fronde, въ которой прекрасная Герцогиня такъ опланичалась. Тюреннь, Колиньи, Мазарень вызваны были изъ гробовъ своихъ для украшенія расказа; однимъ словомъ, не было забыто ни одно лице, ни малѣйшее обстоятельство. Дядя мой тысячу разъ посылалъ къ чорпу Маркиза съ его безпощадною памяшью, какъ вдругъ воспоминанія маленькаго человѣчка коснулись интереснѣйшихъ событій. Она расказывалъ о заключеніи Герцога Лонгвиля съ Принцами Конде и Конпи въ Венсенскомъ замкѣ, и о щепетныхъ усиліяхъ Герцогини, побудишь храбрыхъ Норманновъ къ ихъ освобожденію. Наконецъ дошелъ онъ до того, какъ она была осаждена Королевскими войсками въ Діепскомъ замкѣ.

„Чѣмъ пруднѣе спановилось положеніе Герцогини“ — продолжалъ Маркизь: — „шѣмъ возвышеннѣе казалась душа ея. Надобно было удивляшся, какъ эшо нѣжное, прелестное существо съ шакою швердосію сражалось съ прецѣпшвилями, и наконецъ рѣшилась на чрезвычайно отважное бѣгство. Въ безъ сомнѣнія видѣли замокъ, въ копоромъ была она заперта. Какъ спарый испоченный наростъ, споишь онъ на хребтѣ одного

холма, прямо мадъ эшимъ закопшълымъ гнзъ-домъ, Діеппомъ. Въ темную, бурную ночь, вышла она тихонько изъ одной задней двери зѣмка, копорую непріятель оставилъ какъ-то безъ спражи. Эпа дверь видна еще и понывъ. Отъ нее ведеть узенькій мостикъ черезъ глубокій ровъ, между зѣмкомъ и вершиною холма. За Герцогинею послѣдовала ея женская свита, небольшое число слугъ и нѣсколько рыцарей, оставшихся ей вѣрными и въ несчастіи. Намѣреніе ея было достигъ одной небольшой, въ нѣсколькихъ тольکو миляхъ отстоящей отсюда пристани, гдѣ скрытно приготовлено было все для ея побѣга.“

„Небольшая толпа бѣглецовъ прошла эпо разспояніе пшккомъ. Когда приближались они къ гавани, вѣтръ усилился и поднялъ спрашную бурю; море было въ эпо время на опливъ, и до судна, споявшаго на якоръ далеко отъ пристани, не было другой возможности достигъ, какъ развѣ въ маленькомъ рыбацемъ челночкѣ, копорый, какъ раковинка, качался на волнахъ. Герцогиня рѣшилась и на эпо. Напрасно машросы старались отклонить ее; крайняя опасность, угрожавшая ей на сухомъ пуши, побуждала ее къ шому; возвышенность ея духа презирала опасности. Она велѣла одному

машросу перенести себя въ лодку на рукахъ. Однако жъ вѣперъ и волны были такъ сильны, что отъ напора ихъ, машросъ покачнулся, потерялъ равновѣсіе и уронилъ тяжелую ношу свою въ море.“

„Герцогиня чуть чуть не упонула; къ счастью, подоспѣвшие машросы выплщили ее на берегъ. Только что она немножко отдохнула, какъ начала снова наспивать на прежнемъ. Но буря между шѣмъ такъ усилилась, что не было никакой возможности исполнить ея желаніе. Чшо дѣлать? всякое промедленіе могло открыть ее, и новый павъ былъ бы ея удѣломъ. Оспавалось еще одно средство: доспзали лошадей; она и бывшія съ нею женщины помѣстились на нихъ позади храбрыхъ рыцарей, сопутствовавшихъ ей въ побѣгъ, и такимъ образомъ пустились все искать въ окрестностяхъ какого нибудь пріюта.“

„Порыскавъ въ эпомъ опчаянномъ положеніи“ — продолжалъ Маркизь и вопкнулъ указательный палець въ верхнюю пеплицу кафшана моего дяди, чтобы оживить ослабвующее вниманіе послѣдняго: — „порыскавъ въ эпомъ положеніи довольно долгое время, подъѣхала наконецъ Герцогиня съ своею свитою къ этому зѣмку. Ея приближеніе привело въ смяшеніе жителей, и не

мудрено: попошь нѣсколькихъ коней, посерединѣ ночи, на дорогѣ къ уединенному замку, въ такое смутное время, и въ споронѣ, столь близкой къ шапру войны, хошь бы на кого нагналъ безпокойство.

„Длинный, широкоплечій егерь, вооруженный съ ногъ до головы, прискакалъ напередъ, и объявилъ высокое имя поспешительницы. Тогда всѣ безпокойства исчезли. Цѣлый домъ вышелъ къ ней на встрѣчу съ факелами, и никогда безъ сомнѣнн, не освѣщали послѣдніе людей, болѣе посправавшихъ ошъ бури, болѣе упомленныхъ. Надобно было видѣшь ихъ блѣдныя, сонливыя лица, ихъ насквозь промокшія плашья; надобно было видѣшь, какъ бѣдная Герцогиня и ея женщины сѣдѣли на коняхъ, прижавшись къ рыцарямъ; какъ изыбшіе пажи и слуги, ошъ усалостти и сна, едва не падали съ лошадей.“

„Правдѣ мой принялъ Герцогиню съ искреннимъ радушіемъ. Ее ввели въ залу замка, и пошчасъ запылалъ огонь во всѣхъ каминахъ, чтообы обсушить и обогрѣшь ее и свиту. Не оспалось ни одного горшка и ни одной кашпюли въ замкѣ: всѣ были заняты пригошвеніемъ для пушешественниковъ самаго полного ужина.“

„Она имѣла право на такое гостепрїимство съ нашей споронѣ“ — продолжалъ

Маркизь, прїосанившись: — „потому что была въ родствѣ съ нашимъ домомъ. Ея родитель, Генрихъ Бурбонъ, Принцъ Конде —“

— „И такъ Герцогиня переночевала въ этомъ замкѣ?“ — прервалъ мой дядя, испугавшись, чтообы Маркизь не пушился ошя въ генеалогическія изслѣдованія о своей фамиліи.

— „Безъ сомнѣнн; ей ошвели пошь самый покой, въ кошоромъ провели и вы прошедшую ночь: въ то время былъ онъ парадною спальнею въ замкѣ. Свита ея размыслалась по комнапамъ, примыкающимъ къ корридору; а ея лейбпажъ спалъ въ сосѣдней горницѣ. Во всю ночь прохаживался по корридору взадъ и впередъ пошь великанъ — егерь, кошорый высланъ былъ въспникомъ о приборїи Герцогини, и кошорый исправлялъ шушь должность часоваго. Это былъ смуглый, угрюмый, но сильный мужчина, и когда свѣшь ошъ лампы въ корридорѣ упала на его скуластое, рѣзкими чертами обозначенное лицо, на его жилистыя мышцы, на его мужественную осанку, казалось, что онъ въ состоянн одинъ однехонекъ защитишь цѣлый замокъ.“

„Ночь была чрезвычайно сурова, почти въ нынѣшнее время года — ахъ, да, шеперь я вспомнилъ, вчерашняя ночь была именно ша самая, кошорую провела Герцогиня въ

эпомъ замкъ. Я очень хорошо помню число, потому что действительно это была замъчательная ночь, и наша фамилія конечно никогда ее не забудетъ. Еще по сю пору идешь о томъ худое преданіе.“ — Здѣсь Маркизь вдругъ останоился, и его густыя брови примѣтно насунились. „Рассказываюшь, что въ эту ночь случилось нечто особенное — непостижимое происшествіе.“ — Казалось, Маркизь самъ не осмѣливался продолжать, и замолчалъ.

— „Имѣло оно какую нибудь связь съ Герцогинею?“ — спросилъ поспѣшно дядя.

„Только, что ударила полночь“ — началъ опять Маркизь: — „какъ вдругъ весь замокъ“ — шумъ онъ снова останоился. Дядя сдѣлалъ движеніе, изъясняющее его любопытство.

„Извините меня“ сказала Маркизь, и легкая краска пробѣжала по блѣдному лицу его: „есть происшествія, имѣющія личную связь съ нашими фамильными обстоятельствами, и потому я не могу сообщить ихъ. Тогда было грубое время, время великихъ злодѣяній, совершенныхъ великими людьми; а вы знаете, что высокородная кровь, получившая дурное направленіе, не можетъ печь такъ смирно, какъ кровь человѣка низкаго происхожденія. — Бѣдная Герцогиня! — Но

я горжусь нѣсколько своею фамиліею, а потому — извините меня — будемъ говорить о чемъ нибудь другомъ.“

Любопытство дяди моего достигло высочайшей степени. Пышное и высокопарное введеніе заставляло его ожидать чего нибудь необыкновеннаго въ этой исторіи, къ которой служило оно какъ бы прислупомъ. Онъ никакъ не полагалъ, чтобы такой внезапный припадокъ непонятной совѣстливости Маркиза лишилъ его окончанія столь любопытнаго рассказа, и желая непременно добраться до истины, спарался онъ всячески ее выведать.

Но Маркизь отклонялъ все вопросы. „Если такъ“ — сказала наконецъ дядя напрямки: — „думаю, что хотите; а я вамъ откровенно скажу, что въ эту ночь я самъ видѣлъ Герцогиню.“

Маркизь отступилъ назадъ, и смотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

„Она была въ моей спальнѣ.“

Маркизь вынулъ свою табакерку, слегка пожимая плечами и улыбаясь; видно было, что онъ принималъ слова дяди за неумѣстную Англійскую шутку, но изъ учтивости хотѣлъ показать, что находишь ее замысловатою.

Однако дядя съ важностію началъ разсказывать ему все похождение прошедшей ночи. Маркизь слушалъ съ большимъ вниманіемъ, и держалъ табакерку своею въ руку, не раскрывая. Когда расказъ кончился, похлопалъ онъ по крышкѣ табакерки нѣсколько разъ какъ бы въ размысленіи, раскрылъ ее, взялъ щепотъ табаку, понюхалъ, вбирая табакъ въ носъ съ продолжительнымъ, сильнымъ звукомъ. —

„Па!“ сказалъ Маркизь, и отошелъ на другой конецъ картинной галлерей.“ —

Здѣсь расказикъ нашъ остановился. Собраніе съ минуты на минуту ожидало, что онъ снова начнешь прерванную исторію; но онъ молчалъ.

„Хорошо!“ — сказалъ наконецъ господинъ, любитель вопросовъ — „хорошо! но что же сказалъ на это вашъ дядюшка?“

— „Ничего!“ — отвѣчалъ шопъ.

„Такъ, что же сказалъ Маркизь?“

— „То же ничего.“

„И все тушь?“

— „Все тушь!“ — отвѣчалъ расказикъ, и налилъ себѣ стаканъ вина.

„Я догадываюсь“ — сказалъ проказникъ съ подвижнымъ носомъ, — „я догадываюсь, что это привидѣніе была старая управительница, кошорая обходила въ эту ночь

дозоромъ, чтобы посмотрѣть, все ли въ порядкѣ.“

— „Па!“ — отвѣчалъ расказикъ. — „Съ дядей не въ первый разъ случались такіе странныя приключенія. Мудрено, чтобы онъ не умѣлъ отличить привидѣніи отъ управительницы.“

За словомъ раздался легкій шумъ: иные смѣялись, другіе сердились. Я то же думалъ, что старикъ держитъ еще у себя въ запасъ развязку своей повѣсти; но онъ спокойно пошягивалъ вино, и не говорилъ ни слова; да и въ раскромленномъ лицѣ его замѣтно было такое двузначительное выраженіе, что мудрено было рѣшить, выдавалъ ли онъ расказъ свой за бывъ, или за выдумку.

„Гмъ!“ началъ наконецъ хитрецъ съ курьознымъ носомъ: „это приключеніе съ вашимъ дядюшкою приводитъ мнѣ на память другое, кошорое обыкновенно любила расказывать одна моя тетка съ машеринской стороны — хопя я и не хочу выводить при томъ никакихъ сравненій, потому что добрая старушка совсѣмъ не была такъ привычна къ чуднымъ происшествіямъ, какъ вашъ дядюшка. Однако жъ, если угодно слушать, я гошовъ расказать.“

„Приключенія моей тетки.

„Тетушка моя была женщина крѣпкаго сложенія, одарена твердымъ духомъ и большою рѣшительностію. Напротивъ того покойникъ дядюшка былъ маленькій, слабенькій, щедушный мужичка, очень тихаго и скромнаго нрава, и совсѣмъ не паршя для тешки. Замѣтили, что онъ спалъ чахнувшись самаго дня свадьбы. Черезъ мѣру возвышенный духъ тешки былъ не по немъ: онъ не могъ выносить его. Не смотря на то, тешка ухаживала за нимъ со всевозможнымъ стараніемъ: половина докторовъ въ городѣ ѣздила къ немъ въ домъ, и прописывала ему рецепты; тешка строго смотрѣла, чтобы онъ принималъ все прописанное, и безъ пощады дала въ него лекарства, которыхъ вѣрно стало бы на цѣлый госпиталь. Все напрасно. Чѣмъ больше ухаживали за дядей, чѣмъ болѣе лекарствъ принималъ онъ, тѣмъ хуже ему становилось, пока наконецъ умножилъ онъ число жертвъ супружеской любви, замученныхъ до смерти излишними о нихъ попеченіями.“

„И тогда явился тешушкѣ вашей духъ покойнаго? Не такъ ли?“ спросилъ извѣстный вопрошатель, котораго помнятъ чилатели еще изъ перваго расказа.

— „Услышите въ своемъ мѣсяцѣ!“ — отвѣчала повѣствующій:— „По смерти добраго дяди, тешка не знала мѣры своей печали. Можеть быть, чувствовала она и упреки совѣсти, въ томъ, что такъ много начинала его лекарствами, и своимъ ухаживаньемъ оправила на тошъ свѣтъ. По крайней мѣрѣ сдѣлала она все, что только можеть сдѣлать вдова, чшущая память своего мужа. Она не жалѣла денегъ ни на количество, ни на качество своихъ праурныхъ плашбевъ; носила на груди миниатюрный портретъ его, величиною съ маленькіе солнечные часы; а другой большою, во весь ростъ, висѣлъ въ ея спальнѣ. Всѣ превозносили до небесъ ея поведеніе, и всѣ единогласно утверждали, что женщина, такъ много почишкующая память покойнаго своего мужа, безъ сомнѣнія заслуживала имѣть втораго.“

Вскорѣ послѣ того рѣшилась она основать свое жилище въ одной старой усадьбѣ въ Дербширѣ, гдѣ до тѣхъ поръ хозяйничали только управитель и ключница. Господскій домъ стоялъ въ самой уединенной, дикой споронѣ этого Графства, окруженный съ-рыми Дербширскими холмами: на самомъ высочомъ изъ нихъ болтался недавно повѣшенный убійца въ цѣпяхъ, и служилъ главнымъ видомъ для цѣлой окрестности.

Расположившись проводить шуть большую часть времени года, тетка взяла съ собою изъ города почти всѣхъ своихъ людей. Но привыкшіе къ городской жизни слуги не могли безъ ужаса помыслишь о необходимости жить въ такомъ гадкомъ гнѣздѣ, давно уже всѣми осцавленномъ. Въ особенно-сти замѣтно это было ввечеру, когда они сошлись всѣ въ лакейской, и сообщали другъ другу разныя исторіи о мертвцахъ и домовыхъ, слышанныя ими въ теченіе дня. Они боялись даже одни ходить по мрачнымъ, темнымъ комнатамъ. Горничная тетки, которая и безъ того была слаба нервами, объявила напрямки, что она ни за что не согласится спать ночью одна въ такомъ домѣ, гдѣ водятся домовые, и одну молодой лакей, добрый малый, на сиду на велику могъ ее успокоить.

Даже и сама тетка, при такомъ уединенномъ положеніи дома, не могла быть совершенно покойна. А потому ввечеру, ложась спать, осмотрѣла она напередъ щаспательно, всѣ ли двери и окна какъ надобно запершы, и потомъ взяла всѣ ключи и ящичекъ съ деньгами и драгоценными вещами въ свою спальню: доказательство, что она была хорошая хозяйка и за всѣмъ смотрѣла сама. Положивъ ключи подъ по-

душку и опустивъ свою горничную, съела она за шувалешъ, чтобы привести въ должный порядокъ свои волосы: не смотря на шоску по покойномъ мужѣ, она была еще молодая, свѣжая вдова, а потому не мало заботилась и о своей наружности. Такъ сидѣла она нѣсколько минутъ, и осматривала въ зеркалѣ лице свое, то съ одной, то съ другой стороны, какъ обыкновенно дѣлають дамы, когда хотяшь удостовѣриться, довольно ли милы были онѣ вшопъ день. А все это не даромъ: одинъ изъ сосѣднихъ помѣщиковъ, молодецъ собою, съ которымъ была она хорошо знакома еще въ дѣвцахъ, уже явился къ ней, и поздравлялъ ее съ прѣвдомъ.

Вдругъ слышншь она позади себя шорохъ — оглядывается; однако жъ ничего не видишь — ничего, кромѣ дурно намалеваннаго поршпрена покойнаго своего мужа, который висѣлъ на стѣнѣ.

Тетка посвятила воспоминанію о немъ глубокой вздохъ, что обыкновенно дѣлала, когда въ обществахъ заходила рѣчь о покойномъ, и начала убирать свою голову, думая о сегодняшнемъ сосѣдѣ. Но на ея вздохъ опѣвчалъ кто-то такимъ же, продолжительнымъ, тяжелымъ. Опять, осмотрѣлась она кругомъ, и опять не могла никого замѣ-

пишь. Приписавъ эпошь звукъ въпру, который дуль въ щели спараго дома, продолжала она спокойно завершывашь въ бумажки свои волосы, какъ вдругъ показалось ей, будто одинъ глазъ на поршреть шевелился.“

„Тогда, какъ она сидла къ нему спиною?“ сказала съ недоувѣрчивостію прежній раскащикъ съ раскрытымъ лицомъ: „это забавно!“

— „Точно такъ, сударь!“ — продолжалъ другой сухо: — „она сидла спиною къ поршрешу, но глаза ея были обращены на оипраженіе его въ зеркаль. Однимъ словомъ, какъ я уже сказалъ, примѣшила она, что одинъ глазъ на поршреть шевелился. Вы можете себя представить, что такая странность не мало ее испугала. Желая почно въ помь удостовѣриться, положила она одну руку на лице, какъ будто для того, чтобы обшереть его, а между шѣмъ смошрѣла сквозь пальцы, и подвинула свѣчу другою рукою, такъ, что свѣшь упала прямо на глазъ и ошсвѣчивалась въ немъ. Теперь видѣла она ясно, что онъ дѣйствительно шевелился. Ей показалось даже, что онъ мигнулъ почно такъ, какъ покойникъ при жизни имѣлъ привычку эпо дѣлать. Поневоль схватили ее спазмы — да и не мудрено; шушка ли

бышь въ такомъ спрашномъ положеніи женщины и одной?

Спазмы однако скоро прошли. Тетка моя, которая была по крайней мѣрѣ также рѣшишельна, какъ и вашъ дядюшка, поччасъ успокоилась. Она продолжала убирать свою голову, напѣвала даже про себя пѣсенку, и не съальшивила ни одной ношы. Случайно полкнула она одинъ ящичекъ, который полетѣлъ на полъ. Взявъ свѣчу и подобравъ все, что вывалилось изъ ящичка, доспала она даже изъ подъ кровати укашившійся туда кошочекъ съ шелкомъ, отворила дверь, посмошрѣла въ другую комнату, какъ будто въ нерѣшимости, ипши ли шуда или нѣшь, и напоследокъ спокойно вышла изъ спальни.

Сей часъ бросилась она внизъ, велѣла людямъ своимъ воорушиться всѣмъ, что кому скорѣе попадешь въ руки, собрала такимъ образомъ цѣлую когорпу, и предводишельствуя ею, отправилась назадъ.

Навербованное ею войско было довольно значительное. Управитель схватилъ заржавѣлый мушкатонъ, кучеръ добрую палень, лакей пару огромныхъ писнолешовъ, новаръ большой кухонный ножъ, а буфешчикъ въ каждую руку по бушлѣкѣ. Тетка шла впередъ съ маршалскимъ жезломъ — до красна накаленную кочергою, и, по моему мнѣнію,

была изъ цѣлаго ополченія всѣхъ спрашивае. Горничная, которая боялась оставаться ночью одна, составляла арьергардъ, безпрестанно подносила къ носу подуразбитый дузырекъ съ лешучею мазью и бормотала что-то сквозь зубы о мершвецахъ и домодахъ.

„Домовые?“ сказала рѣшительно шетка: „я имъ опалю усы; у меня забудуть домовничать!“

Она вошла въ комнату. Все въ ней было покойно, и точно въ шомъ положеніи, какъ она ее оставляетъ. Тетка подошла къ портрету дяди.

„Снимите эту картину!“ закричала она людямъ. Глубокій вздохъ и звукъ, какъ бы скрежетъ зубовъ, раздались изъ за портрета. Сауги опстугили назадъ, дѣвка вскрикнула, и ошъ спрахъ спряталась за лакея.

„Сей часъ, говорю я!“ закричала шетка еще громче, и топнула приномъ ногою.

Картину сняли, и изъ ниша сзади нее, гдѣ прежде стояли большіе стѣнные часы, выпятили широкоплечаго, долговазаго парня, съ длиннымъ надемъ, величиною съ мою руку; однако жъ, не смотря на то, дѣшина шрялся всѣмъ шломъ, какъ синовый листъ. „—

„Ну, кто жъ это былъ? Ужъ вѣрно не привидѣнье?“ прервала намъ вопрошавшая.

— „Конюхъ съ почтоваго двора“ — продолжалъ расказчикъ: „который хотѣлъ подвалиться съ богашою вдовушкою ея богашствомъ и прокрадся въ спальню шетки, чтобы опорожнить ея кошелекъ и ящичекъ съ драгоценностями. Бездѣльникъ служилъ прежде въ домъ, почему и нынче позвали его, чтобы пособить приготовить все къ прїѣзду шетки. Онъ признался, что дѣйствительно съ шакимъ гуснымъ намѣреніемъ воспользовался пошашнымъ шѣстечкомъ и позаимствовалъ у портрета покойнаго барина одинъ глазъ, чтобы удобнѣе опшуда рекогносцировать.“

„Что же сдѣлали съ нимъ? Повѣсили?“ спросилъ извъстный гость.

— „Повѣсили? Какъ это можно?“, — сказала одинъ законовѣдецъ съ гусными бровями и яспребинымъ носомъ: „шуть не было еще никакого уголовного прешупленія. Я не вижу шуть ни разбоя, ни грабежа, ни покушенія на жизнь, ни. . .“

— „Тетка моя“ — продолжалъ расказчикъ: — „какъ женщина разсудиведная, умѣла сама управлаться въ своемъ домъ. Къ шому же были у ней свои собшвенныя понятія о чшпшш. Она велѣла бездѣльника окашпшть напередъ холодною водою, чтобы смышь съ него все недоброе, а пошомъ обсушпшть хорощими сухими лозами.

„Что жъ сдѣлалось съ нимъ попомъ?“
спросилъ любитель вопросовъ.

— „Этого я хорошенько не знаю. Вро-
дно заставили его прогуляться въ Бопа-
ши-Бей.“

„А ваша пепушка?“ продолжалъ пошъ
же: „Готовъ биться объ закладъ, что она
съ шѣхъ поръ клала горничную спашъ въ сво-
ей комнаѣ.“

— „Никакъ нѣтъ, сударь; но она сдѣла-
ла еще лучше — вышла вскорѣ замужъ за
того сосѣда, о кошоромъ упоминалъ я преж-
де. Въ помъ была она одного съ вами мнѣ-
нія, что въ деревнѣ очень опасно для дамы
ночевать одной.“

„Эшо сдѣлала она очень благоразумно!“
— замѣнилъ вопрошатель, кивнувъ головою
съ лукавою уемъшкою: „но воля ваша, а пра-
во жаль, что бездѣльника не повѣсили.“

Всѣ согласились, что послѣдній раска-
щикъ сообщилъ весьма удовлетворительную
развязку своей исторіи, хотя одинъ, бывший
пушъ священникъ изъясилъ сожалѣніе, что
дядя и шепка, какъ главные лица въ обѣихъ
повѣстяхъ, не соединились между собою бра-
комъ, потому что нельзя было бы найши
лучшей пары.

„При всемъ помъ“ — сказала съ при-
корбнымъ видомъ охотникъ до вопросовъ:

— „въ цѣлой исторіи не были ни одного
духа!“

— „О, если дѣло стало только за духа-
ми!“ — вскричалъ Ирландскій драгунскій Ка-
пишанъ: — „если вамъ только ихъ надобно,
я выведу вамъ ихъ цѣлый эскадронъ. А какъ
здѣсь двое господъ сообщили уже намъ по-
хожденія ихъ дяди и шепки, по и я угощу
васъ однимъ опривочкомъ изъ исторіи соб-
ственной моей фамиліи.“

(*Оканіе впрѣдъ.*)

II.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.

Взглядъ на войну Англичанъ съ Ашантями,
и на состояніе Англійскихъ поселеній по
Золотому берегу.

Продолжительный періодъ мира вдругъ
послѣдовалъ въ Европѣ за бурями войны и
завоеваній. Перемѣщенные, взволнованные въ
продолженіе нѣкотораго времени народы
успокоились въ рубежахъ прежнихъ областей
своихъ: ихъ дѣятельность, обратясь внутрь,
занялась домашними, такъ сказать, распора-

женіями, устройством собственнаго благосостоянія. Помыслы о распространеніи предѣловъ и преобладаніи покинули ихъ; умѣ перестали колебаться великими превращеніями судьбы, заботами, неразлучными съ обширными предпріятіями. — Англія нынѣ единственная Держава, обращающая силы свои на враговъ вѣшнихъ; одна Англія и теперь еще представляется зрѣлище живой борьбы, зрѣлище бранныхъ случайностей. Въ Восточной Индіи она ведетъ опасную войну съ Бирманами; на Золотомъ берегу, защищается отъ нападеніи мужественнаго, упорнаго племени Ашантievъ, не перестаетъ звучать оружіемъ, не перестаетъ поражать взоры наблюдателя смѣлыми, непріязненными движеніями. Что же касается до заливной, Англія, признавъ независимость Юго-Американскихъ Республикъ, доказала, что не почитаешь сіе поприще совершенно для себя конченнымъ, что для нее самое время мира можетъ быть временемъ приобретенія и победы.

Обратимъ на мигъ вниманіе на событія, совершающіяся нѣсколько уже лѣтъ въ Британскихъ владѣніяхъ Золотого берега. — Они доказываютъ желаніе Англичанъ утвердить надъ сею спраною Африки власть свою, и влѣсть просперть ее далѣе во внутрен-

ній земли: они на сей конецъ употребили уже посредство переговоровъ и оружія; усилія ихъ должны возбудить наше любопытство. — По сию пору конечно эти покушенія разрушались неодолимою свирѣпостію и воинственностію тѣхъ народовъ, которые Англичане желали бы покорить; но свѣдѣніемъ оныхъ были сношенія, озарившія для глазъ нашихъ сію часть Африки, нравы, состояніе, природу племенъ, въ оной обитающихъ. Вотъ точка зрѣнія, съ которой намъ надлежитъ очертить картину различныхъ дѣйствій военныхъ и сношеній дипломатическихъ, происходившихъ въ семь краѣ, и мы для сего находимъ прекрасное пособіе въ изданномъ въ Англіи сочиненіи Капишана Г. Ленга, представляющемъ все нужная намъ извѣстія.

Англичане нынѣ занимаютъ на Золотомъ берегу четыре крѣпости, слѣдующія одна за другою съ запада на востокъ, на пространствѣ 150 миль, а именно: Дейксъ-Ковъ, Капъ-Коспъ-Кастль, Эннемебоэ (Annamaboé) и Аккру. — Капъ-Коспъ-Кастль величайшая изъ всѣхъ четырехъ, и по укрѣпленіи, удобнѣйшая для отраженія природныхъ жителей. Въ свою очередь Эннемебоэ снабжена съ моря лучшею башшарею; а по своему правильному четырехугольному построению,

представляет болѣе средствъ для сопро-
тивленія войскамъ обученія Европейскаго. —
Въ отношеніи же къ торговлѣ, важнѣйшія
Эннемебоэ и Аккра; послѣдняя сверхъ того
должна бы быть предпочтена прочимъ для
помѣщенія и жительства войскъ, ибо за нею
проспирася на нѣсколько миль сторона
открытая и благораспоренная.

Не смотря на то, главное правленіе на-
ходится въ Капъ-Костъ, ибо на Золотомъ бе-
регу, въ сей только крѣпости довольно об-
ширнаго спроеія для пристанища арміи;
по видимому, мѣстное положеніе оной не бла-
гопріятствуетъ здоровью Европейцевъ: до-
казательствомъ тому служилъ большая смер-
тность, господствовавшая недавно между
бѣлыми.

Сначала Африканская Компанія сберега-
ла въ сихъ крѣпостяхъ Негровъ до разсылки
сихъ несчастныхъ жертвъ Европейскаго ко-
рыслюбія. Тогда онѣ почитались мѣста-
ми очень важными. По совершенномъ прекра-
щеніи въ 1807 году шорга Неграми въ обла-
стяхъ Великобританіи, здѣсь покупающъ
и вымѣнивающъ одни природныя произведенія
изъ царства ископаемыхъ и прозябаемыхъ:
быть можетъ, что сей послѣдній шоръ ме-
нѣе значителенъ, но по крайней мѣрѣ не
представляетъ ничего безчестнаго, и все

еще довольно выгоденъ. Онѣ обязаны своимъ
происхожденіемъ счастливымъ попыткамъ,
предпринятымъ для уничтоженія шорга Не-
грами, который однако же долго еще оста-
вался предметомъ расчетовъ для уроженцевъ,
весьма нерасположенныхъ покинуть его, по-
тому, что онѣ для нихъ были слишкомъ
прибыточны. Они особенно были къ тому
подстрекаемы Брененомъ, тѣмъ болѣе ви-
новнымъ, чѣмъ болѣе превосходилъ ихъ обра-
зованностию. Нашлось конечно малое число
вымывавшихъ и собиравшихъ золотой не-
сокъ, ловившихъ слоновъ и работавшихъ въ
масличныхъ и пальмовыхъ фабрикахъ: но въ
замѣну, другіе, не столь привычныя къ тру-
дамъ, не смотря на всѣ опасности, предпо-
читали для своего обогащенія продажу не-
вольниковъ шайную или даже явную (ибо въ
нѣкоторыхъ мѣстахъ она производилась безъ
всякаго стѣсненія): оною занимались Нѣмцы,
Испанцы, Португальцы, въ множествѣ разъ-
зжавшіе вдоль берега. Такимъ-то образомъ
сей постыдный промыселъ продолжался еще
нѣсколько дѣтъ по его запрещеніи, на гла-
захъ цѣлаго свѣта и подъ самыми почти
пушками крѣпостей. — Неисчислимы вредъ,
причиненный тѣмъ законной торговлѣ, ко-
торая, вмѣстѣ со всякою промышленностію,
завися совершенно отъ его уничтоженія;

процвѣтала или упала по мѣрѣ того, какъ благопріятствовали или противились оному.

Въ послѣдніе годы, разбѣды спорожевыхъ кораблей противу Золотога берега значительно уменьшили сей безчеловѣчный шоръ и наконецъ его вовсе прекратили. За шо и грузъ судовъ купеческихъ Нѣмецкихъ и Англійскихъ, состояцій съ шой поры изъ однихъ произведеній промышленности уроженцевъ, пріобрѣтенныхъ законною торговлею (*) свидѣтельствуешь о внутреннемъ богатствѣ сей страны, которое бы еще гораздо болѣе возрасло, если бы удалось обратиться все вниманіе природныхъ житедей на земледѣіе и промышленность. Но шоръ Неграми въ денежномъ отношеніи весьма выгоденъ; занимающіеся имъ чужды всякихъ угрызений совѣсти, глухи ко всякъмъ убѣжденіямъ, особенно же обладаютъ сильными средствами къ сопротивленію: въ силу всѣхъ эшихъ обстоятельствъ, Англичанамъ необходимо пріобрѣсть въ сѣмъ краю власпъ неограниченную, дабы извлечь изъ

(*) Полагаюшь, что прибыль отъ добыванія по Золотому берегу золота, слоновоу кости и пальмоваго масла въ 1816, 1817, 1818, и 1819 годахъ, ежегодно простиралась до милліона. Нѣмцы преимущественно оною воспользовались.

своихъ заведеній прибышокъ надежный и постоинный; дабы пріуголовивъ гражданскую образованность уроженцевъ конечнымъ искорененіемъ шорга невольниками.

Впрочемъ сіи владѣнія способны ко всякому улучшенію, могущему придашь имъ важность самой высшей степени. Нѣдра земли заключаюшь здѣсь въ себѣ неисчерпаемый источникъ ископаемыхъ; необозримыя степи населены множествомъ слоновъ и обширныя лѣса могли бы снабдить пальмовымъ масломъ все чашп Свѣша. То же можно сказать и о другихъ произведеніяхъ, которыя здѣшняя почва, безъ сомнѣній, произвѣла бы избыточно, если бы только ее воздѣлывали. Лучшая хлопчатая бумага растетъ здѣсь почвы безъ обработки; кофе во многихъ мѣстахъ изобилуешь; сахарный тростникъ, безъ всякаго за нимъ хожденія, равняется съ лучшимъ, производимымъ въ Западной Индіи трудами рукъ человѣческихъ; Индиго также произрастаетъ самъ собою, и кукуруза (blé d'Inde) созрѣваетъ въ такомъ изобиліи, что ее нерѣдко вывозяшь на островъ Мадеру. Когда къ сему присовокупить предметы менѣе важные, напр. воскъ, кожу, смолу, которыя здѣсь можно добывать въ чрезмѣрномъ количествѣ: тогда легко можно составить понятіе о морозачи

ныхъ выгодахъ, представляемыхъ сею спраною, и объ удобности, съ кою можно ими замѣнить позорный промыселъ человѣческой кровію. Большая образованность была бы непосредственнымъ слѣдствіемъ сего расширенія торговли; а жители Золотого берега являютъ вожделѣннѣйшую готовность къ способствованію челоуѣколюбивымъ видамъ тѣхъ, которые захотѣли бы произвести въ дѣйство великодушное намѣреніе, просвѣтите ихъ. Разительнымъ пому доказательствомъ можеть служить рѣшимость, съ которою начальники Фаншіевъ—Феши, Агуна, Аккра и Акинъ отправили дѣшей своихъ въ Капъ Костъ и Эннемебоу, для полученія лучшаго по возможности воспитанія.

Власть крѣпостей во внутрь не далеко простирается. Находясь на самомъ взморьѣ, онѣ имѣютъ весьма необширныя области. Племена Фаншіевъ, ближайшіе сосѣды Англичанъ, по видимому, довольно расположены подвергнуться ихъ руководенію и правительству. Но этого нельзя сказать объ обитающихъ въ бѣльшей отдаленности Ашантіяхъ, коихъ Король обладаетъ пространными землями и начальствуетъ значительною военною силою. — Земля Фаншіевъ, гдѣ находятся Британскія поселенія, отдѣляется онѣ Королевства Ашаншіевъ Держа-

вою Ассинскою, и вмѣстѣ съ нею часто бываетъ поприщемъ боевъ и завоеваній Ашантійскаго влассителя. Съ 1807 года, сей полудикій Государь началъ омигчать окрестныя племена всѣмъ бременемъ своего могущества и внушилъ желаніе заключить съ нимъ союзъ Англичанамъ, которые поняли, что должны опасаться силъ его. — Побѣдивъ уже нѣсколько народовъ, онъ вознегодовалъ въ сіе время за что-то на Фаншіевъ и внесъ брань и разрушеніе въ ихъ обиталища. Успѣхъ до того блистательный увѣчалъ его оружіе, что, увлеченный пылкостью, объявшею рать его, онъ сильно и безъ разбору напалъ на всѣ Европейскія поселенія, Англіискія, Нѣмецкія, Голландскія. Тогда Англичане вполне извѣдали всю пользу, могущую произсечь для нихъ, если склоняшь подобнаго мужа къ союзу съ собою, и Г. Боудичъ былъ отправленъ Начальникомъ Посольства къ Двору чернаго Владѣтеля.

Сіе полу-ученое, полу-политическое Посольство прибыло въ землю Ашантіевъ въ 1817 году: описаніе онаго Г-мъ Боудичемъ слишкомъ извѣстно (*); и такъ здѣсь распространяясь о немъ мы не спанемъ. Миръ на нѣкоторое время былъ возобновленъ: казалось, достигло Африканскому Дво-

(*) См. Сѣв. Арх. нынѣшняго года.

ру, что бѣлый народъ находится съ нами въ союзѣ или лучше скажешь, въ его зависимость, ибо въ глазахъ сихъ варваровъ, каждое подобное посольство не что иное, какъ явное признаніе надъ собою ихъ первенства.— При всемъ томъ трудно было сохранить связь мирную съ людьми свирѣпыми, которые упоены были своими побѣдами; сверхъ того совершенное почти истребленіе Фаншіевъ приблизило Ашаншіевъ къ Англійскимъ владѣніямъ, произвело непосредственное прикосновеніе рубежей и выгоды, еще болѣе увеличило затрудненія взаимныхъ сношеній, и наконецъ породило насущную войну, о причинахъ которой много спорили, но коей первоначально начало, какъ видно, обрѣцается въ воинственности и непреклонности, составляющихъ главныя черты нрава Ашаншіевъ, свойствахъ, усилившихся еще грознымъ, гордымъ положеніемъ, принятымъ ихъ Правительствомъ. Какъ бы то впрочемъ ни было, мы не станемъ входить въ разбирательство, для насъ неслишкомъ занимательное, ошибокъ Англійскихъ Повѣренныхъ, хотя симъ ошибкамъ и приписываютъ происхожденіе войны: а вкратцѣ расскажем одно за другимъ, достопримѣчательныя событія, сопровождавшія разрывъ и слѣдовавшія за онымъ.

Въ Кумаесинъ Г. Бодичъ заключилъ весьма пространный договоръ, для опредѣленія отношеній должствующихъ существовать между подданными Ашаншійскими и Бришанскими. Но уже въ 1809 году возникла ссора, коей предлогомъ было какое-то нарушеніе договора, за которое Африканскій Монархъ требовалъ въ удовлетвореніе 1600 унцій золота. Опасался еще другихъ поводовъ къ неудовольствію; Г. Дюпюи былъ посланъ къ нему съ объясненіями. Благосклонный пріемъ сего въ Кумаесинѣ подавалъ надежду къ пресѣченію всякаго рода раздоровъ; однако же они возобновились непосредственно по его возвращеніи. — Медленность, съ кою Дюпюи опиравался въ сношеніи Ашаншіевъ и слишкомъ кратковременное его тамъ пребываніе, кажется, были главными причинами неусѣха;—къ существовавшему уже несогласію присоединились нѣкоторые неоспоримые поступки Капъ-Костскихъ жителей съ Ашаншіями, и произвели наконецъ временное прекращеніе торговли оныхъ съ сею крѣпостію.

Объ сторонахъ однако же пребывали еще въ недоумѣніи и нерѣшимости, когда вдругъ, въ началѣ 1821 года, въ городѣ, зависящемъ отъ брошенной Голландцами крѣпости Мури (Moures), шлола сходящихся тамъ Фаншіевъ

ских рашниковъ совершила злодѣяніе ужасное, изъясляющее въ то же время величайшее презрѣніе къ Капъ-Коспскому начальству. Они схватили шамошняго уроженца, состоящаго нѣсколько уже дѣтъ подъ Англійскимъ покровительствомъ, повлекли его въ вышеупомянутый городъ, и предали смерти, при самыхъ жестокихъ испязаніяхъ. Намѣстникъ Золошаго берега, Смиль, извѣстясь о семъ гнусномъ дѣлѣ, раздраженный безчестіемъ, которое оно наносило Брипанскому Правительству, не медля, выслалъ въ Мури отрядъ войска, съ повелѣніемъ задержавъ виновниковъ сего убійства. Фантіи встрѣтили посланныхъ ружейнымъ огнемъ: Англичане нашлись принужденными защищаться, и опивчали пѣмъ же. Завязалось дѣло, которое кончилось разбитіемъ Фантіевъ и смертію ихъ предводителя Пянтри.

Ашантійскій Князь Адумъ, расположившійся спаномъ по близости мѣста сраженія, сначала предпринялъ было нѣкоторыя движенія, показавшіяся Европейцамъ непріятными. Но одобреніе, данное Королемъ наказанію преступниковъ, также не прекращавшія посѣщенія Ашантіями крѣпостей Эннемебоъ и Аккры — заслаиваютъ думашь, что не сіе происшествіе было виною войны,

хотя многіе по утверждають. — Однако же, по видимому, расположеніе умовъ не совершенно было спокойно. Вездѣ открывалось шайное чувство подозрѣнія и озлобленія, пребывавшее большой въ обхожденіи оппорожности, дабы не превратиться въ вражду явную.

Таково было положеніе дѣлъ, когда Сиръ-Карль Маккаршей, назначенный Правительствомъ въ званіи Губернатора крѣпостей Золошаго берега, прибылъ туда въ Апрель 1822 года. Сей Намѣстникъ встрѣтилъ по пріездѣ своемъ одни неудовольствія и непріятности, особенно же со стороны Смиля, своего предшественника и Дююи. Онъ желалъ собрать нужныя свѣдѣнія о сей области; ему отказали въ нихъ. Видя себя шакимъ образомъ въ необходимости ограничиться собственными изысканіями, онъ прибѣгнулъ къ запискамъ Боудича: но читая его преувеличенные рассказы о могуществѣ Ашантіевъ, онъ вдался въ другую крайность, и спалъ силы ихъ считавъ весьма неважными. — Разумѣется, что при этомъ предубѣжденіи, онъ не слишкомъ дорожилъ ихъ благорасположеніемъ, хотя то и весьма было бы полезно: первое заблужденіе, въ которое онъ впалъ въ силу сего ложнаго понятія, было опущеніе, при вступленіи въ

свою должность, привѣшшеннаго посольства Королю. По мнѣнію Капитана Ленга, сей обрядъ произвелъ бы шѣмъ благошворнѣйшее дѣйствіе, что Государю Ашантійскому пріятно было бы получить знакъ уваженія отъ мужа, подобнаго Сиру-Карлу, о пространныхъ помѣстьяхъ коего и въ другихъ снранахъ свѣта, вѣдалъ онъ.

И такъ поступки Сира-Карла не могли нравиться Двору Кумассійскому. Но Маккарпей совершенно занялся улучшеніемъ земледѣлія и торговли: всѣ мѣры его показывали, что онъ хочеть приложить ревностныя попеченія къ образованію жителей Золотаго берега, и къ облегченію шядощаго ихъ ига варваровъ.

Сіи племена, кажется, одарены гораздо большими способностями нежели другіе народы, сосѣдственные съ Англійскими владѣніями въ Африкѣ: они вскорѣ поняли намѣреніе Сира-Карла, и вскорѣ спали чинить въ немъ своего защитника отъ внутренняго и вѣшняго угнѣтенія. Имя его разнеслось вдоль мыса Аполлоніи, даже до устья Вольшы: великое вліяніе его на сіи племена (досель подвластныя Королю Ашантievъ) возбудило въ семь послѣднемъ мрачное, безмольное негодованіе. Гордость его оскорбидась не только внезапнымъ возмущеніемъ

его подданныхъ, шѣхъ, коихорыхъ сами Англичане признали таковыми, но и пренебреженіемъ его властію, изъявленнымъ въ отказанномъ ему привѣшшеніи. Съ той поры неукротимый Африканецъ помышлялъ объ одной войнѣ, и долга обдумывалъ способы къ вѣрному мщенію. При всемъ томъ, онъ такъ хорошо успѣлъ сокрыть свои замыслы, такъ хорошо сохранилъ личину дружелюбія, что никто не думалъ подозрѣвать черемнуху его чувстводаній, и Сиръ-Карль, при сихъ обстоятельствяхъ, не побоялся съѣздить въ Сіерра-Лиону, чинобы обозрѣть Гамбійскія поселенія.

Сіе то время его ошществія выбралъ Король Ашантійскій, чинобы разразиться грозю надъ Англичанами.

Въ Августѣ 1822 года, подѣ маловажнымъ предлогомъ, онъ велѣлъ взять нѣкошораго Велдкобританскаго сержанта, и започилъ его въ Фантійскомъ городѣ Донквѣ (Donqual), въ 18 миляхъ отъ Эннемебов. Несчастливаго обвинили въ оскорбленіи сего Государя, за то, что въ силу возложенной на него обязанности, управился по Уставу Благочинія съ поданными Ашантійскими, шорговавшими въ Эннемебов. Разрывъ всѣхъ взаимныхъ сношеній тотчасъ послѣдовала за симъ насиліемъ. Извѣстіе объ ономъ ускори-

ло возвращеніе Сирь-Карла: но, не зная настоящихъ намѣреній Ашаншіевъ, онъ долго отлагалъ открытіе военныхъ дѣйствій. Совѣщанія о томъ, что начашъ, длилися; время шло въ бесплодныхъ предположеніяхъ: наконецъ настало і число Февраля 1823 года, и въ Донквѣ обезглавили злополучнаго пльника. Недоумѣвать—сіе убійство уже не дозволяло долѣе. И такъ возгорѣлась война сія, причина коей съ перваго взгляду болѣе случайная, нежели предуготовленная какимъ нибудь замысломъ, война, возникшая болѣе изъ корыстолюбія и обиженнаго тщеславія самовластнаго, сильнаго варвара, чѣмъ изъ неблагоуразумія Правителей.

Съ непріятелемъ въ первой разѣ встрѣтились 26 Февраля, подъ Донквою: сраженіе сіе принадлежашъ къ самымъ жаркимъ и счастливымъ во всемъ походѣ. Около двухъ сотъ Ашаншіевъ и значительное число Фаншіевъ, были преслѣдуемы за 8 миль, и разбины на голову. — Четыре ихъ предводителя и около ста человекъ преданы смерти для усмиренія прочихъ.

Ашаншіи бьются гораздо искуснѣе Фаншіевъ, чему можешъ служить доказательствомъ сіе дѣло, въ кошоромъ первые цѣлили очень мѣшко, и при каждомъ залпѣ низлагали противниковъ; а вторые своими вы-

стрѣлами, направленными слишкомъ высоко, сбивали шолько съ деревьевъ листья; за то и башаліонъ, споявшій прошивъ Ашаншіевъ, поперялъ убитыми и ранеными 70 человекъ.

Молва о сей побѣдѣ быстро распространилась повсюду, и еще до втораго опѣзда Сира-Карла въ Маѣ мѣсяцѣ, ему покорилося множество Фаншіевъ и воиновъ иныхъ различныхъ племенъ, желавшихъ свергнуть яремъ Ашаншіевъ и прибѣгавшихъ посему подъ его знамя, кошорое они тогда въ самомъ дѣлѣ считали хоругвию свободы, какъ-то оно велегласно было названо.

Тогда, при продолжавшемся со всѣхъ сторонъ вооруженіи, Король Ашаншіевъ придумалъ довольно забавные способы, чшобы испугать Англійскихъ союзниковъ. Онъ оправились къ каждому изъ нихъ повѣщенія: одному, издѣвался, онъ совѣщовалъ вооружить всѣхъ рыбъ морскихъ; другому угрожалъ войти въ обласнь его съ громомъ, до того спрашиваемъ, что опъ онаго опецъ его просенся въ безмолвномъ гробу своемъ. Сира же Карла онъ велѣлъ поздравить съ пѣмъ, чшо изъ головы его намѣренъ сдѣлать украшеніе для большаго походнаго барабана своихъ рашниковъ. Также признался онъ въ умерщвленіи сержанша и объявилъ, чшо самъ

видѣлъ ножъ, которыми его зарѣзали. Фантіемъ же онъ объявилъ общее испребаіе, и смѣялся ихъ доврренности къ Сиру-Карлу, говоря, что сей предасъ ихъ, какъ-то уже разъ учинилъ Намѣшникъ Турренъ въ подобномъ случаѣ. Но все это не произвело на нихъ ни малѣйшаго дѣйствія: все они являлись объятые неколебимостію и восторгомъ, между ними рѣдкими. — И шакъ Король, занятый въ то время съ лучшимъ своимъ войсками опаснымъ предпріятіемъ близъ Крею, началъ заботливѣе размышлять о своихъ обшоятельствѣхъ. Онъ даже рѣшился обратиться къ Англичанамъ съ мирными предложеніями. Но сіи переговоры оказались безплодными, ибо повѣренные его; представшіе сперва мирошворцами, на другой же день спали расчощахъ угрозы обывателямъ Капъ-Коспа, коимъ приписывали все злополучія войны.

Сіе междудѣйствіе случилось въ первыхъ числахъ Мая: немного дней спустя, Сиръ-Карль отправился въ Гамбію, и не прошло двухъ недѣль по его отъѣздѣ, какъ узнали, что двѣ тысячи непріятелей, переправясь чрезъ рѣку Буссомпру (Boossompra), идутъ на Фантіевъ. Помощь прѣбовалась скорая. Остановить Ашантіевъ поручили Капишаку Ленгу, которому удалось счастливо ис-

полнить на него возложенное. Непріятель, узнавъ о его приближеніи, опсупилъ; но Ленгъ, не теряя времени, направилъ свое шествіе къ Королевству Ажумакоискому, которое отъ Фантіевъ отдѣляется рѣкою Амиссою, и владѣтель котораго склонился на сторону Ашантіевъ. Онъ принудилъ его предпочесть союзъ поселенцевъ, и, предводительствуя послѣ того 8,000 человекъ, пошелъ черезъ Ажумакои на Эсекуму, а Царя Эсекумскаго, союзника Ашантіевъ, заставилъ поспѣшно скрыться въ Кумассію. Сей быстрый походъ на время возстановилъ спокойствіе.

Въ концѣ Іюля непріятель вновь обнаружилъ намѣреніе, впогнущая въ землю Фантіевъ. Посему разбили два спана, одна въ Яп-кумассіи, разоренномъ Фантіискомъ городѣ, другой въ Юквъ: рашники изъ природныхъ жителей шуда стеклись опвсюду. Ашантіи приближались въ двухъ колоннахъ — въ двадцать тысячъ каждая: но вмѣсто того, чтобы, какъ то полагали, взять направленіе ко взморью, они пошли на шюлицу Ажумакоискую. Ленгъ успремился имъ на встрѣчу съ 5000 человекъ, и достигъ города, который нашелъ въ тревогѣ и шрепешѣ. Жены, вымазавъ себя гѣломъ, испрашивали у сдѣланныхъ по мѣстному обычаю фетишей успѣха и побѣды;

мужья вооружились; многіе изъ нихъ, одѣтые въ чудные наряды, готовились къ бою: воинство Ашаншійское находилось уже въ 20 миляхъ.

Зная отвращеніе Ашаншійцевъ къ ночнымъ бипвамъ, Капшанъ положилъ напасть на нихъ при луиномъ свѣтѣ. Съ прудомъ онъ убѣдилъ къ тому уроженцевъ: но наконецъ одолевъ все препятствіе, достигъ непріятеля въ располхъ въ Эсекумъ.—Варвары закалывали въ жершву богамъ своимъ пѣвниковъ, взявшихъ ими пошпру: обуюнные слѣпымъ ужасомъ, они разбѣжались въ величайшемъ смятеніи.

Горедь представляла плачевнѣйшее зрѣлище: взоры всюду встрѣчали трупы, и мѣстами члены зарѣзанныхъ жершвъ покрывали землю. Къ счастью, прибышіе Англичанъ предупредило смерть нѣкоторыхъ несчастныхъ. — Пѣвныя непріятеля и жены, немгшія спаслись бѣгствомъ, содрогались, когда подводили ихъ къ симъ расперзаннымъ, кровавымъ пѣдамъ, надъ которыми, можеть бытъ, сами за нѣсколько часовъ несповсповали: они спрашивали подобной участи.

Побоище сіе произошло 22 Августа: на другой день на Ашаншійцевъ снова напали неожиданно, снова разбили ихъ и гнали безъ устали. — Сія быспрыя пораженія удалили

ихъ: они перешли на шотъ берегъ Буссомпры, и безопасность въ другой разъ была возобновлена на нѣсколько мѣсяцовъ.

Въ Эсекускъ собрали военный совѣтъ, и положили разрушить городъ: ужасъ царствовала въ непріятельскомъ войскѣ: Король повелѣлъ ежедневно закалать въ жершву своему вѣтшишу отъ восьми до десяти дѣвухъ, для отвращенія грозящей ему гибели. Побѣдители предложили продолжать путь въ Кумассію, но должны были это оставить, ибо Фаншіи сашкомъ шому пропивались. Подобнымъ образомъ нашлись принужденныи отказать отъ покушенія принудить Короля Асинскаго возстать на Ашаншійцевъ. Опасность минула, и Фаншійцевъ уже нельзя было убѣдить ни къ какому предпріятію.

Враги хотя были побѣждены, но не вдались въ споль малодушное бездѣйствіе: воинственная бодрость снова вооружила ихъ, и рать, превосходящая числомъ все прежня, вскорѣ двинулась къ берегу. На сей разъ они не встрѣтили такого счастливаго со стороны Англичанъ сопротивленія. Извѣстно, что сей походъ не былъ безъ урона послѣднихъ, и смерть Сира-Карла Маккаршея увѣковѣчишь печальное объ немъ воспоминаніе. Спранный случай предшествовалъ его падеію: за два дня до сраженія, въ кошоромъ Мак-

каршей погибъ, онъ, смѣясь, сказалъ приведеннымъ передъ него павннымъ: „слыхалъ я, что вашему Королю мои челюсти нужны для его большаго барабана; и такъ понесушь ему ихъ завтра.“ Къ несчастію, слова сіи сбылись на самомъ дѣлѣ.

Съ той поры всѣ дѣйствія оставались бесполезными: Англичане не находятъ большой помощи въ уроженцахъ, своихъ союзникахъ; Ашантія господствуютъ почти надъ всею спороною, и повсюду распространяють грабежъ и опустошеніе.

Много спорящъ, что начашъ въ такихъ обстоятельствахъ: всякій говоритъ свое мнѣніе. Но Англійское Правительство, кажецца, рѣшилось прибѣгнуть къ переговорамъ. Недавно узнали объ оплывшій на корабль Поршумусъ Генерала Турнера, которому поручено просянущъ Ашантіямъ руку примиренія. Онъ везетъ съ собою великолѣпную качалку, шаперъ и другіе дары, назначенные Королю, въ случаѣ, когда найдущъ его въ миролюбивомъ расположеніи. Въ случаѣ же противномъ, Генералу велѣно высадить войско и продолжать брань.

(Изъ *Journ. des Voyages.*)

III.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Предисловіе Г. Лемонтея къ изданію Басень Крылова съ Французскими и Итальянскими переводами.

(*Ожиданіе.*)

Хемницеръ, человекъ отъ природы застѣнчивый, нѣжный и задумчивый, скромно издавалъ, утаивъ имя Сочинителя, Басни свои, о которыхъ говорятъ, что онъ очень пріяпны и дышашъ проспоною; но мало были извѣсны до смерти шворца ихъ. Вся жизнь его была непрерывною борьбою съ собственнымъ своимъ нравомъ: ученіе Медицины ему нескучило — онъ пошелъ въ военную службу, и былъ на войнахъ Турецкой и Польской; потомъ вступилъ въ Горную службу, и наконецъ былъ посланъ въ Смирну въ качествѣ Консула. Но едва увидѣлъ себя въ семь опдаленномъ краю, оплученнымъ отъ своихъ привычекъ и друзей, какъ впалъ въ томительную болѣзнь, и скончался на 40 году. Странная его разсѣянность, о которой рассказываютъ много анекдотовъ, соспавляетъ почти одно его сходство съ нашимъ Лафонтенемъ.

пеномъ; ибо беззаботный *добрый человекъ* (1) не бывалъ ни скроменъ, ни задумчивъ, и подь личиною медлительности и безопасности, паша силу Поэзіи, не вовсе знакомую Хемницеру. Сей послѣдній считается своими единосемцами ниже двухъ сѣдующихъ Баснописцевъ.

Родясь въ 1760 году отъ благородной, почтенной фамиліи, и бывъ осыпанъ въ послѣдствіи чинами и почестями, Г. Дмишріевъ умѣлъ согласить спрость къ Литературѣ съ ревностію къ двамъ Государственнымъ. Вѣроятно, скорѣе позабудушь, что онъ былъ Миниспромъ Юстиціи, нежели, что онъ Поэтъ. Переводы *Басень* и *Сказокъ* (2) Лафоншеновыхъ составляютъ гла-

(1) Не позабудемъ, что это названіе (le bonhomme) Французы преимущественно даюшь своему славному Баснописцу. *Переводъ.*

(2) Откуда взялъ это, или, на чью вѣру написалъ Г. Демоншей? Мы, Рускіе этого невидимъ. *Приудница*, по собственному признанію И. И. Дмишріева, заняша имъ изъ Вольшеровой Сказки La Béguéule. Но какую удивительную разницу найдущъ читатели между подражаніемъ и подлинникомъ, и какъ охотно отдадушь преимущество расказу, краскамъ и игривости слога И. И. Дмишріева! Прочія его Сказки: *Воздушный башки* и *Модная жена*, шже взяты не изъ Лафоншена, а *Картина* принадлежишь ему собственно.

внуку часпъ его швореній. Онъ угодилъ Русскимъ остроумнымъ своимъ расказомъ, равно какъ пріятностію и гибкостию, кои сообщилъ ихъ языку при семь прудномъ дѣлѣ. Въ Москвѣ обихаетъ въ преклонныхъ лѣтахъ сей Писатель, всми любимый и уважаемый. Древній сей городъ, который Изящныи Искусства и удовольствія избрали также своею столицею, служилъ обыкновенно мѣстомъ успокоенія для вельможъ и заслуженныхъ царедворцевъ, оппоргнувшихъ пдагогою дѣлѣ или Философіею отъ Двора и жизни Пепербургской. Тамъ-то Г. Дмишріевъ, сдѣлавъ новое изданіе своихъ швореній, исправленное и уменьшенное (3), явилъ пош-

Остаются одна: *Филмонъ* и *Бавкида*, но одна Сказка не есть *Сказки*. Басни Дмишріева также многія взяты изъ Флоріана и другихъ Писателей; сѣдовашельно Лафоншеновы составляютъ не *большую*, а едва *пятую часть* спихошвореній И. И. Дмишріева, и не *главную* въ поэтическомъ отношеніи, ибо у него есть собственныя, превосходныя лиро-эпическія спихошворенія, каковы напр. *Освобожденіе Москвы* и *Ермакъ*. *Переводъ.*

(3) Сие изданіе было напечатано не самимъ И. И. Дмишріевымъ, но какъ даръ, принято отъ него съ чувствительнѣйшею благодарностію Высочайше утвержденнымъ С. Пепербургскимъ

кій вкусъ чловѣка свѣтскаго и безпристрашнѣ судїи, совлекшагося суешности авторской.

Г. Крыловъ, послѣдній изъ сего триумвираса, есть пошль, котораго Басни здѣсь предлагаются. Родясь въ Москвѣ 1768 года, онъ былъ воспитанъ въ Твери, куда родители его переселились на жительство. Онъ служилъ въ памошнемъ Губернскомъ Правленїи до 1785 года. Тогда онъ перѣхалъ въ С. Пешербургъ, гдѣ поручаемъ ему были разныя должности. Съ 1811 года, онъ служилъ Библиотекаремъ въ превосходной Императорской С. Пешербургской Публичной Библиотекѣ. Онъ украшенъ знаками оплчїя и пожалованъ чиномъ *Надворнаго Советника*, не бывъ *придворнымъ* (4). При всемъ томъ,

Вольнымъ Обществомъ Любителей Словесности, и напечатано иждивенїемъ онаго, для споспѣшествованїя, по волѣ почтеннаго Сочинителя, двойственной цѣли сего Общества — *просвѣщенїю и благодѣянію. Переводъ.*

(4) Каково? — Французскій Писатель, не распрося порядочно, думаетъ и пишетъ, что въ *Надворные Советники* жалуютъ у насъ только *Придворныхъ!*... *Conseiller de Cour sans être courtisan!* — И. А. Крыловъ Кавалеръ Ордена Св. Владимїра 4 степени, и, въ уваженїе заслугъ его въ Россійской Словесности, получаешь *Всемило-*

онъ чловѣкъ нестерпящїй выпригъ и нечесполубивый: милоспѣ сїя сама нашла его, а онъ оставилъ ее дѣлать, что хочеть. Можеть быть, онъ и большаго достоинствъ; но по вѣрно, что онъ былъ бы доволенъ и меньшимъ.

Г. Крыловъ прудился для Театра. Бывъ еще 16 лѣтъ, написалъ онъ небольшую Оперу: *Кофейница* или *отгадчица на кофетъ*, но не печаталъ оной. Онъ сочинилъ двѣ другїя Оперы въ трехъ дѣйствїяхъ: *Илья богатырь* (5) и *Сумасбродная семья*. Онъ также подарилъ Русскїй Театръ чепырьмя Комедїями въ прозѣ: *Проказники* (6), въ пяти дѣйствїяхъ; *Писатель въ передней*, въ 3 дѣйствїяхъ; *Модная лавка* (7), въ трехъ дѣйствїяхъ, и *Урокъ дочкамъ*, въ 1 дѣйствїи. Публика приняла всѣ сїи сочиненїя съ лестнымъ одобренїемъ.

спивѣйте пожалованный ему пансіонъ, по шри тысячамъ рублей въ годъ.

(5) *Ilia le Hércule*, сказано во Французскомъ подлинникѣ; для чего жъ не *Ilia le Sampson?* Пер.

(6) *Les Espiègles*. По содержанїю Комедїи, это вовсе не *Espiègles*; скорѣе *les Originaux*. Пер.

(7) И здѣсь сказано у Французскаго Писателя *le Magasin à la mode*, а по смыслу Комедїи — это *le Magasin de modes*. Перев.

Но истинный свой талант Г. Крыловъ явилъ въ Басняхъ, и спалъ въ первомъ ряду Литераторовъ своей отчизны. Вниманіе, которое привлекаетъ къ себѣ столь отличный Писатель, возбуждаетъ желаніе узнать его самого, и вотъ подробности, сообщенныя мнѣ нѣкоторыми путешественниками, сведшими съ нимъ знакомство въ Пешбургъ. Г. Крыловъ имѣетъ отъ роду около 56 лѣтъ, высокъ ростомъ, полонъ лицомъ и тѣломъ; походка его небрежна; простое и открытое его обращеніе внушаетъ къ нему довѣріе. Ни отъ кого не завися и не бывъ женатъ, онъ не убѣгаетъ ни игры, ни удовольствій. Въ обществѣ, онъ больше замѣчаетъ, нежели говоритъ; но когда его взманишь, то разговоръ его бываетъ весьма занимателенъ. При семъ помю, онъ никогда не выѣзжалъ изъ Россіи, и только *поимается по Французски* (8). Подъ пучною

(8) Не правда! Въмъ иностраннымъ путешественникамъ, которые имѣли случай познакомиться съ И. А. Крыловымъ, должно бытъ извѣстно, что онъ объясняется на Французскомъ языкѣ весьма свободно; сверхъ того знаетъ онъ языки Нѣмецкій, Италіанскій и древній Греческій, которому выучился уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ. *Переводъ.*

его наружносью кроется умъ тонкій и быстрый, вкусъ разборчивый, сердце челолюбивое и доброхотное, и всѣ качества превосходнаго друга. Въ одномъ только его укоряютъ, — и это, къ сожалѣнію, есть господствующая черта его характера: онъ перенесъ подъ бо градусъ широты безпечность Неаполитанскую, и предается по роскошной лѣни, которая взлелѣяла геній Лафонтена и Шольё. Муза его уступается только наспойчивымъ просьбамъ друзей: это *басенникъ* (9), который должно крѣпко потрясти, чтобы съ него упали плоды.

Баснями Г. Крылова открылся славный періодъ, въ который Россія, испытавъ себя въ Литературѣ, шакъ сказала, *заморской*, увидѣла у себя и Словесность истинно народную, и публику, ей внимающую. Басни сіи, думаю, и донынѣ составляютъ то, что Парнассъ Невскій имѣетъ совершеннѣйшаго. Ни одинъ народъ не имѣетъ Баснописца, который бы превзошелъ сего Писателя въ новости расказа и изобрѣженія. Почти всѣ его Басни принадлежатъ собственно ему.

(9) Французы въ семь случаевъ употребляютъ слово: *Fablier*, означающее какъ бы *басенное дерево*, и сославленное по образцу словъ: *potmier*, *poirier*, *mûrier* etc.

Расказъ его опличается полнокостію подь видомъ просидосердечія, и правдоподобіемъ; и усіянь веселыми и оспроумными подробностями. Онъ съ опшмьнымъ искусствомъ употребляетъ краски мѣстныхъ, и кисть его, прямо Русская, показываетъ, какъ въ зеркалѣ, необыкновенное подобіе народа, кошорый заемлетъ сполько же простоты опъ праопеческаго образа своей жизни, сколько полнокости ума опъ положенія своего въ обществѣ челоѳеческомъ. Изобрѣненіе въ Басняхъ Г. Крылова вообще исполнено ума. Онъ рѣдко играетъ своими уроками; правоученіе его опкрыто и швердо, иногда даже сбивается на эпиграмму, или на шу общую сатиру, кошорая естѣ оружіе добродѣтели. Слогъ его, кошорого совершенство живо чувствуюшь его единоземцы, совокупляетъ въ себѣ два рода красоты, недосупныхъ для переводчиковъ: съ одной спороны онъ облуетъ словами звукоподражательными, а съ другой онъ искусно извлекаетъ изъ нарѣчій проспонароднаго самаго, шакъ сказашъ, усобныхъ и нежданыхъ выраженія, кошорыя сами собою пробуждаютъ множесство понашій, чувствованій и воспоминаній, любезныхъ Русскимъ. Къ счастію Русскаго языка, одна и ша же эпоха льветъ въ немъ Г. Карамзина и Г. Крылова, и оба они оказываютъ ему,

важныя и разнообразныя услуги. Первый изъ нихъ возвышаетъ шу частъ сего языка, кошорая прилична достоинству Истории, вторыи изопряетъ въ немъ шо, что способно къ списыванію нравовъ. Можно сказашъ, что Г. Карамзинъ даетъ избираемымъ имъ словамъ граматы на благородство, а Г. Крыловъ надѣляетъ слова своего выбора патешными на умъ.

Таковъ Писатель, кошорого Графъ Орловъ, страстный къ слаѣ своего опчества, желалъ распространить знаменитость по сію и по шу спорону Альпійскихъ горъ; шакво швореніе, кошорымъ онъ хошѣлъ обогатить Литературы Французскую и Италіанскую. Какихъ правъ не имѣлъ онъ на успѣхъ сего предпріяшя, полезнаго шремъ народамъ! Италія не забыла еще, что она ему обязана драгоценными Историческими Записками о Неаполитанскомъ Королевствѣ, и двойною Исторіею Музыки и Живописи въ Италіи. Франція благодарна ему за предпочтеніе, кошорое онъ оказываетъ нашему языку разными своими сочиненіями, и за Опсаніе его путешествія по южнымъ нашимъ провинціямъ; посему-шо благодарность двухъ народовъ изъясилась гошовностию ихъ Писателей, способствовашъ его намѣренію. Г. Сальфи, ученый Кришкы и досшойный про-

должашель Женгене, въ прекрасной его Исторіи Липерашуры Ипаліанской, посвятивши особое предисловіе тому, что касается до Музы Авзоніи въ этомъ собраніи Басень Г. Крылова. Я скажу только объ участіи, которое приняли въ ономъ Поэты Французскіе.

Число ихъ почти равняется числу сихъ Басень. Такое спеченіе ни мало не удивительно. Франція, движимая великодушнымъ чувствованіемъ начинавшимъ возвышать любовь къ отечеству до любви къ человечеству, привѣтствовала улыбкою первое спремленіе Россіи къ образованности и Словесности. Вольцгеръ, Левекъ и Леклеркъ были изъ новѣйшихъ первыми ея Историками (10); наши Ученые, состязаясь съ учеными Германскими, съ Эйлерами, Гмелинами и Палласами, занимали въ ней мѣста Профессорскія; для нее Фалконешъ создалъ спашую Петра Великаго. Главы нашей Липерашуры вели переписку съ Императрицею Екатериною; одинъ изъ нихъ самъ приходилъ дивиться ей

(10) Благодарны, а особливо за сего послѣдняго, которой изуродовалъ въ своей, шакъ названой Исторіи, не только имена, но и самыя событія, и на все смолръль сквозь законченное шекло. *Переводъ.*

посреди ея славы; а пошомъ Кабинетшъ Версальскій, изъ тонкой угодлиности, прислалъ къ ней, въ лицъ Г. Сегюра, самаго академическаго (11) своего Посланника. На нашемъ же языкъ сія Государыня, споль же Великая Монархия, сколько опшлчна любезностию женщина, сама написала безмерный свой Наказъ о составленіи Законовъ для своей Имперіи и Наставленія о воспитаніи Высокихъ своихъ Внуковъ. Посему привязанность Франціи къ Россіи, родившаяся опъ сообщенія знаній и взаимной склонности двухъ народовъ, есть уже для насъ какъ бы преданіе опъ нашихъ наставниковъ и привычка цѣлаго вѣка.

Правда, не легко было доказать сего переводомъ Г. Крылова. То, что мы сказали о его слогѣ, богатомъ звукоподражаніями и выраженіями, шакъ сказать, сродными народу и нравамъ его опшчны, довольно ясно уже доказываетъ, что сіи мѣшныя красопы неудобнопереносимы въ другой языкъ. Крыловъ, переселенный шакимъ образомъ

(11) Переводчикъ не осмѣлился измѣнить здѣсь выраженія Сочинителя: le plus académique de ses Ambassadeurs, хопя Русская фраза и очень похожа здѣсь на галлицизмъ; въ этомъ онъ проситъ извиненія у читашелей.

подъ чужое небо, не былъ бы узнать своими соотечественниками, пакъ какъ и мы не узнаемъ Монпана и Лафоншена въ самыхъ лучшихъ переводахъ. Посему должно было оставить напрасныя попытки — переводить Поэзію его Басень, а ограничиться подражаніями, для которыхъ дѣльность содержания, прелестъ и новостъ подробностей доставляютъ Писателямъ всѣхъ странъ удобный запасъ. Для облегченія сихъ подражаній, Графъ Орловъ началъ переводить Басни своего единоземца на Французскій языкъ прозою и какъ можно ближе къ подлиннику, и надъ симъ, уже готовымъ запасомъ трудились Поэты Французскіе и Италіянскіе, съ свободою таланта, и отбросивъ всѣ препоны, противопологаемыя текстомъ подлиннымъ. Такимъ образомъ, изъ творенія Г. Крылова до насъ дойдеть все, что могло перейти за предѣлы Россіи, и новыя красоты, безъ сомнѣнія, замѣнятъ тѣ, которыхъ намъ не суждено постигнуть (12).

Судь о сихъ подражаніяхъ принадлежить читателю, у котораго они теперь передъ

(12) Не совсѣмъ. Это мы увидимъ изъ будущаго разбора сихъ Италіянскихъ и Французскихъ преложений. *Переводъ.*

глазами. Каково бѣ ни было его мнѣніе о каждой изъ сихъ Басень отдѣльно, — но его навѣрное удивитъ и плѣнитъ чрезвычайное разнообразіе поновъ и красокъ цѣлаго. И никогда столь великое число оплчныхъ Писателей не производило общими силами такого дѣла, которое, не взирая на особый оппечатокъ таланта каждаго изъ нихъ, долженствовало быть игрою ихъ превосходства. Въ семъ состязаніи я вижу нѣкопоре подобіе турнира, какъ бы празднуемаго въ Парижѣ въ честь чужеземнаго Баснописца, куда со всѣхъ вершинъ Французскаго Парнаса, сошла толпа вишязей и Амазонокъ, и званіемъ и оружіемъ различающихся. Здѣсь видимъ важныхъ Писателей: Графа *Сегюра*, Автора Всемирной Исторіи; Графа *Дарю*, Историка Венеціи; Г. *Каррьонъ-Низаса*, Историка Военной Науки; Г. *Парсеваль-Гранлезона*, пѣвца Филиппа Августа; Графа *Буасси д'Англасъ*, Плушарха Мальзербова и соревновавшаго его въ твердости духа. Подлѣ нихъ являются ученые Литтераторы: Гг. *Амори-Дюваль*, *Ноде*, *Ноэль*, *Геро*, *Мюссе-Пате* и *Мазуа*, коего волшебная кисть оживила дворець Савра и пеплѣ древней Помпей.

Мельпомена высладала на поприще пѣхъ изъ своихъ пиломцевъ, кои столь гордыми

чертами изобразили свирѣпаго Марія, безчеловѣчную Брюнегильду (Brunehaut), кроваваго Силлу, заговорщика Прочиду, спрогаго Регула, и Клодовига, и Саула, и Инесу де-Каспро, — Гг. *Арно*, покойнаго *Энльяна*, *Жуи*, *Казимира Делавиня*, *Люсьена Арно*, *Вьенне*, *Сугле*, *Фирмена Дидота*, того самаго; кошорый, напечапавъ съ рѣдкимъ совершенствомъ подлинныя Басни Крылова Русскими буквами (13), снова доказала, что нѣтъ непреодолимои трудности для славной его типографіи. Такия, какъ и сестра ея, пожелаала выспавить своихъ борцевъ въ Гг. *Андріе*, *Дюваль*, *Пикаръ*, *Віалль*, *Дюмерсанъ* и *Жансуль*; за ними слѣдовали представившеш пошй веселой и легкой опрасли Липерашуры, въ кошорой Французы опшлчаются: Гг. *Купиньи*, *Жаклень*, *Эмиль Дешанъ*, *Жюлій Ресегье*, *Жермень Делавинъ* и *Руже Демилль*. Для Г. Крылова лестно

(13) Правда; но жаль, что Г. Дидотъ не прискалъ на сей разъ хорошаго Русскаго коррекшора. Со всею щеголеватостью Русскихъ буквъ Парижской опшливки, въ шекшѣ встрѣчаются многія и немаловажныя опечашки, кошорыхъ не было бъ при хорошемъ коррекшорѣ, знающемъ нашъ языкъ. Къ шому жъ и заглавная буква Т вырѣзана шакъ, какъ у насъ спрочная. *Переводъ.*

будетъ найти, въ числѣ своихъ предлагателей — опшльныхъ соперниковъ по роду сочиненія, кошхъ имена уже прославились изданными собраніями Басень; шаковы Гг. *Греню*, *Ле-Бальи*, *Молльво*, *Августъ Риге*, *Баронъ Стасаръ*, *Купе-де-Сенъ-Дона*; къ нимъ должно присовокупить Г. *Арно*, о кошоромъ я уже упоманулъ при исчисленіи поборниковъ Музы шрагической.

Въ странѣ шшаринной, укоренившейся образованности, занятія липерашурныя имѣютъ своихъ ошшниковъ: пошому ли, что они умшвенные шруды свои сшпашютъ просто забавою, или пошому, что боиятся извьешности, — держатъ ошй подъ слудомъ свои произведенія, кошорыхъ ждешъ слава. Переводъ Басень Крылова много обшазанъ симъ вольнымъ обшникамъ Липерашуры: шшо Герцогъ *Бассано*, *Бурделуа*, *Аббатъ Бюра*, *Алберикъ Девилль*, *л'Эрмиттъ*, *Жюльера-Шассёръ*, *Жозефъ Ламаркъ*, *Мико*, *Миро* и *Вьлсенъ*. Наконецъ собраніе сіе было бы какъ-шо шускло и не пошно, если бъ въ немъ не встрѣчали мы нѣжной руки шного пола, кошорый озаряетъ липерашурную славу Франціи самыми прелестными ея лучами. Пусть же порадуешъ шпашель; находи здѣсь имена шѣхъ собесѣдницъ Музы; кошхъ присутствіе и звуки голоса власт-

ны плѣнѣвъ его! Г-жи Принцесса *Констанція де Сальмъ*, *Софія Ге, Жюлье-де-Сегрѣ*, сочинительница цѣлаго Собранія *Басень*, *Амабль Татю*, *Мераръ-Сенъ-Жюстъ*, Г-жа *Гиллуа*, урожденная *Элалія Руше*, дочь извѣстнаго шпорца Поэмы: *Мьялцы*; Г-жи *Ла-Гардъ*, *Целеста Венсъ*, дѣвнцы *Адель Ле-Бальи*, дочь Баснописца, и *Дельфина Ге*, та прелестная любимца Аполлонова, которой онъ повелѣвалъ бытъ Поэтомъ.

Графъ Орловъ, попеченіямъ коего публика будешь обязана за сіе изданіе, хотѣлъ сначала каждую Басню украсить гравированною картинкою; но какъ сіе великолѣпнѣе требовало на долгое время ошлужишь изданіе, то онъ принужденъ былъ ограничиться поршпретомъ Г. Крылова и пятью картинками, взятыми изъ содержанія заглавныхъ *Басень* въ каждой изъ пяти книгъ сего собранія. Люди съ образованнымъ вкусомъ, можешь бытъ, одобряшь сію воздержность, ибо всего труднѣе успѣхъ въ шакомъ дѣлѣ. Творенія изъ природы мершвой и большая часть живописныхъ, бывающія обыкновенно дѣйствующими лицами въ *Баснѣ*, представляютъ столь мало средствъ къ изображенію страстей въ живописи, что Художникъ по неволѣ долженъ высккивать незанимательные предметы побочные (*les accessoires*). Большое из-

даніе *Лафоншена*, такъ называемое *des Fermiers généraux*, очень ясно доказало, какъ безильна такая роскошь, и сколь ничтожно въ ней дѣйствіе драматическое или каршинное. Со всемъ шѣмъ, нельзя безъ удивленія видѣшь, какъ умѣли воспользоваться Гг. *Бушонъ*, *Изабе*, *Лепренсъ*, *Неверъ* и *Юлія Верне* симъ неблагодарнымъ предметомъ (14), и какъ замысловатый ихъ карандашъ умѣлъ превратить въ занимательныя каршины такія сцены, копорыя, съ перваго ошлзда, должны бы были только являться ошвлеченному взору ума. Красивыя ихъ картинки сушь истинная новостъ и завоеваніе начертательнаго искусства въ области *Басни*, въ копорой донныя рѣзецъ производилъ только вялыя, дѣшскія игрушки.

Съ Франц. . . С.

Парижѣ, 10 Декабря 1824.

(14) Въ этомъ Переводчикъ поспорилъ съ Г. Сочинителемъ. Имѣвъ случай видѣшь нѣкопорые рисунки (ошчаси уже выгравированные), готовимые для новаго изданія *Басень* П. А. Крылова здѣсь въ С. Пешербургѣ, онъ ошдаешь имъ полное преимущество передъ Французскими, и ошпаешся въ шомъ убѣжденіи, что для истиннаго таланта нѣтъ трудностей.

АНТИКРИТИКА.

I.

КРАТКОЕ ВОЗРАЖЕНИЕ НА СТАТЬЮ, ПОМѢЩЕННУЮ
ВЪ 11 No. МОСКОВСКАГО ТЕЛЕГРАФА.

Riga bien, qui tira le dernier.

Г. Беспужевъ, исчисляя причины безпрестанныхъ явленій полемическихъ спашей во всѣхъ Русскихъ Журналахъ, не упомянулъ объ одной, едва ли не важнѣйшей, а именно: о чрезвычайной раздражимости тѣхъ Писателей, которыхъ долговременные труды ограничиваются полудюжиною *пустыхъ* кришикъ и антикришикъ (см. 11 No. Москов. Телеграфа) Замѣчаніе въ Сѣверной Пчелѣ, неправильное сужденіе о финалѣ Оперы: Дочь-Жуанъ, шакъ разгнѣвало Г. У. У., что онъ, написавши двѣ грозныя антикришики, еще вызываешь на бой своего противника, и кто знаетъ, до чего бы дошли эти прѣнія о финалахъ, если бы Г. Корреспондентъ Сѣв. Пчелы не объявилъ, что онъ не намѣренъ опвѣчать Г. У. У. — Это конечно есть лучшее средство прекратить споры, ни мало незамасельные, но къ несчастію, больша часть

данныхъ читателей починаешь побжденными тѣхъ, которые молчатъ: Г. сошрудникъ Московскаго Телеграфа зналъ это, и объявлять шоржественно, что никто не заставишь его перешасть писать. Миѣ кажется, что никто и не шребовалъ этого. Пицците, Г. У. У! Вы нашли Издашеля, который помѣщаешь ваши спашьи въ своемъ Журналѣ: найдущія и читашели, которые будутъ удивляться вашимъ произведеніямъ. Такъ изшарц водишся! ссылаюсь въ шомъ на Буало. . . .

Спашья ваша напечатана подѣ заглавіемъ антикришики; эшимъ словомъ до сихъ поръ означалось зашцищеніе или опроверженіе чьего нибудѣ мнѣнія. Посмотримъ, что заключаешь въ себя ваша спашья. Вы начинаете шѣмъ, что небольшое замѣчаніе ваше къ спашью о концернахъ, состоявшее въ шомъ, „что Г. П., воюющій подѣ крылышкомъ Сѣв. Пчелы, не имѣешь свѣдѣній въ музыкъ весьма прогнѣвало *его* Г. П.“ Кто прогнѣвался, вы или Г. П., это мы узнаемъ изъ крашкаго изложенія всего дѣла. — Г. П. назваль забавною благодарностью вашу, за внушеніе финала въ представленія Оперы: Дочь-Жуанъ; *вы*, Г. У. У., возражали *ему* Г. П., шѣмъ, что подобнаго сужденія не нашли въ Нѣмецкихъ книгахъ, коихъ заглавіе *вы* Г.

У. У. выписали изъ каталога, и прибавили къ тому, что письмо его, Г. П., о Московскихъ концерсахъ наполнено ошибками, которыхъ бросаются въ глаза *вамъ*, Г. У. У., опышному любителю музыки. На сей грозный приговоръ отвѣчалъ онъ Г. П. съ възливостію, утверждая, что упомянутого финала выпускать не должно, понеже самъ Моцартъ призналъ его нужнымъ въ безсмертнось твореніи своемъ. Доказывалъ же онъ Г. П. справедливость мнѣнія своего тѣмъ, что при сочиненіи Италіанской Оперы, Папъ всегда бываетъ въ зависимости у музыканта, изъ чего слѣдуетъ, что Моцартъ не въ угодность Аббату ди-Понте сочинилъ финалъ, а напросивъ того его Аббата ди-Понте принудилъ вывести на сцену всѣхъ дѣйствующихъ лицъ Оперы, ради вышереченнаго финала. — Потомъ, прося васъ указать, какія ошибки вы, Г. У. У., нашли въ письмѣ о концерсахъ, онъ Г. П. не прикинулъ, при сей вѣрной оказіи, замѣтивъ въ сущѣсть вашей диковинки, которыхъ, въ числѣ шести, съ исправностію имъ выписаны.

Изъ всего вышеозначеннаго явствуетъ, что Корреспондентъ Свѣ. Пчелы не гнѣвался, а защищалъ свое мнѣіе: въ отвѣтъ его не нашель я ни одной обвѣщанной ошибки, о которыхъ вы упоминаете, ни одного въ-

раженія, прошивнаго въживости, ни одного признака желанія блистать знаніями, которыхъ онъ не имѣеть, словомъ ничего такого, что бы показывало раздражительность изблчченнаго самопадняія, и вамъ, Г. У. У. слѣдовало бы также поступить, или, за недоспашкомъ доказательствъ, молчать. Но спашное ли дѣло! , Довольно, кажется, говорите вы, доказалъ я Г. П., что его замѣчанія о финалѣ Донъ-Жуана есть грубая ошибка.“ А намъ *кажется*, что это самое *вамъ* доказалъ Г. П. — Потомъ, въ слѣдствіе прошенія Г. П. о указаніи ошибокъ его въ письмѣ, номѣщенномъ въ 46 Но Сѣверной Пчелы, вы выписываеете слова изъ сущѣсти, напечатанной въ 64 Но. — Такъ и бытъ! рассмотримъ ваши показанія, оставляя безъ вниманія два первыхъ, которыхъ — ничего не доказываютъ. — Вы называете неудачнымъ защищеніе сущѣсти о концерсахъ, потому, что Г. П. „не желалъ вѣрнѣ ни здравому „смыслу, ни вкусу, ни сужденіямъ людей, на „которыхъ можно положиться, и коихъ со- „чиненія вы предснавли въ доказательство, „просить васъ заглянуть *въ теорію Ита- „ліанской Оперы, и тамъ увидѣть, что фи- „налы въ ней необходимы, и что Моцартъ „зналъ, для чего написалъ сей финалъ.“* —

Отвѣчаю на сіе во-первыхъ шѣмъ, что Г. П. не на много чѣмъ, какъ на *здоровомъ смыслѣ*, утверждаетъ, что должно вѣрить болѣе вкусу безсмертнаго Моцарша, нежели вкусу сочинителя музыки къ какой нибудь Ташарской, или Киргизской пѣснѣ; следовательно ваша ссылка на *здравый смыслъ* неудачна, такъ какъ и желаніе выдать себя за знатока; — во-вторыхъ: вы сами же говорите, что въ упомянутыхъ вами сочиненіяхъ *ничего не сказано о финалѣ Донъ-Жуана*, следовательно и вѣрить не чему; въ-третьихъ: выпустивши окончательную фразу сужденія о необходимости финала въ Оперѣ; вы старались только замкнуть смыслъ; въ четвертыхъ: если Г. П. сказалъ, что *Моцартъ зналъ, для чего написалъ сей финалъ* (чего и нѣтъ въ его спашѣ) то вы, опровергая его сужденія, должны были доказать, что Моцартъ самъ не *зналъ*, для чего *написалъ сей финалъ*. Не сомнѣваюсь я, что вы готовы все доказывать, но никогда не повѣрю, чтобъ вамъ удалось изобличить Моцарша въ незнаніи того, что онъ дѣлалъ, и вы очень хорошо сдѣлали, что, вмѣсто всякихъ недѣльных толковъ о семъ предметѣ, ограничиваетесь забавнымъ вопросомъ: чѣмъ же хоръ духовъ не финалъ? Конечно Опера тогда бы окончилась хоромъ духовъ, если

бы Моцартъ не сочинилъ другаго финала. Въ подтвержденіе этого мнѣнія, спомню только прибавить вамъ Русскую поговорку: *на безрыбѣ и ракъ рыба*. —

Г. П. откровенно признался, что онъ незнаетъ въ музыкѣ, а вы, Г. У. У., вмѣсто этого, чтобы послѣдовать его примѣру и признаться, что и ваши свѣдѣнія очень ограничены, вы приводите путь совсѣмъ не хеташа слова Молчалива и Чацкаго:

„Не сочинилъ я — и по всему замѣрно.“

По моему мнѣнію, впрочемъ полусиципие приличнѣе было бы поставивъ подъ собственнымъ вашимъ объявленіемъ о томъ, къ числу какихъ Сочинителей вы принадлежите. Не теперь дѣло не объ этомъ, а посмотримъ, по какому праву вы себя выдаете за знатока и за опытнаго любителя музыки.

Г. П. назвалъ речитативомъ сцену Командора съ Донъ-Жуаномъ, такъ какъ и въ ее называюшь. А вы, впрочемъ, для доказательства своихъ глубокихъ знаній, шоржественно утверждаете, что *мѣтриса музыка никогда не называется речитативомъ*. — Теперь и я поздравляю васъ съ находкою! И такъ, по вашему опредѣленію, въ цѣлой Веспашкѣ нѣтъ ни одного речитатива? Прекрасно! Вотъ неоспоримый признакъ, что вы знатокъ и опытный любитель музыки!

Попросите же и вы въ свою очередь кого нибудь изъ вашихъ пріятелей, расположовашъ вамъ, что выраженія: *мирная музыка* и *пречитативъ* значашъ одно и то же, и въ другой разъ не пишете на-обумъ о музыкѣ, о которой, какъ и о всякомъ искусствѣ, нельзя судить безъ предварительнаго, особеннаго занятія и знанія.

Вы увѣряете, Г. У. У., что между вашимъ замѣчаніемъ о Моцартѣ и Россіи „и „224 страницю 4 части Писемъ Русскаго „пушешественика, нѣтъ ничего сходнаго „кромя сходства Глукка и Пичини съ Моцартомъ и Россіи.“ Извините, есть еще другое сходство: ваше сравненіе Моцарта съ Россіи и сужденія Кавалера Св. Лудовика о Глуккѣ и Пичини суть не иное что, какъ наборъ *пустыхъ словъ, ничего недоказывающихъ.* Вотъ, почему Г. П. просилъ своихъ читательницъ *заглянуть въ Телеграфъ и прочитать указанную страницу.* За симъ слѣдуюшъ насмѣшки, на счетъ склонности Г. П. къ Математикѣ. Я согласенъ съ вами, что эта Наука пріучаетъ къ основательности, и пошому совѣтую вамъ ею заниматься: тогда вы не будете увѣрять о возможности доказать, что начальная буква чьего нибудь имени равняется нулю. Другое дѣло, если бы неизвѣстное количество УУ, являю-

щесся подъ вашими спашьями, означало степенъ вашихъ знаній, тогда, посредствомъ уравниенія, легко бы можно было опредѣлить, чему равняется У: ручаюсь вамъ, что искомое будетъ съ отрицательнымъ знакомъ.

Симъ оканчиваю я мои возраженія, прося васъ замѣнить, что я по возможности избѣгалъ *обветшалыхъ шутокъ*, неучтивыхъ выраженій, смѣлыхъ сужденій о предметахъ, извѣстныхъ мнѣ по наслышкѣ, словомъ, всего того, что характеризуетъ ваши спашья. Въ заключеніе, совѣтую вамъ *не торопиться* писать, и не вѣрять Г. Издашело Московскаго Телеграфа (подъ знаменами коего вы разоборствуете), въ томъ, что сподитъ только захотѣтъ, чтобы умѣть судить обо всемъ, ничего не зная основательно. *Man kann nicht immer das, was man will!*

Теперь ожидаю я грознаго отвѣта, въ которомъ будешь столько же основательныхъ сужденій, сколько въ разбираемой мною спашь; но будьте увѣрены, что я не стану вступаюшъ съ вами въ дальніе споры. Я подписываю подъ сею спашьею мое имя, и имѣю полное право просить васъ сдѣлать тоже, если вы вздумаете мнѣ отвѣчать.

Василій Ушаковъ.

Москва,

Краткій отвѣтъ защитникамъ Лечебника, издавнаго Княземъ Енгальцевымъ, и указаніе нѣкоторыхъ ошибокъ, находящихся въ сей книгѣ.

Напрасно нѣкоторые жалуются на недоспашокъ энциклопедическихъ свѣдѣній нашихъ Словесниковъ. Мы знаемъ *есе*, исключая *многаго*. Въ № 68. *Сверной Пчелы*, совѣщавші публикъ осперягались вообще книгъ медицинскихъ, издаваемыхъ не-врачами, и сказали, что въ *Лечебникъ Князя Енгальцева* находишься много *промаховъ*. На это появились опроверженія и защита въ ХХІІ книжкѣ *Благосампреннаго* и въ 62 книжкѣ *Отечественныхъ Записокъ*. Жаль только, что Гг. защитники *Лечебника* не представили доказательствъ, въ подкрѣпленіе своего мнѣнія. Но какое до этого дѣло? довольно того, что одинъ изъ нихъ *рекомендуетъ* эту книгу *добрымъ и небогатымъ* помѣщикамъ!

Между тѣмъ одинъ опытный Медикъ, несогласный съ симъ мнѣніемъ, утверждаетъ, что книга сія не можешь принести никакой пользы, которую обычаютъ ей защитники. Желая предохранить *добрыхъ и небо-*

гатымъ помѣщиковъ отъ пагубныхъ ошибокъ при леченіи различныхъ болѣзней *безъ совета* врачей, по книгѣ Князя Енгальцева, я просилъ сего почтеннаго Медика сдѣлать подробный разборъ *Лечебника*: сей ученый мужъ объявилъ мнѣ рѣшительно, что эта книга, въ цѣломъ своемъ составѣ, не есть медицинское сочиненіе, наполнена ошибками, и можешь причинить много вреда, (если читатели ея не будутъ совѣщаваться съ Медиками), но что на совершенное ея опроверженіе пребудется много времени, для него драгоценнаго. Между тѣмъ, чтобы убѣдить меня въ истинѣ своихъ словъ, онъ взялъ наугадъ одну часть сего сочиненія и, перевертывая листы наудачу, велѣлъ мнѣ писать. Вошь что мы нашли въ *третьемъ* изданіи: четвертое находишься въ печати (*).

(*) Въ заглавіи первой части четвертаго изданія сказано, что оно *исправлено* и дополнено. Между тѣмъ первая при изданіи сего *Лечебника* съ ошибками находящаяся уже въ рукахъ публики! Всякому извѣстно, какія слѣдствія влекутъ за собою ошибки при леченіи болѣзней; посему мы рѣшились напечатать здѣсь замѣчанія почтеннаго и опытнаго Медика, желая, чтобы оными воспользовались издатели и читатели *Домашняго Лечебника*.

Намъ попалась подъ руку чашь *третья*. Развертываемъ на угадъ. На стр. 115 найдется совѣтъ Врачамъ, который привелъ насъ въ оцѣнку: „Врачь долженъ давать больному ту пищу, къ которой онъ имѣетъ охоту, ибо больной самъ знаетъ, что ему полезно, и что вредно.“ — И такъ, прощай дѣша! Сами Врачи, находясь въ болѣзненномъ состояніи, не смѣюи руководствоваться совѣтами другихъ Врачей; а по приведеннымъ здѣсь словамъ Лечебника Князя Енгальчева, больной долженъ повѣлывать по своему аппетиту. Прекрасно: и такъ въ оспрыхъ болѣзняхъ, если больному захочется горячипельнаго, то не должно ему отказывать? Зачѣмъ же къ больнымъ приспаваютъ бластителей? Зачѣмъ предписываютъ имъ дѣшту? — Что скажете на это, Гг. защитники? —

На стр. 385 написано слѣдующее: „Взять Испанскихъ мухъ въ порошокъ . . . 18 гранъ
онио . . . 36 гранъ
канфары 36 гранъ
сахарнаго сыропу, сколько потребно будетъ для сдѣланія 36 пилюль, и (въ извѣстныхъ случаяхъ) принимать по одной или двѣ пилюли на ночь, ложась спать.“

Всѣ новѣйшія Фармакологіи (*) подтверждаютъ, что принятіе внутрь Испанскихъ мухъ сопровождается всегда худыми послѣдствіями. Сверхъ того, общая безопасность, кажется, пребуепъ, чтобы шаквые матеріалы, какъ Испанскія мухи и опій, были всегда въ рукахъ Врачей, и не принимались внутрь по предписаніямъ людей, незнающихъ Медицины (**). Вообще это рецептъ есть самый вредный, и никогда, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть написанъ Врачемъ.

При описаніи болѣзней, Авторъ слѣдовалъ одной эмпирии. Онъ не предлагаетъ ни опредѣленія болѣзней, ни признаковъ, ни причинъ, и прямо присупаепъ къ леченію. Сколько вреда можетъ произойти отъ этого, трудно исчислить. Напримѣръ, нѣкоторыя колошья въ желудкѣ, по деревнямъ ис-

(*) См. Pharmacop. Castrensis Ruthen. pars. I pag. 100.

(**) Къ счастью больныхъ, лекарства отпускающія изъ Россійскихъ аптекъ не иначе, какъ по предписаніямъ Врачей, получившихъ законныя свидѣтельства на медицинскую практику. Сіе благодѣтельное распоряженіе мудраго Правительсва должно часто обращаться чинашелей Лечебниковъ къ совѣтамъ Врачей.

цѣляющейся рюмкою настойки, а при воспаленіи желудка, рюмка водки можетъ прекратить жизнь челоѵка. Вообще въ хроническихъ и острыхъ болѣзняхъ, невозможно и даже вредно приступать къ леченію, не принимая признаковъ болѣзни. — Но примѣръ лучше объяснитъ.

На стр. 487 и 488. вотъ, какимъ образомъ Авшоръ описываетъ горячку:

„Горячка.“

„Въ началъ сей болѣзни, если нужно (!) *надобно* дать рюмное. Потомъ давать пить три раза въ день, теплая настой изъ мяты Англійской и мауна по одной чашкѣ. При томъ давать по 15 капель уксусной нафты (aether aceticum) (!) (ticus), чрезъ два часа въ полрюмкѣ воды. Если жажда велика, то пить по немногу, но чаще декоктъ овсяный или ячменный, или взять корня мауна въ порошокъ (Radix valeriana) (!) (шае), 3 драхмы, налить одну бушылку горячей воды, накрыть сосудъ, и когда просынешь, то процѣдишь, чшобы осталась полная бушылка сего настоя; къ сему прибавишь одну или 2 драхмы нафты купоросной (aether sulphuric), смешаешь и даваешь по столовой ложкѣ чрезъ 15 минутъ.“

Изъ всего этого видно, что почтенный Авшоръ вовсе не учился Медицинѣ, и не

имѣть понятія объ осприхъ болѣзняхъ. Не упомянувъ прежде о признакахъ, по коимъ можно давать рюмное въ горячкахъ, онъ подвергаетъ жизнь больныхъ большой опасности, ибо часто рюмное весьма вредно. Также не изяснивъ припадковъ и явленій, по коимъ можно распознавать свойство всякой горячки, можно ли лечить ее надлежащимъ образомъ? По крайней мѣрѣ, надлежало бы означить главное свойство горячки, ибо какія слѣдствія произойдутъ отъ употребленія мауна, уксусной и купоросной нафты въ челоѵкѣ, котораго все шѣлесныя опшравленія болѣзненно возвышены? Безъ сомнѣнія, такое состояніе шѣла возвысится, и болѣзнь приметъ самое дурное направленіе.

На стр. 489 написано слѣдующее:

„*Перепончатая жаба*, или *круль*, нервѣкъ происходитъ отъ осприженія волосъ на голову.“

Вѣроятно Авшоръ полагаетъ это главною причиною сей опасной болѣзни, когда не упомянулъ о другихъ, и прямо приступилъ къ леченію. Если бы это похоже было на правду, то весьма надлежало бы носить длинные волосы, и запретить спряться. Парикмахеры были бы очень благодарны почтенному Авшору, ибо тогда снова вошли бы въ моду косы и плешетки. Но, по несчастію,

сіе опредѣленіе произошло отъ того, что Авторъ не понялъ того, что списывалъ. Бользни сія бываетъ слѣдствіемъ простуды, или всякаго неумѣстнаго обнаженія головы, а не одного оприженія. Это можно видѣть въ Therapia Specialis Richteri pars I pag. 427. —

На стр. 510. „Въ упорныхъ лишаехъ должно приниматъ слѣдующее лекарство.“

„Взять сулемы 2 грана, развести въ 8 столовыхъ ложкахъ Французской водки, и прибавить:

„опію 4 грана
канфары 8 гранъ
сахару 30 гранъ.“

смѣшать, и давать пошпру и вечеру, сперва по десертной, а потомъ по столовой ложкѣ.“ и проч.

Нельзя не удивляться совѣшу, употребленію шакиа героическаго лекарства! Не говорю уже о слѣдствіяхъ, могущихъ произойти отъ ошибки въ вѣсъ, но любопытствую знать, найдется ли человекъ, который бы захопѣлъ приниматъ внутрь сильнѣйшее изъ медицинскихъ средствъ, единственно для того, чтобы избавишься отъ лишаевъ? Кто захочетъ сдѣлаться на всю жизнь слабымъ, вялымъ и получишь расположеніе къ смертельнымъ болѣзнямъ ради лишаевъ? Удивительно! Можно ли такимъ образомъ предпи-

сывать лекарство безъ различія сложенія и шемпераменша больнаго? Какой Врачъ согласился даватъ сулему людямъ слабымъ, чувствительнымъ, чахотнымъ, склоннымъ къ кровоспеченіямъ, страдающимъ скорбушомъ, Англійскою болѣзнію, истощеніемъ? Но какое дѣло до этого нашему Автору! Какого бы сложенія человекъ ни былъ, если онъ имѣетъ упорные лишаи — пусть пьетъ сулему: на здоровье! Гг. защитники Лечебника! что вы на это скажете? —

Весьма странно, что въ раземапривае-
момъ Лечебникѣ, Сочинителъ, выписывалъ изъ нѣкоторыхъ медицинскихъ книгъ рецепшъ безъ дальнаго разбора и примѣненія лекарствъ къ лѣпамъ и сложенію больныхъ, сверхъ того слишкомъ перековеркалъ эти рецепшъ. Для примѣра выписываю одинъ на стр. 585.

Rp. gummi ammoniac
gummi assa foetid
Pulv. radix valeriana
— summit arnica
saponis venet, aa ʒij.
Antimon. tartaris gr. xvij
syrup. — q. s.
M. f. pilul. ponc. gr. ij quarum sumat-
ter quotidie No. XV.

Напротивъ того, рецепшъ сей долженъ бытъ написанъ слѣдующимъ образомъ:

Rp. Gummi ammoniaci,
 Gummi assae foetidae,
 Pulveris radiceis valerianae,
 ——— Florum arnicae,
 Saponis veneti aa ʒii
 Tartari antimonialis gr. xvij
 Syrupi simplicis q. s.
 M. f. pilulae pondere gr. jj, quarum una
 mat aeger ter quotidiae N. XV.

Если Авторъ, выписывая чужіе рецепты, дѣлаетъ такія ошибки, какую же степень довѣренности можно имѣть къ его собственнымъ? Вообще выписки его изъ медицинскихъ сочиненій весьма неудачны; напримеръ, сокращая изъ книги почтеннаго Доктора Вишша о гемороѣ, нашъ Авторъ отбросилъ самое нужное, а оставилъ почти излишнее отъ стр. 442 до 474. —

Почтенный Медикъ, разсматривавшій со мною Лечебникъ Князя Енгальчева, упоминаетъ, неискусными компиляциями, которыми намъ выдаюшь за медицинскую книгу. Онъ закрылъ третью часть, и хотѣлъ кончить, но, по усиленной моей просьбѣ, раскрылъ на удачу часть I, и тамъ на стр. 24 мы увидѣли:

„Постыничество наиболее вредно молодымъ людямъ и старикамъ.“ — Не говоря уже о томъ, что посты установлены Церковію (а установленія Церкви всегда спаси-

тельны), безвредность оныхъ доказываея и самымъ опытомъ: простой Русскій народъ, который постигаетъ почти половину года, гораздо здоровѣе и сильнѣе людей, воспитанныхъ и питающихся непрерывно мясами, шруфлями и соусами. — Часть I, стр. 264:

„Объ опухоли ногъ.“

„Опъ опухоли ногъ хорошо давать каждое утро и вечеръ по 2 грана порошка изъ наперсочной травы съ ячменнымъ взваромъ, однако посовѣтовавшись съ Врачемъ (*), употребляя сіе лекарство три недѣли.“

Этотъ ошривокъ удостоверяешъ въ полной мѣрѣ, что Авторъ не имѣетъ понятія ни о болѣзняхъ, ни о лекарствахъ. Наперсочная трава (*digitalis purpurea*) есть превосходное средство въ водяныхъ болѣзняхъ, но въ опухоляхъ другаго рода, она не произведетъ желаемаго дѣйствія, и обманетъ надежду больнаго. Часть I, стр. 269:

„О блѣдности въ лицѣ.“

„Опъ блѣдности въ лицѣ должно взять одну щепотку, или 1 золотникъ розмарина, налишь на оную 4 унціи или 8 сподовыхъ

(*) Здѣсь почтенный Авторъ домашняго Лечебника самъ признаетъ нужду прибѣгать къ совѣщанію Врачей: симъ онъ поддтверждаетъ наши замѣчанія.

ложекъ горячей воды, которую, настоявъ въ покрывомъ сосудѣ, даешь по ложкѣ черезъ часъ.“ —

Какая блѣдность входитъ здѣсь въ составъ болѣзней — не понимаю. И какимъ образомъ розмаринъ, принимаемый внутрь, раскраситъ щеки? — Это средство требуетъ изъясненія! —

Въ I части на стр. 269, Авторъ, написавъ въ заглавіи: „О проспудной горячкѣ“, приспущаешь пошчасъ къ леченію, и, между прочими средствами, предлагаетъ слѣдующее:

„Разведи канфары 8 гранъ, въ 4 чайныхъ ложкахъ гофманскихъ капель, положи въ настой маунаго корня, смѣшай, и давай черезъ два часа по столовой ложкѣ.“

Не знаю, какой системы слѣдуешь Авторъ, когда, не дѣлая никакого различія между горячками, вездѣ лечишь ихъ почти одними возбуждающими средствами. Канфара дается только въ горячкахъ, сопряженныхъ съ спраданіемъ нервной системы или съ болшею слабостью, и мягкимъ, малымъ, слабымъ и неровнымъ пульсомъ и проч. Что жъ дѣлается тогда, когда тѣло будешь находишься въ противномъ состояніи, что даже въ рояннѣ въ проспудныхъ горячкахъ? тогда мауновый настой, гофманскія капли и канфара производушь вредное дѣйствіе и, можешь

бышь, даже убьюшь больного.— Часъ I стр. 298:

„О болѣзни ракъ (carcinoma).

„Ошь рака на губѣ — возьми свѣжаго сливочнаго масла и правы пысячелистника, вари на огнѣ, и сдѣлай изъ него мазь, въ которую обмочи перо и мажь рану, которая въ скорости заживеетъ.“ —

Сомнѣваемся въ дѣйствительности этого средства: между тѣмъ благодаримъ Автора, что онъ при этомъ случаѣ совѣтуетъ, хотя бесполезное, но притомъ и безвредное лекарство, и что онъ не прибѣгнулъ снова къ сулемѣ, опиуму и ш. п.“

Далѣе я не могъ убѣдить почтеннаго Медика, продолжая свои замѣчанія, но надѣюсь, что и эшихъ будешь довольно, дабы удостовѣришь всѣхъ благомыслящихъ чинашелей въ томъ, что сужденіе, напечатанное въ No. 68 Сѣверной Пчелы, справедливо, и что книга Князя Енгальчева наполнена промахами и ошибками. — Не говорю уже о несообразности въ медицинскихъ выраженіяхъ: это превосходишь всякое вѣроятіе (*). Послѣ

(*) Напр. Часъ II стр. 52: „Анисовое масло укрѣплешь голову, предохраняешь ошь пиячкихъ сновиднѣй (?), гонишь камень изъ почекъ и пузыря, и очищаешь маску ошь вѣшровъ.“ Совѣ

всего можно ли имѣть довѣренность къ Гг. Журналистамъ, когда они берутся защищать подобныя сочиненія? — Страшно всего то, что Г. Измайловъ говоритъ въ защиту Лечебника Князя Енгальчева на стр. 300 Благонамѣреннаго въ No XXII: „Не только по нашему (по моему), но и по мнѣнію многихъ почтенныхъ Врачей (???) вѣ Лечебникъ Князя Енгальчева особенно важны два предмета: 1) какъ предохранять себя отъ болѣзни и 2) какія домашнія (!) и, такъ сказать, ничего нестоющія (!) лекарства можно употреблять въ извѣстныхъ случаяхъ съ *вѣрной пользой* (!), вмѣсто дорогихъ иностранныхъ медикаментовъ, которыхъ иногда въ глуши и найши невозможно. Это не бездѣлица.“

Мнѣ кажется, что почтенный Издавецъ *Благонамѣреннаго* не читалъ этой книги, а произнесъ свое сужденіе, смотря на заглавіе: *Домашній лечебникъ* и проч. Въ противномъ случаѣ, сулемы, опиума, мауна, Испанскихъ мухъ, укусной и купоросной шапки и подобныхъ ядовитыхъ средствъ не называлъ бы *домашними*, ничего *нестоющими* лекарствами, которыхъ можно употреблять съ *вѣрной пользой*. Опдавая на судъ свѣдущихъ людей сдѣланный моимъ знакомцемъ, почтеннымъ и опытнымъ Медикомъ,

замѣчалъ на прѣсье изданіе Лечебника Князя Енгальчева, я заключаю сію спашью увѣреніемъ, что я впрочемъ уважаю благонамѣреннаго Автора сей книги, хотя не имѣю чести знать его лично, истинно люблю А. Ф. Смирдина, который печатаетъ четвертое *исправленное* и дополненное изданіе оной, и не имѣю другой дѣли, крипякуя сію книгу, кромѣ пользы общей и желанія, чтобы вкравшіяся въ прежнія изданія ошибки были исправлены въ новомъ, котораго непечатана еще одна первая часть, и чтобы чинашели Домашнихъ Лечебниковъ вообще болѣе пользовались совѣтами искусныхъ Врачей. Безпристрастные чинашели, безъ сомнѣнія, будущъ мнѣ благодарны за это, а все мое стремленіе, всѣ мои труды клонящія единственно къ пріобрѣтенію ихъ уваженія и благосклонности: этого довольно!

Фаддей Булгаринъ.

V.

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА.

О причинѣ неуспѣховъ Испанской Арміи въ Южной Америкѣ.

Одинъ изъ офицеровъ Перуанской арміи Роялистовъ, прибывшихъ въ Бордо, подавъ свѣдующее объявленіе о происходившихъ

въ Перу событіяхъ. Недосташокъ въ согласіи между Начальниками Королевской Перуанской арміи былъ единственною, истинною причиною всѣхъ воспослѣдовавшихъ намъ неудачъ. Лазерна, предвидя пабубныя слѣдствія раздоровъ, щещно прилагала всевозможное спараніе къ примиренію поссорившихся, но тѣмъ увеличивала только число соперниковъ. Армія раздѣлилась на два корпуса: первымъ, сѣвренною арміею, начальствовалъ Каншеракъ; а вторымъ, южною арміею, Вальдезъ. Каждая соспавилась изъ отдѣленій, преданнѣйшихъ своему начальнику, и дѣйствовала независимо отъ другой. Между тѣмъ, Каншеракъ, почувствовалъ себя обиженнымъ при награжденіи Вальдеза, и въ крашкихъ, но почтительныхъ выраженіяхъ негодованія, попребовалъ равнаго опличія. Сѣверная армія, расположилась въ Гванкальзѣ (провинціи Тармы) въ располаніи 21 Немецкой мили отъ Лимы; южная же стояла въ Арекипѣ, а Лазерна, Вице-Король, пребывалъ въ столицѣ Кузко. Въ сей позиціи были наши войска, когда Оланеша, наблюдавшій въ Пошози съ 2500 человѣками войска за Буэносъ - Айресомъ, подалъ, подъ предлогомъ ревностной приверженности къ Королю, примѣръ непослушанія, объявивъ, что онъ не признаеть шогдашняго образа правленія. Въ сіе время об-

стоятельства чрезвычайно благопріятствовали Роялистамъ. Королевская армія снова овладѣла крѣпостію Калао; обитатели Лимы возспали на Колумбійцевъ; Боливаръ опшупилъ до Трухилло, и часть его войска была взята въ плѣнъ. — Сѣверной арміи надлежало наступать на Трухилло, чтобы выпѣснить непріятели за Ріо-Саншо, но армія Вальдеза, принужденная наблюдать за ослушникомъ Оланешою, не могла содѣйствовать въ семь движеній. Каншеракъ, едва прибывъ въ Лиму, началъ опшупать къ Гуанкахо, и подалъ Боливару время и способъ подкрѣпиться новыми силами. Симъ опшупленіемъ учинилъ Каншеракъ главную ошибку, ибо онъ могъ однимъ войскомъ своимъ, въ 7000 отборныхъ человекъ, разбить Боливара. Въ сихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, Лазерна попребовалъ отъ Оланешы объясненія его поступковъ, и чтобы лишить его всякаго предлога къ несогласію, опмѣнилъ онъ произвольно шогдашнее правленіе, не получая на шо Высочайшаго повелѣнія. Оланеша, оставляя безъ вниманія всѣ предложенія Вице-Короля. Вальдезъ приблизился къ Пошози, въ намѣреніи свидѣться съ Оланешою; они сошлись въ Тарапавъ, и сговорились въ разныхъ условіяхъ, копорыхъ однако же Оланеша не сдержалъ, и пошому былъ испрѣ-

чень Вальдезомъ въ боевомъ порядкѣ. — Сей послѣдній въ то время находился въ разстояніи 220 Нѣмецкихъ миль отъ Гуакахо. Между тѣмъ Боливаръ началъ подвигаться впередъ, и разбилъ при Юлинь конницу Каншерака; пѣхоца же сего Генерала отступила на 75 миль въ Кузко, потерявъ на пути 2000 человекъ. Лазерна въ несколько дней снова образовала свою армію, принудилъ непріятеля остановиться въ 13 миляхъ отъ Кузко, и предписалъ Вальдезу, оставивъ Оланету, прийти въ столицу. Вальдезъ исполнилъ сіе приказаніе, и подошелъ во-время, одержавъ прежде побѣду въ кровопролитномъ сраженіи съ Оланетою. Повелѣніе выступись какъ можно скорѣе, принудило Вальдеза оставить проходимаго его войскомъ области на произволъ Оланеты; сіи послѣдніе переходы стоили ему много людей. Лазерна, доверявшій болѣе Вальдезу, нежели Каншераку, не могъ, не оскорбляя приличія, подчинить Генераль-Маіору Вальдезу, Генераль-Лейтенанца Каншерака, и рѣшился принять лично команду надъ арміею, ввѣривъ передовые отряды первому, а прочія войска послѣднему изъ сихъ Генераловъ. При выступленіи изъ Кузко, въ арміи, состоявшей изъ 10,500 человекъ и снабженной всѣми потребными запасами, было 12 пушекъ. Колумбійцы отступали въ раз-

ныхъ направленіяхъ; Королевская армія ко- двигалась медленно впередъ едва проходимаго пушемъ, и вскорѣ спала шерить недоставокъ въ съестныхъ припасахъ; солдаты начали бѣгать и изьявлять другіе примѣры негодованія. Начальники сѣверной арміи отличались предъ прочими неповиновеніемъ, не переславая осужданъ распоряженія Вице-Короля. Но тѣмъ не менѣе, армія достигла до Матары, гдѣ Колумбійцы, числомъ 6000 чел., построились, имѣя у себя двѣ пушки. Наша армія поразила ихъ, взяла 500 человекъ въ плѣнъ, одну пушку и весь обозъ Генеральнаго Шшаба. Побѣда была бы совершенная, если бы испанская вскорѣ ночь не воспрепятствовала Каншераку, подославъ въ пособіе двухъ башаціоновъ, коихъ требовала Главнокомандующій. Колумбійцы снова собрались и направились на Шапей (близъ Лимы). Лазерна, желая избѣгнуть рѣшительнаго сраженія, которое, въ тогдашнихъ обстоятельствахъ, казалось ему слишкомъ важнымъ, остановился, по причинѣ дождливаго времени года, въ Гуаманхъ. Послѣ сраженія при Матарѣ, Колумбійцы желали обратиться въ долину Хауху, но, поелику ихъ аріергардъ нашелъ препятствія со стороны возмущившихся жителей, то они избрали швердую позицію въ Аякухо, ожидая нападе-

нія Испанцевъ. Испанская армія долженство-
вала бы, вооружась перпнїемъ, оставивъ
ихъ въ семь положенїи, но, къ несчастію,
военный Совѣтъ, собравшійся 8 Декабря н.
ст. 1824, опредѣлилъ на слѣдующій день
вступитъ въ сраженіе, которое съ самаго
начала было неблагопрїятно для Испанцевъ,
ибо мѣстоположеніе не позволяло имъ спастъ
въ надлежащій спрой; въ одно мгновеніе не-
прїятель овладѣлъ нашею артиллеріею. Ло-
шадь полка Шпаба, упала въ одной пѣснинѣ;
его ранили, и взяли въ плѣнъ. Генералы, свѣ-
давъ о семь случаѣ, отправились въ Колум-
бійскій лагерь, и заключили извѣстную по-
спыдную капитуляцію. Ни одинъ изъ нихъ
не пощился собрать въ рещирадѣ разсыяв-
шихся солдатъ, предпочитая Начальству
Оланепи крайнюю гибель. Однако же Испан-
скія военныя силы въ Перу состоятъ еще
изъ слѣдующихъ отдѣловъ: 800 чел. подъ
начальствомъ Миранды, въ Апуримакъ, 1000
чел. въ Кузко, 400 въ Пуно; 1500 чел. въ
Арекипѣ; 2500 чел. подъ командою Олане-
пы; 1400 чел. подъ предводительствомъ
Агвидеры въ Большой долині; 2 или 3 эска-
дрона на берегахъ; 2000 въ Каллао, всего
10,000 человекъ. Сверхъ сего находился еще
въ Кузко превосходный артиллерійскій паркъ.

Начальствовавшій въ Кузко Генераль по-
ступилъ весьма неблагоразумно, признавъ
капитуляцію; онъ отправилъ войско противъ
Генерала Миранды, который пропивился сда-
чѣ. Генераль Марото, удалившійся безъ при-
чины изъ арміи, былъ Комендантомъ въ Пу-
но; едва свѣдавъ о случившемся, съѣлъ онъ на
корабль: никто не помышлялъ о замѣщенїи
его. Главное начальство въ Кузко ввѣрилъ
Генералу Піо Тристану, который весьма удо-
бно могъ послать на подкрѣпленіе Оланепи
отъ 1500 до 2000 чел. войска, расположен-
наго въ провинціяхъ, 700 карабиновъ и 1500
сабель, привезенныхъ на фрегатѣ, Герцогъ
Бордосскій; но онъ помышлялъ только о спа-
сенїи своихъ капитановъ, и привѣтствовала
Колумбійскихъ депутатовъ, какъ прїятелей.
Генералу Вальдезу ни въ чемъ нельзя сдѣлать
упрека. Оланепи, ревностный Роялистъ, при-
верженецъ Пеңцуэлы, пишетъ уже въ про-
долженіе 9 лѣтъ вражду къ Лазернѣ. Съ по-
собїемъ войскъ Тристановыхъ, онъ могъ бы
еще держаться въ Верхнемъ Перу; нынѣ же,
когда всѣ провинціи до рѣки Дезагвадеро
перешли во власть Колумбійцевъ, положеніе
его сдѣлалось весьма опаснымъ.
(Изъ No 159 *Berlinische Nachrichten* сего 1825 г.)
Б. В.

VI.
СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ
БИБЛИОГРАФІЯ.

Н О В Ы Я К Н И Г И :

1 8 2 5 .

44. *Славянская Грамматика, заимствованная преимущественно изъ Грамматики Г. Добровскаго, Старшимъ Учителемъ Санктпетербургской Гимназій Иваномъ Пеннскимъ. С. П. б. 1825. въ шип. Деп. Народн. Просв., въ 8, XXI и 219 стр.*

(См. No 81 Свв. Пч.)

45. *Земледѣльческая Химія, съ предварительнымъ изложеніемъ къ сей части и ко всей Наукѣ Сельскаго Хозяйства приготовительныхъ свѣдѣній изъ Естественныхъ Наукъ, съ показаніемъ разныхъ способовъ земледобренія и съ начертаніемъ правилъ паханія. Составлена Михаиломъ Павловымъ, Надворнымъ Советникомъ, при И. М. У. Минералогіи и Сельскаго Домоводства Профессоромъ П. О., Медицины Докторомъ, учрежденной при Императорскомъ Московскомъ Обществѣ Сельскаго Хозяйства Школы Директоромъ разныхъ Ученыхъ Обществъ Членомъ. М. 1825, въ шип. С. Селивановскаго, въ 8, въ первой частн 456 стр.*

(См. NNo 83 и 84 Свв. Пч.)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1825. N° XV.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

О Т Р Ы В О К Ъ

изъ РАСКАЗОВЪ одного путешественника.

Соч. Вашингтона Ирвинга.

(Окончаніе.)

Похожденія моего дѣда, или храбрый драгунъ.

Дѣдъ мой былъ храбрый драгунъ; въ вѣпомъ повѣрише вы мнѣ на слово, попому чпо, какъ виднше, эшимъ ремесломъ занимаешя искони все наше племя. Всѣ мои предки были драгуны, и всѣ умерли на полѣ чести — исключая до сихъ поръ меня; однако жъ надѣюсь, чпо мои попомки будупъ въ соспояннн сказашъ по же и обо мнѣ, хоша нимало не хочу шѣмъ хвасашъся. — И шакъ дѣдъ мой, какъ я уже сказаль, былъ храбрый драгунъ, и служиль въ Нидерландахъ. Въ самомъ дѣдѣ былъ онъ въ той арміи, копорая, по словамъ дяди Тобія, шакъ ужасно

умѣла клясться и бранилась. Онъ и самъ не успуналъ никому въ этомъ ремеслѣ, былъ пошъ самый, о, комъ помните, говорить капраль Тримъ (*), что онъ ученіе о жизненномъ жарѣ и жизненной влагѣ, или другими словами, искусство, какимъ образомъ испареніямъ гнилой воды пропивоудѣйствовашъ водкою, доказывалъ на собственной своей особѣ. Но какъ бы ни было, это гдѣ принадлежишь собственно къ моей исторіи, и я упомянулъ о томъ мимоходомъ, желая только показашъ вамъ, что дѣдъ мой былъ парень не промахъ. Онъ зналъ службу, или, какъ самъ обыкновенно говаривалъ, зналъ чорша; а это, право, не мало сказано.

И такъ, милоспивые государи, дѣдъ мой былъ опять на возвратномъ маршѣ въ Англію, и хотѣлъ сѣсть на корабль въ Оспендъ — это проклятое гнѣздо! Представьте себѣ, что я, за штурмомъ и противнымъ въшромъ, долженъ былъ цѣлыхъ шри дня просидѣть тамъ одинъ одинѣхонецъ — ни веселаго шоварица, ни пригоженькой дѣвочки, съ кѣмъ бы можно было укоропишь время. Да бишь, я хотѣлъ вамъ сказашъ, что дѣдъ мой былъ на обратномъ маршѣ въ Англію, или бишь въ Оспендъ — впрочемъ все ра-

(*) Въ Трисшрамѣ Шанди.

вию, шо или другое. И такъ однимъ вечеромъ, какъ уже начинало смеркаться, дѣдъ мой, веселъ какъ и всегда, възжалъ въ Брюгге. — Ну, господа, про Брюгге вамъ нѣчего рассказывашъ: вы вѣрно все его знаете; спаромодный Фламандскій городъ, гдѣ въ прежнія времена, какъ Мингеры играли еще важную ролю, была большая торговля. Теперь онъ также великъ и обширенъ; жалъ только, что пуспъ, какъ въ наше время кошелекъ Ирландца. И такъ тогда, какъ възжалъ въ него дѣдъ, была шамъ ярманка. Весь Брюгге набишь людьми; въ канаалахъ кучи Нидерландскихъ ботовъ, по улицамъ кучи Нидерландскихъ купцевъ, такъ, что нѣгдѣ было ступишь ногою: вездѣ попадались пюки съ шоварами, и мужики въ своихъ широкихъ исподницахъ, и бабы въ поддюжинѣ плашьевъ, одно сверхъ другаго.

Дѣдъ мой весело вхалъ на своемъ рыжакѣ, поигрывалъ хлыспикомъ, посмапривалъ кругомъ себя и на толпы людей по улицамъ, и на старые дома съ ихъ курьозными крышками, и на аисповы гнѣзда на шрубкахъ; кланялся Брюггскимъ дѣвшкамъ, которыя глядѣли въ окошки, подшучивалъ на право и на лѣво надъ женщинами, которыя были на улицъ — и все онъ отъ души смѣялись. Я сказалъ уже, что дѣдъ мой былъ

веселаго нрава, и хопя не зналъ ни слова по шамошнему, но имѣлъ особый даръ дѣлать себя понятнымъ всемъ женщинамъ.

И шакъ, милоспивые государи, въ Брюггъ была ярманка, городъ полонъ, все шракпиры и корчмы набишы бипкомъ, и дѣдъ мой напрасно переѣзжалъ ошъ одного дома къ другому — нигдѣ не было мѣсна. Наконецъ подѣхалъ онъ къ одному старому шинку, кошорый каждую минушу гошовъ былъ обрушишься, и въ кошоромъ бы давно не осталось ни одной крысы, если бы только онъ въ другомъ какомъ домѣ могои найши себя приспанище. Эшо была шочно шакая Вавилонская башня, какія видимъ мы на Фламандскихъ каршинахъ, съ высокою крышею до облаковъ и шполъкими же эшажами, одинъ на другомъ, какъ предшавляемые лжепророкомъ Магомешомъ семь небесъ. Давнымъ давно домъ эшошъ развалился бы, и если что по сю пору спасало его ошъ совершеннаго разрушенія, то эшо безъ сомнѣнія аисстово гнѣздо на печной шрубѣ, кошорое въ Нидерландахъ всегда приносить счастье дому. Въ самомъ дѣдѣ, въ шу минушу, какъ подѣхалъ мой дѣдъ, двое шакихъ долгоногихъ покровишелей, какъ пара привидѣній, прогуливались по кровль. И повѣрите ли, эши молодцы по сю пору еще со-

хранили домъ на ногахъ: если вы когда поѣдете черезъ Брюгге, то найдете его шочно въ шомъ же положеніи; шолько нынче сдѣлана изъ него пивоварня, гдѣ дѣлмошь крѣпкое Фламандское пиво — по крайней мѣрѣ шакъ было въ шо время, когда я проѣзжалъ черезъ Брюгге послѣ сраженія при Ваперлоо.

Дѣдъ мой, подѣзжая къ шинку, шмошрѣлъ на него очень приспально. Можеть бышь онъ и не обратился бы на него шакого вниманія, если бы надъ дверьми не было написано большими буквами:

Neer verkoopt man goeden Drank.

А шолько понималъ дѣдъ мой по Голландски, чтобы догадаться, что эша надпись обещаешъ хорошее пойло. „Вопш кварпира для меня!“ сказалъ онъ, и осшановиль у двери своего рыжака.

Внезапное шумное появленіе драгуна было важнымъ событіемъ для стараго шинка, обыкновенно посѣщаемаго шолько мирными сынами шорговли. Богатый Аншверпенскій мѣщанинъ, дородный, крѣпкій мужичина, въ шланѣ съ широкими полями, кошорый, послѣ аисшовъ, былъ главнымъ покровишелемъ эшого нишейнаго заведенія, сидѣлъ по одну шпорону двери и куриль изъ длинной, новой шрубки; маленькій, жирный винокуръ изъ Шидама сидѣлъ, шакже съ шрубкою во ршу,

по другую сторону; красноносый хозяин сповал по срединѣ двери, чопорная хозяйка въ кружевномъ чепчикѣ съ нимъ рядомъ; а хозяйская дочка, плотная, здоровая дѣвка, съ длинными, золотыми серьгами въ ухахъ, подѣла у окошка.

„Гмъ!“ пробормотала богатый Антверпенскій мѣщанинъ, кинувъ косой взглядъ на пріѣзжаго.

„Duyvel!“ сказалъ въ полголоса маленький, толстенькій винокуръ изъ Шидама.

Хозяинъ, не хуже какого нибудь таможеннаго досмотрщика, съ перваго взгляда замѣтилъ, что новопріѣзжій совсѣмъ не по вкусу старыхъ его гостей, и правду сказать, ему и самому не очень понравился смѣлый взглядъ моего дѣдушки. А пошому онъ покачалъ головою. „Ни одного уголка въ дѣломъ домѣ. Все занято!“

„Все занято!“ повпорила хозяйка.

„Все занято!“ пропицала дочка.

Антверпенскій мѣщанинъ и Шидамскій винокуръ продолжали пускать дымъ изъ своихъ шрубокъ, искоса поглядывали на непріятеля, но не говорили ни слова.

Дѣдъ мой, какъ я сказала, былъ паренъ не промахъ: опъ него не шакъ-по легко было ондѣлаться. Онъ опустилъ уздечку на гриву своего рыжака, гордо поднялъ голову

въверхъ, подперся одною рукою подъ бокъ, и прокричалъ громовымъ голосомъ: „чортъ меня возьми; а я непременно хочу здѣсь переночевать!“ — Говоря это, дѣдушка, чтобы придать словамъ своимъ еще болѣе выразительности, ударила себя крѣпко по бедру, и ашопъ ударъ опозвался въ сердце хозяйки.

За исполненіемъ дѣла не стало: дѣдъ соскочилъ съ рыжака, и мимо изумленныхъ Мингеровъ, вошелъ въ шинокъ.

Можетъ быть, вы бывали когда нибудь въ общей комнатѣ стараго Нидерландскаго шракипра; если нѣтъ, то представьте себѣ довольно порядочный покой съ кирпичнымъ поломъ и большимъ каминомъ, изъ гладкихъ изразцовъ; надъ нимъ далеко выдавшійся выступъ съ цѣлымъ легиономъ разбитыхъ чайниковъ и глиняныхъ кружекъ, усаженныхъ рядкомъ для парада; прибавьте къ тому съ поддюжины большихъ Дельфтскихъ блюдовъ, развѣшанныхъ, вмѣсто картинъ, по стѣнамъ, и въ одномъ углу маленькую загородку, за копорою сидитъ плотная дѣвка въ красномъ калико чепчикѣ, съ желтыми серьгами въ ухахъ.

Дѣдъ мой щелкнулъ пальцами, какъ осматривая кругомъ въ комнатѣ. „Клянусь

честью, какъ нельзя лучше!“ воскликнулъ онъ: „вошь домъ, какого я искалъ!“

Гарнизонъ хопѣлъ, кажется, принимашъ мѣры къ дальнѣйшему сопрошивленію; но дѣдъ мой былъ старый солдатъ, и къ тому же Ирландецъ: мудрено было скоро выжить его, въ особености, когда находился онъ уже внутри крѣпости. Сей часъ принялся онъ за все своими манеромъ: улыбнулся хозяйну, обошелся какъ нельзя ласковѣе съ хозяйкою, пожалъ руку дочкѣ, попрепалъ за подбородокъ дѣвку — и всѣ единогласно признались, что страхъ было бы грѣшно и стыдно заставивъ такого храбраго драгуна ночевать на улицѣ. Послѣ этого дѣдъ вошелъ въ переговоры съ хозяйкой, и дѣло было слажено: ему назначили одну спарую свѣтелку, въ которую ужъ нѣсколько лѣтъ никто не входилъ.

„Иные думаютъ, что шамъ водился домовые“ — шепнула ему хозяйская дочь: — „но такой храбрый драгунъ какъ вы, вѣрно не боится духовъ.“

— „Духовъ? Плевать на нихъ!“ отвѣчала дѣдушка, и ущипнула ее за щеку. — „Если жъ имъ угодно будетъ ко мнѣ пожаловать, милости просимъ: я самъ въ свое время былъ въ Красномъ морѣ, и умѣю масперски съ ними ладить. За меня не бойся, душенька!“

Тутъ шепнула онъ ей что-то на ухо такъ, что она по неволѣ засмѣялась и ударила его легонько по щекѣ. Однимъ словомъ, никто въ свѣтѣ не умѣлъ шакъ ладить съ женщинами, какъ мой дѣдушка.

Прошло немного времени, и онъ, по своему обычаю, былъ уже полнымъ хозяиномъ въ домѣ. Вездѣ распорядился самъ: заглядывалъ въ кухню, какъ гошовится ужинъ, въ конюшню, есть ли кормъ у лошадей; коротче, у него было дѣло со всѣми, и съ каждымъ нашель онъ о чемъ поговорить. Съ Нидерландцемъ онъ курилъ, съ Голландцемъ пилъ, хозяина шрепалъ по плечу, съ дочерью и дѣвкой шушилъ — ну вѣрно, съ шѣхъ поръ, какъ спосишь эпоштъ пракширъ, въ немъ еще не было такого весельчака. Хозяинъ смотрѣлъ на него съ удивленіемъ, дочка отворачивала голову и смѣялась, какъ онъ подходилъ къ ней, а когда, прогуливаясь по комнатамъ, бреччалъ онъ шпорами и спучалъ тяжельмъ своимъ палашемъ, то всѣ женщины въ домѣ заглядывались на него, и шептали между собою: „по-шо молодець!“

За ужиномъ дѣдъ мой командовалъ цѣлымъ споломъ, совершенно какъ дома; забылся о каждомъ, но не забывалъ и себя; говорилъ со всѣми, не смотря на шо, понималъ ли ихъ или нѣтъ; и съ богатымъ Антвер-

ненскимъ ищаниномъ, которъй во всю жизнь никого еще не удоспывалъ своею довѣренностью, сдѣлался закадычнымъ другомъ. Коротче, цѣлый домъ оборотился онъ вверхъ дномъ, и поднялъ въ немъ такой шумъ, что спящія прещали. Все за столомъ были веселы; только сначала маленькій, щодленькій Шидамскій винокуръ сидѣлъ долго, молча, совершенно упомщенный; за то послѣ, какъ началъ, то ужъ не было умолку. Онъ особенно полюбилъ дѣда, подсѣлъ къ нему поближе, и вдвоемъ начали они пить, курить, рассказывать другъ другу разныя исторіи, пѣть Голландскія и Ирландскія пѣсни, не понимая другъ друга ни крошки, до тѣхъ поръ, пока маленькій Голландецъ отъ своей собственной водки такъ опуманился, что его на силу на велику могду уложили въ постель.

Дѣда тоже отвели въ назначенную для него спальню. Ему надобно было взобраться на самый верхъ по широкой, деревянной лестницѣ, пройши длинныя корридоры, гдѣ развѣшены были почернѣвшія картины съ изображеніемъ рыбъ, плодовъ, дичины, огромныхъ кухонь и важныхъ бургомистровъ — какъ и теперь еще видны такія картины надъ старомодными Нидерландскими практирами —

пока наконецъ добрель онъ до своей комнаты.

Это была совершенно старинная свѣтилка, набишная всякаго рода хламомъ. Она служила какъ бы кладовою для всего домашняго скарба, пришедшаго уже въ ветхость или устарѣвашаго; туда снесена была всякая инвалидная мебель, негодная больше къ употребленію, и тамъ предана, кажется, на вѣчное забвеніе, или, лучше сказать, это была сборъ всякой старой мебели, гдѣ всякой соршъ и всякая земля имѣла своего предшавителя. Не было пары стульевъ, схожихъ между собою. Тутъ можно было найти высокія спинки и низенькія спинки, кожанья подушки и шерстяныя подушки, соломой переплетенныя стулья и ничѣмъ не переплетенныя, деревянные столы и разбитыя мраморныя съ преузорочно выпоченными ножками, которыя держали въ лапахъ шары, какъ бы сей часъ готовились играть въ кегли.

Дѣдъ мой, вошедши, отвѣсилъ разнокалиберному и разноцвѣтному собранію учтивый поклонъ, раздѣлся, поставилъ свѣчу свою въ каминъ и попросилъ извиненія, что обезножилъ тѣмъ старые заржавѣлыя щипцы, которыя въ пошемкахъ въ одномъ углу каминна, казалось, увидались около угольной

лопаты, и шептали ей на ухо разный романтический вздоръ.

Всѣ прочіе госпи были уже въ это время въ глубокомъ снѣ; надобно отдать честь, что Мингеры мастера спать. Служанки и работницы, одна за другою, зѣвая, отспраивались въ свои каморки, и ни одна женская головка не прилегла въ эту ночь на подушку, не помысливъ о храбрѣмъ драгунѣ.

Наконецъ и дѣдъ мой легъ въ свою постель, и покрылся однимъ изъ пуховиковъ, подъ которыми парилъ людеи въ Нидерландахъ. Такимъ образомъ лежалъ онъ, какъ сардель между двумя слоями хлѣба и масла. У него и безъ того была горячая кровь, а это паренье еще пуще взволновало ее. Не долго лежалъ онъ такъ, и уже ему казалось, что легионъ мурашекъ ползаетъ у него по кожѣ, и кровь его кипѣла, какъ въ сильной горячкѣ. Но онъ лежалъ спокойно, пока все въ домѣ утихло, и только слышно было изъ разныхъ комнатъ храпѣнье Мингеровъ, которые перекликались другъ съ другомъ на различныхъ ладахъ и такшахъ, какъ лягушки въ болотѣ. И чѣмъ спокойнѣе спановилось въ домѣ, тѣмъ безпокойнѣе спановился мой дѣдушка. Ему дѣлалось часъ ошъ часу жарче и жарче, пока наконецъ пришло совершенно не въ мочь. „Чортъ возьми! Здѣсь никакъ нельзя

оставаться долѣ!“ вскричалъ онъ, вкопчиль съ постели и бросился вонъ изъ дому.

„Это зачѣмъ!“ прервалъ вопрошатель.

— „Ну, разумеется, чтобы нѣсколько освѣжиться, — или можешь быть поискать себѣ ночлега попокойнѣе, или можешь быть — впрочемъ онъ никогда не рассказывалъ мнѣ этого подробнѣе, такъ и мы не спанемъ перьями время въ пустыхъ догадкахъ.“

Пробывъ нѣсколько времени виѣ своей комнаты, дѣдъ возвращался сюда уже совершенно проспывшимъ, какъ подходя къ двери услышалъ внутри странный шумъ. Ему казалось, какъ будто бы кто нибудь, спрадая одышкою, пробовалъ напѣвать пѣсню. Теперь пришло ему въ голову, что въ этой комнатѣ, какъ сказала хозяйская дочь, водятся домовые. Но какъ онъ духамъ не вѣрилъ, то отворилъ легонько дверь и вошелъ безспрашно.

Ну, господа, что онъ шупъ увидѣлъ, такъ признаюсь, хоть бы кого напугало. Представьте себѣ: у каминнаго огня сидѣлъ какой-то блѣдный, щедушный мужичка въ длинной фланелевой фуфайкѣ и изодранномъ бѣломъ колпакѣ съ кисточкою сверху, подъ рукой у него былъ раздувательный мѣхъ, на кошоромъ онъ, какъ на волынкѣ, наигрывалъ шу удушливую музыку, которая сначала такъ поразила моего дѣда. Играя, кривлялся

онъ и коверкала, какъ бы въ судорогахъ; голова его переваливалась то на ту, то на другую сторону; за нею качался колапакъ и пошраживалась кисточка.

Дядь все еще считалъ это весьма неучтивою навязчивостію со стороны маленькаго мужинки, и шолько что хотѣлъ спросить незваннаго гостя, кто далъ ему право располагаться съ своимъ духовымъ инструментомъ въ чужой комнатѣ, какъ вдругъ новый предметъ поразилъ его. На противоположномъ концѣ комнаты, спояла старья кресла, съ високою спинкою, кривыми ножками, обитыя кожей, а по краямъ, точно какъ сапоги у нынѣшнихъ франтовъ, маленькими мѣдными гвоздиками — вдругъ пришли они въ движеніе: сперва пропинули одну ногу, потомъ кривую ручку, и напоследокъ со всею пріятностію и ловкостію подскочили къ маленькому спульчику, обшному испершшм-ся штофомъ, съ дырою вмѣсто подушки, и какъ нельзя прелестнѣе начали съ нимъ танцовать менуэтъ по комнатѣ.

Музыканшъ игралъ крѣче и крѣче, и припомъ качалъ головою и колапакомъ часъ отъ часу больше и больше. Мало по малу охота прыгать сообщилась и всемъ прочимъ мебели. Нѣсколько спульевъ встали въ рядъ парами и пустились ошхвашивать кон-

тиратанцъ; одни креслы о трехъ ногахъ танцовали экосезъ, хоши недоспапокъ четвертой ноги и очень женировали ихъ; а влобленные каминные щипцы подхвашили угольную лопапку подъ мышки, и пошли кружпився въ вальсъ по комнатѣ. Однимъ словомъ все, что шолько было въ свѣтелкѣ, пришло въ движеніе и пируэтировало на право и на лѣво, вкошь и впрямъ, сломя голову; шолько одна плапная въшаака спояла прижавшись въ уголку, и какъ смиренная вдовушка присядая подъ музыку, при каждомъ пактѣ дѣлала кликсенъ, не пускаясь въ танцы съ прочими, отъ того ли, что не такъ-то была легка на подъемъ, или можешь быть и отъ того, что не нашлось для нее кавалера.

Дядь мой, считалъ, что вѣрно недоспаешь ей послѣдняго, сей часъ бросился какъ наспоящій Ирландецъ, всегда гошовый услужить прекрасному полу и всегда гошовый поплясать, закричалъ музыканшу, чшобы онъ заигралъ Ирландскій національный танецъ, подскочилъ къ въшаакѣ, схватилъ ее за обѣ развилки, и шолько что хотѣлъ начать, какъ — брръ, брръ — все пошло къ чорту. Спуля, сполы, щипцы и лопапы стали опять спокойно на прежнихъ мѣстахъ своихъ, какъ ни въ чемъ не бывали, а музыканшъ пропалъ въ каменную трубу,

оспавя въ послѣдности и раздувальнѣй мѣхъ. Дѣдъ очутился посреди комнаты на полу, вѣшалка кашалась передъ нимъ взадъ и впередъ, а ея опломаннныя ручки остались у него въ рукахъ.

„Ну, и все это видѣлъ онъ во снѣ!“ прервалъ вопрошатель.

— „Во снѣ!“ — возразилъ Ирландецъ: — „Ничего въ свѣтѣ не было такъ на яву, какъ это. Ну, желалъ бы я посмотрѣть на молодца, который бы сказалъ моему дѣду, что онъ видѣлъ это во снѣ.“

Впрочемъ, господа, какъ не безызвѣстно, что плашная вѣшалка, мебель довольно увѣсистая, а дѣдъ мой былъ паренъ не изъ самыхъ легкихъ, то вы можете себѣ представить, каковъ долженъ былъ шумъ, когда оба они покашались на полъ. Къ тому же старья хоромы пошли шакимъ ходенемъ, какъ бы земля подъ ними перевернулась. Весь гарнизонъ взбѣдился. Хозяинъ, который спалъ въ низу, бросился на верхъ со свѣчою, что бы посмотрѣть, что шамъ за превога; однако жъ, какъ онъ ни шоронился, дочка его приближала студа еще раньше. За нимъ явилась хозяйка, а слѣдомъ за ней и всѣ прочія женщины въ домъ, накинувъ на себя поскорѣе что только попало въ руки: всѣмъ

хотѣлось знать, что за кушеръму спрощать домовые въ комнатѣ храбраго драгуна.

Дѣдъ мой рассказалъ имъ видѣнное, и опломаннныя ручки плашной вѣшалки подтверждали испину его расказа. Прошивъ шакихъ очевидныхъ доказательствъ нельзя было спорить, въ особенности съ человекомъ, каковъ былъ мой дѣдушка, потому что всякое слово гоповъ онъ былъ доказатъ плашемъ или палкой. Хозяйка почесала себѣ затылокъ — правда, ишь, она этого не сдѣлала; шолько очень нахмурила брови и, кажешся, была вовсе недовольна случившимся; а хозяйская дочка подтвердила возможность шакого прикаюченія, припомня, что въ послѣднѣй разъ жилъ въ этой комнатѣ одинъ фигляръ, который и умеръ въ шанцовальномъ припадкѣ (*), а потому, вѣроятно, заразилъ шѣмъ же и всѣ мебели.

Этимъ объяснилось все дѣло; прочія дѣвки также подтвердили слова хозяйской дочери: и онѣ давно уже замѣчали, что въ этой комнатѣ несмирно, и должны непременно водиться домовые; въ шомъ гоповы были онѣ

(*) Въ древнія времена извѣстна была болѣзнь, которую Нѣмцы называютъ St. Veits-Tanz; одержимые ею получали сильныя конвульсии, и ошъ шогокакъ бы безпрестанно плясали. *Пер.*

клясться своею честію: можно ли же было сомнѣваться?"

„И дѣдушка вашъ опять легъ спать въ этой комнашкѣ?" спросилъ извѣстный гость.

— „Гмъ! этого я не могу уже вамъ сказать. — Гдѣ провель онъ остальную часть ночи, это была шайна, которой онъ никогда не открывалъ."

„Не былъ ли онъ лунашикъ? Не замѣчали ли въ немъ этого и прежде?" спросилъ многоученый старикъ.

— „Никогда не слышалъ." —

Послѣ этой сумасбродной Ирландской исторіи всѣ замолчали. Наконецъ старикъ съ раскроеннымъ лицомъ замѣтилъ, что всѣ, до сихъ поръ рассказанные, случаи имѣли болѣе комическое направленіе: „я же" — продолжалъ онъ — „вспомнилъ пеперь одно приключеніе, которое слышалъ въ бытность свою въ Парижѣ, и котораго справедливость могу засвидѣтельствовать: оно весьма серьезно, и не менѣе удивительно."

„Приключенія Нѣмецкаго студента.

Въ смутныя времена Французской революціи, молодой Нѣмецкій студентъ, въ бурную ночь, возвращался домой по одной изъ древнѣйшихъ частей Парижа. Молнія сверкала и сильные удары грома раздавались въ

узкихъ улицахъ, между высокими домами. — Но напередъ долженъ я рассказать вамъ что нибудь и о самомъ студентѣ.

Готфридъ Вольфгангъ былъ молодой человекъ изъ хорошаго дома. Нѣсколько времени посѣщалъ онъ Геттингенскій Университетъ; но какъ и безъ того былъ меланхолическаго, удобовоспалимаго характера, по скоро поперялся въ отвлеченныхъ, умозрительныхъ наукахъ, которыя не одного уже Нѣмецкаго студента сбили съ настоящаго пути. Онъ такъ предался фантастическимъ изслѣдованіямъ о духовныхъ явленіяхъ, что наконецъ, какъ Сведенборгъ, сотворилъ вокругъ себя свой собсвенный, идеальный міръ. Такимъ образомъ, Богъ знаетъ о чемъ, вообразилось ему, что онъ родился подъ вліяніемъ неблагоприятствующихъ созвздіи, и что одинъ злой геній или духъ силится опутать и погубить его. Мысль эта до такой степени укоренилась въ немъ, что имѣла самыя непріятныя послѣдствія на его меланхолическій темпераментъ. Онъ сдѣлался мраченъ и робокъ. Друзья его замѣтили наконецъ снѣдающую его болѣзнь, и по общему совѣщаніи признали, что лучшимъ средствомъ для его исцѣленія будетъ перемѣна мѣста. Въ семь намѣреніи оправили его въ

блестящій и шумный Парижъ, окончить тамъ свое образование.

Вольфгангъ прибылъ сюда въ самомъ началѣ революціи. Сперва увлекся онъ энтузіастическимъ духомъ народнаго сумасшествія, и сдѣлался ревностнымъ приверженцемъ политическихъ и философическихъ теорій тогдашняго времени. Но скоро послѣдовавшія за тѣмъ кровавыя сцены привели его въ прецептъ: онъ вознегодовалъ на общество и свѣтъ, и опдалился отъ него еще болѣе прежняго. Заключась въ уединенной комнаткѣ въ Лапинскомъ кварталѣ — части города, гдѣ жили студентки — недалеко отъ монастырскихъ стѣнъ Сорбонны, предался онъ снова своимъ любимымъ умозрѣніямъ. Часно проводилъ онъ часы свои и въ большихъ Парижскихъ библіотекахъ, въ эпихъ кашакомбахъ умершихъ Писателей, и искалъ тамъ, въ громадахъ успарѣвшихъ и запыленныхъ швореній, пищи для уполенія изнуриващаго его голода.

Хотя Вольфгангъ жилъ тихо и уединенно; но былъ пламеннаго характера, который только нѣкошорое время дѣйствовалъ единственно на его воображеніе. Будучи слишкомъ робокъ и незнакомъ съ свѣтомъ, не имѣлъ онъ почти никакого обращенія съ женщинами; при всемъ томъ былъ спрассный

почипапелъ женской красоты: въ своей уединенной комнаткѣ, часто предавался онъ мечтаніямъ о лицахъ, которыхъ видѣлъ, и его воображеніе рисовало ему прелестные идеалы, далеко превосходящія существованность.

Между тѣмъ, какъ духъ его находился въ такомъ необыкновенномъ, раздраженномъ состояніи, увидѣлъ онъ сонъ, который имѣлъ чрезвычайное дѣйствіе. Ему привидѣлось женское лице необыкновенной красоты. Впечатлѣніе, какое оно произвело надъ нимъ, было такъ сильно, что онъ безпрестанно мечталъ объ немъ. Днемъ предспавлялось оно его мыслямъ; ночью олицетворялось въ мечтахъ его; короче, онъ спрассно влюбился въ эпошъ призракъ его воображенія. И эпо продолжалось до тѣхъ поръ, пока наконецъ мысль о томъ сдѣлалась одною изъ тѣхъ постоянныхъ идей, которые совершенно наполняютъ собою все внутреннія способности людей, склонныхъ къ меланхоліи, и которые часно походятъ на сумасшествіе.

Таково было тогдашнее расположеніе Готфрида Вольфганга. И, какъ я сказала, возвращался онъ въ одну бурную ночь домой, по темнымъ улицамъ Маре, древнѣйшей части Парижа. Сильные громовые удары съ прескомъ разсыпались около высокихъ домовъ узкихъ улицъ. Такъ добрался онъ до

Гревской площади, гдѣ въ то время совершались публичныя казни. Частныя молніи свисѣли въ зубцахъ старой рамуши, и освѣщали открытое мѣсто передъ нею. Проходя черезъ него, и увидя себя вблизи гильотины, Вольфгангъ запрепетаь. Въ то время это страшное орудіе смерти сполло всегда въ готовности, и съ помоста его безпрестанно лилась кровь людей добродѣтельныхъ и благородныхъ. Еще въ тошъ день нѣсколько жертвъ пацъ подъ роковою его спалью, и теперь, посреди спокойнаго, усыпленнаго готрода, ожидало оно новой для себя пици.

Сердце Вольфганга содрогнулось; онъ хотѣлъ только обернувшись отъ этого ужаснаго орудія убійства, какъ вдругъ у подножія его, увидѣлъ что-то похожее на человѣка: казалось, кто-то стоялъ на колыняхъ на самой нижней ступени, ведущей къ кровавому помосту. Молніа, блеснувъ нѣсколько разъ одинъ за другимъ, еще ярственнѣе ошачила предметы. Это была женщина въ черномъ плащѣ. Она сидѣла на послѣдней ступени, склонивъ голову впередъ и закрывъ лице своею одеждою: ея длинныя, распущенныя волосы висѣли по плечамъ, и сильный дождь кашился по нимъ ручьемъ на земаю. Вольфгангъ остановился. Это живое подобіе пещали имѣло въ себѣ что-то необыкновенное,

Казалось, что женщина принадлежала не къ низшему классу народа. Конечно, онъ зналъ, что въ это время часто мѣнялись судьбы людей, и не одна прелестная, привыкшая покониться на мягкомъ пуху, скишалась тогда безъ приспанища. Можешь быть несчастная, имъ видѣнная, была бѣдная спрадалица, которую ужасная сѣкира оставила сиропою въ мѣрѣ, и которал съ расщерзаннымъ сердцемъ пришла оплакивать свои пощери на шомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ все, что имѣла она драгоцѣннаго въ свѣщѣ, было похищено у нее убійствомъ.

Онъ приблизился къ ней, и произнесъ нѣсколько упѣшительныхъ словъ. Несчастная подняла голову, и бросила на него дикій взглядъ. Но какъ изобразить его изумленіе, когда онъ, при блескѣ молній, узналъ то самое лице, которое безпрестанно являлось ему въ мечтахъ его! Оно было бѣдно и исполнено ошачіяія; но при всемъ шомъ необыкновенно прелестно.

Сильныя чувствованія овладѣли душою Вольфганга. Сначала сполдъ онъ въ нерышимости, шомъ осмѣлился замѣнить ей, что она такъ поздно ночью, въ ужасную бурю, скитаеься одна, и вызвался проводить ее къ роднымъ. — Она значительна указала на идальщину.

„На землѣ у меня нѣтъ родныхъ!“ — отвѣчала она.

— „По крайней мѣрѣ у васъ есть при- спанище?“

„Есть — въ могилѣ!“

Эти слова пошрясли сердце Вольфганга.

— „Если я, иностранецъ!“ — продолжалъ онъ: — „могу сдѣлать вамъ предложеніе, не оскорбляя васъ, но прошу считать мое жилище вѣрнымъ для васъ убѣжищемъ, меня искреннимъ вашимъ другомъ. Я самъ совершенно чуждъ здѣсь, не имѣю ни родныхъ, ни знакомыхъ, и ежели жизнь моя можетъ быть для васъ полезна, располагайте мною: охотно жертвую ею, чтобы избавить васъ отъ скорби или нужды.“

Слова сіи были произнесены молодымъ человѣкомъ съ такою поржешвенностью и искренностью, что не могли не произвести желаемого дѣйствія. Къ тому же его иностранннй выговоръ склонялъ много въ его пользу: онъ удоспѣвлялъ, что Вольфгангъ не былъ изъ числа обыкновенныхъ Парижскихъ жишелей. И кто не знаетъ, что истинный энтузіазмъ владѣетъ краснорѣчіемъ, легко опсправляющимъ всѣ сомнѣнія? — Безпріютная незнакомка безъ опасенія вѣрила себя покровительству Нѣмца.

Онъ повелъ свою спутницу черезъ Понъ-нефъ, мимо площади, на которой спожала прежде спашуя Генриха IV, низвергнутая чернью. Буря нѣсколько утихла, и громъ раздавался только въ опдаленности. Эшопмленный Парижъ наслаждался покоемъ. Эшопм огромный вулканъ человѣческихъ спрашей предался на нѣсколько часовъ усыпленію, чтобы къ началу слѣдующаго дня собрать новыя силы. Молодой человѣкъ провелъ предеспную незнакомку по древнимъ улицамъ такъ называемой Лапниской земли, мимо мрачныхъ спѣнь Сорбонны, къ большому дому, гдѣ было его жилище. Спаярая приврашница, отворившая ему двери, опспобѣвля опъ изумленія, увидѣвъ — чего еще никогда не бывало — что задумчивый нелюдимъ, Вольфгангъ, пришелъ домой съ жещициною.

Войдя въ свою компану, Вольфгангъ въ первый еще разъ покраснѣлъ, увидѣвъ недеспшпокъ и бѣдность своей мебели. У него была одна только горница — спаромодная зала — украшенная тяжелою рѣзбою и спранно убранная опшашками преждебывшей пышноспи: это было въ Люксанбургскомъ кварталѣ, принадлежавшемъ нѣкогда дворянспву. Книги и шепради, обыкновенные ашпарашы спуденша, были разбросаны повсюду; кровашь его сподла въ нишѣ.

Когда принесли свѣчу и Вольфгангъ могъ лучше разсмотрѣть незнакомку, онъ еще болѣе пльнился ея красою. Лице ея было блѣдно, но имѣло очаровательную пріятность, которую еще болѣе повышали густые, черные, какъ смола, полосы, въ безпорядкѣ раскиданные по плечамъ. Въ ея большихъ, огненныхъ глазахъ видно было какое-то особое выраженіе: они имѣли въ себѣ даже нѣчто дикое. Станъ ея — сколько дозволяло видѣть черное ея платье — былъ совершенно правиленъ. Все ея существо поражало душу, хотя она была одѣта какъ нельзя проще. Одно, что только можно было принять на ней за родъ украшенія, была широкая, черная лента вокругъ шеи съ бриллиантовымъ замкомъ. — Теперь только Вольфгангъ началъ думать о томъ, чѣмъ ему дѣлать съ этимъ безпомощнымъ существомъ, такъ безусловно предавшимся его покровительству. Онъ хотѣлъ было оставить ея свою комнату, и искать для себя другаго мѣста; но ея прелесть такъ оковала его, такъ очаровала все его мысли и чувствованія, что онъ не могъ расстаться съ нею. Ея обращеніе было также очень странно, и почти непостижимо. Она не говорила уже болѣе о гильотинѣ. Горесть ея уменьшилась. Внимательность Вольфганга пріобрѣла ему

ея довѣренность, а потомъ и сердце. Очевидно была она такая же мечтательница, какъ и онъ; а подобные характеры скоро понимаютъ другъ друга.

Увлеченный восторгомъ Вольфгангъ признался ей въ своей спрасси. Онъ рассказалъ ей исторію необыкновеннаго сна своего, и открылъ, что гораздо прежде, нежели увидѣлъ ее, она уже владѣла его сердцемъ. Его рассказъ произвелъ надъ нею глубокое впечатлѣніе, и она равнымъ образомъ призналась, что чувствовала къ нему такое же непонятное влеченіе. Тогдашнее время отличалось смѣлыми правилами и отважнымъ введеніемъ ихъ въ исполненіе. Старинные предрассудки и укоренившееся суевѣріе (или если сказать, утвержденныя вѣками мнѣнія, которыя буйнымъ мечтателямъ Французской революціи казались предрассудками и суевѣріемъ) исчезли. Надъ всемъ владычествовала такъ называемая богиня разума. Такимъ образомъ царивъ съ тѣмъ, что ослѣпленный народъ почиталъ вздоромъ прежняго времени, откинуты были самые обряды и обычаи, наблюдавшіеся при бракахъ, какъ излишнія цѣли для людей возвышенныхъ. Гражданскіе договоры вошли въ моду, и Вольфгангъ, какъ ревностный теоретикъ, былъ также зара-

женъ либеральными понятіями погданяго несчастнаго времени.

„Зачѣмъ намъ разлучаться?“ сказали онъ: „сердца наши соединены. Въ глазахъ разума и чести мы уже нераздѣльны. Къ чему еще низкіе обряды, чшобы совокупить возвышенныя души?“

Незнакомка слушала его съ внутреннимъ движеніемъ. Она, какъ видно, была уже написана правилами той же школы своеволія и разврата.

„У тебя нѣтъ ни семейства, ни пристанища“ — продолжалъ онъ: „пусть же буду я для тебя всѣмъ, или лучше, пусть будемъ мы всѣмъ одинъ для другаго. Если нуженъ къ шому еще какой нибудь обрядъ, мы его выполнимъ. Вошь въ помъ рука моя. Опдаюсь тебѣ навѣки.“

— „На вѣки?“ — спросила незнакомка торжественно.

„На вѣки!“ повторилъ Вольгангъ.

Незнакомка схватила пропянушую къ ней руку, прошептала: „если шакъ, я швоя!“ и упала на грудь юноши.

На слѣдующее утро Вольгангъ осматривалъ невѣсту свою еще спящую, и ушелъ со двора очень рано, чшобы, при наступящей переменѣ своего положенія, пріискать для себя удобнѣйшую кварширу. — Возвратясь

домой, нашелъ онъ прекрасную гостью въ постель: голова ея овѣсилась; на ней лежала рука ея. Онъ началъ говорить; нѣтъ отвѣта. Вольгангъ подошелъ ближе, чшобы перемѣнить споль безпокойное для нея положеніе, взялъ ея руку — она была холодна, какъ ледъ, пульсъ не бился, лице покрыто смершною блѣдностію — короче — это былъ бездушный трунь.

Внѣ себя отъ ужаса, Вольгангъ взволновала цѣлый домъ. Всеобщее смятеніе. Послали за полицією. Одинъ изъ ея чиновниковъ вошелъ въ комнату, и опскачилъ назадъ, увидѣвъ мершвое шѣло.

„Боже мой!“ воскликнулъ онъ: „какимъ образомъ зашла сюда эта женщина?“

— „Развѣ вы ее знаете?“ — спросилъ Вольгангъ.

„Знаю ли я ее?“ отвѣчала полицейскій чиновникъ. „Эшу дѣвушку вчера гильопинировали!“

Онъ подошелъ ближе, снялъ черную ленту съ шеи труна — и — голова покашилась по комнашѣ.

Вольгангъ пришелъ въ бѣшенство. „Злой духъ, злой духъ овладѣлъ мною!“ вскричалъ онъ: „я пропалъ, пропалъ на вѣки!“

Старались успокоить его, однако жъ тщетно. Ужасная мысль, чшо злой духъ

оживилъ снова эпоху шрувъ, въ намѣреніи заманить его во власть свою, не оставила Вольфганга никогда. — Бъшенство его увеличилось, и онъ умеръ въ домъ сумасшедшихъ.“ —

Здѣсь старикъ съ околдованной головою койчилъ расказъ свой.

„И все это дѣйствительно случилось!“ спросилъ нашъ знакомецъ.

— „Въ эпоху нѣтъ никакого сомнѣнія!“ — отвѣчалъ первый. — „Я получилъ эту исторію изъ вѣрныхъ рукъ. Самъ студентъ мнѣ ее разсказывалъ. Я видѣлъ его въ домѣ сумасшедшихъ въ Парижѣ.“

С. В-нѣ.

МУФТА СТАРУШКИ.

Историческій анекдотъ ().*

Лудовикъ Карль Французскій, послѣдній Дофинъ (**), съ прелестнымъ личикомъ соединялъ самыя привлекательныя свойства: пріятность обращенія и шикость нрава. Звукъ его голоса проникалъ въ глубину души: очаровательный взоръ его внушалъ чувства вѣжности и почтенія. Коль скоро онъ обращалъ на кого прекрасные свои глаза, въ которыхъ, казалось, оспѣвчивались лазурь и благость небесъ, — того онъ безвозвратно покорялъ себѣ. Невозможно было насытиться

(*) Изъ новыхъ Повѣстей Бульи, написанныхъ имъ по желанію Герцогини Беррійской, и недавно изданныхъ въ Парижѣ, подъ заглавіемъ: *Copies, offerts aux Elfans de France* (Повѣсти, поднесенныя дѣтямъ Е. В. Герцогини Беррійской). Одинъ благонамѣренный книгопродавецъ хочеть издать Русскій переводъ сихъ Повѣстей, съ Французскимъ подлинникомъ и 16 хорошо выгравированными каршиками. Здѣсь предлагаеця сія Повѣсть, для образца занимательнаго содержанія прочихъ. Книга сія уже переводится, и скоро поспушитъ въ печать.

(*) Сынъ Короля Лудовика XVI. *Прим. Русс. Пер.*

ся удивленіемъ и воздержаться отъ любви къ сему Королевскому дивящи, на которое, можно сказать, природа съ удовольствіемъ измила всѣ дары свои.

Королева Марія Аннуанета, его родительница, безпрестанно старалась придать своими наставленіями еще болѣе цѣны симъ дарамъ природы; ибо пріятность, красота и блескъ рожденія — ничто безъ качествъ душевныхъ. Лудовикъ Карлъ съ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ, оплачивался умилною привѣтливостію, а болѣе всего почтеніемъ своимъ къ дамамъ. И молодыя и старыя, и непригожія и красавицы, и простаго званія и знатной породы — всѣ имѣли право на его привѣтствія, и на милую его учтивость.

Ему едва исполнилось четыре года, какъ начали пріучать его къ нѣлеснымъ занятіямъ, дабы чрезъ то развернуть природную его силу. Съ самаго наступленія весны, проводилъ онъ часъ упра на террасѣ Версальскаго загороднаго дворца, прошивъ комнатамъ, въ кошорыхъ жилъ, и безпрестанно накладывалъ и капалъ въ маленькой шельжкѣ граду песку, перевоза ее шакимъ образомъ на двадцать пять шаговъ разстоянія; какъ же скоро онъ оканчивалъ сію укрѣпляющую здоровье работу, то получалъ отъ Королевы, своей родительницы, обещанную награду.

То были: иногда дорогая игрушка, которую онъ сильно желалъ имѣть, иногда пара маленькихъ бѣлыхъ кроликовъ, кошорыхъ онъ чрезвычайно любилъ; иногда же нѣсколько золотыхъ монетъ, кои онъ съ удовольствіемъ раздавалъ старымъ инвалиднымъ солдатамъ, которые часто останавливались смотрѣть на него, облокопясь на съпчашую желѣзную рышетку, какою была окружена терраса.

Ничто не могло быть шакъ любопытно и занимательно для наблюдателя нравовъ, какъ видъ младенца - Наслѣдника Престола, съ лопаткою въ рукѣ, исправлявшаго ремесло простаго поденьщика, узнающаго по себѣ всѣ пруды и упомленіе, которыя терпѣшь сіи бѣдные работники, равно какъ ту благосклонность и уваженіе, коими къ нимъ обязаны люди высокой породы. Всѣмъ казалось, что видишь Генриха IV въ дѣтствѣ, исправляющаго полевые работы на горахъ Беарнскихъ. Въ одинъ день Лудовикъ Карлъ, окончивъ заданную ему работу, опдыхалъ въ маленькой палаткѣ, кошорую раскинули для него посреди террасы, и скромно сидя на своей шельжкѣ, спиравъ плашкомъ пошъ, текшій по его лицу. Нѣкоторая пожилая дама, коей наружность показывала честное, но недоспашочное состояніе, опершись на

перегородку, вмѣстѣ со многими другими, удивлялась Вѣнценосному дѣянью, которое, извѣдывая силы свои, готовилось быть чело-вѣкомъ. Она вынула изъ кармана маленькую серебряную табакерку самаго стариннаго покроя, и нюхая табакъ по старой своей привычкѣ, уронила за перегородку большую муфту изъ алаго бархату, какія назывались тогда *Пети-Жераръ*. Муфта была вѣтка и поношена: молишвенникъ, копорый, часто клала въ нее добрая спарушка, когда ходила молиться въ церковь, мѣсями про-теръ въ ней желтую атласную подкладку. Пошеря конечно была бы не велика; но *ста-рые* люди сильно бывають привязаны къ *старымъ* своимъ вещамъ. Вотъ наша спарушка и начала доставать свою муфту, упавшую на песокъ; но напрасно нагибалась она черезъ перегородку, просягивала длинную, сухую свою руку: она почти на фушъ не доходила до муфты. Юный Дофинъ при-мѣшля ея усилія и замѣшательство; вмгъ онъ покинулъ свои игрушки, засунуъ, ло-пашку и любезную свою телѣжку, вмгъ под-хватилъ запачканную муфту, бережно опря-хнулъ съ нее пыль и подаль спарушкѣ, ска-завъ: „зачѣмъ вы меня не позвали, судариня? „напрасно вы столько шрудились.“ — „Какъ, „Ваше Высочество!“ ошвѣчала она съ удивле-

нiемъ, съ изумленiемъ и низкимъ поклономъ: „можноли, чшобъ вы сами. . . Вы были „сполько милосшивы!...“ — „Вѣдь вы дама!“ сказалъ ей Лудовикъ Карль. Съ сими сло-вами онъ подошелъ какъ можно ближе, и хотѣлъ ей подаль муфшочку съ шакимъ вос-хипишельнымъ проспосердечiемъ, чшо до-брая спарушка не думала уже о своей муф-тѣ: ее занимало шолько сiе ангельское ли-чико, сiя удивительная вѣжливоспъ въ шполь нѣжныхъ лѣпахъ. Наконецъ она взяла спару-рую свою муфшочку, и дала себѣ слово во всю жизнь сохраниши ее. О, какъ бы она бы-ла счасплива, если бъ могла поцѣловать пре-красную ручку, ее подававшую! Полные слезъ глаза ея надолго остановились на Дофинѣ, и слѣдовали еще за нимъ съ выраженiемъ бла-годарности, когда онъ пошелъ въ комнаты. Сей занимательный случай, пересказанный мнѣ одною изъ моихъ родшвенницъ, копо-рая по счаспiю была припомъ лично, казал-ся самымъ проспымъ Лудовику Карлу, и ско-ро вылетѣлъ изъ его памяти, какъ запахъ цвѣшка, разносимый зефиромъ. Но онъ былъ замѣченъ Марiею Аншванешою, кошорая ча-сто съ своего балкона наблюдала, чшобы сынъ ея не ушомился сверхъ силъ своихъ. Она почувшвовала все неизъяснимое удоволь-ствiе мащери - наставницы, видящей свои

доброты ели укореняющимися въ сердцахъ дѣшей ея. Лудовикъ Карль являлъ себя достойнымъ крови, оиъ которой произошелъ: оиъ готовился бытъ добрымъ, привѣтливымъ, вѣжливымъ и благотворительнымъ; готовился бытъ человѣкомъ, сострадательнымъ къ бѣдствіямъ себя подобныхъ. О! какая сладостная надежда для Королевы, для матери! какая лестная награда за ея нѣжныя попеченія! Она не хотѣла первая похвалить своего сына за то, что оиъ сдѣлалъ; а оиъ, видя въ этомъ дѣлѣ просто исполненіе своего долга, самъ позабылъ сказать о томъ Королевы; и сія милая скромность еще болѣе сдѣлала его достойнымъ ожидавшей его награды.

На другой день поутру, Лудовикъ Карль, проснувшись, увидѣлъ на одномъ изъ мебели своей комнаты, муфточку изъ алаго бархату, подбитую желтымъ атласомъ, и совершенно сходную съ муфтою старой дамы. Оиъ поспѣшно вскочилъ съ постели, и засунувъ руку въ муфточку, нашелъ въ ней конфетную коробочку черепаховую, наполненную въ золотѣ и наполненную шоколадными лепешечками, котторыя оиъ очень любилъ; кромѣ того, прекрасную куклу, гаера, кошотрая отворяла ротъ, поводила глазами, и, посредствомъ пружины, дѣлала самыя смѣшныя шлодвиженія, самыя забавныя прыжки. На

слѣдующій день молодому Принцу показалось, что муфта, кошотрую оиъ положилъ на столъ подлѣ своей кровати, какъ будто двигалась. Оиъ просянулъ къ ней руку, и выпалцалъ изъ подлѣ нее маленькаго благаго кролика съ розовыми глазами и съ серебрянымъ ожерельемъ, на кошотромъ было написано: „я принадлежу Дофину.“ Чрезъ нѣсколько дней, оиъ нашелъ въ той же муфточкѣ очень ручную бѣлку, кошотрая, съ быстротою молніи, вскакивала къ нему на руки, на плеча и на голову, и вдругъ потомъ припалась къ нему подлѣ растегнутой камзолычкѣ. Спустя еще короткое время, и все чрезъ посредство той же муфточки, получилъ оиъ маленькаго попугая, кошотрый очень ясно выговаривалъ: „Лудовикъ Карль уважаешь даму. Благослови его, Воже!“ Послѣ, двухъ чижиговъ, изъ кошотрыхъ одинъ поминутно твердилъ: „Цѣлуй, цѣлуй, милый Дофинъ!“ а пуще всего скворца, кошотрый нависпывалъ любимую Французскую пѣсню о Генрихѣ IV.

О, какъ этоиъ счастливый шлоисманъ сдѣлался дорогъ юному Принцу! сколько разъ оиъ самъ себя благодарилъ за то, что подилъ муфту старушки! ибо оиъ не сомнѣвался, чтобы все имъ полученное, не было приношеніемъ благодарности. И въ самомъ

дѣла, нѣсколько мѣсяцевъ сряду, всякое его желаніе было въ скорости исполняемо; и когда, взявъ на руки удивительную муфту, онъ, смѣясь, говорилъ ей: „Милая муфточка! мнѣ бы хотѣлось игрушекъ и конфетовъ, чтобы раздавать дѣтямъ, которыхъ мнѣ встрѣтятся... Милая муфточка! мнѣ бы надобно было нѣсколько серебряныхъ денегъ, чтобы одѣлать бѣдныхъ людей, которыхъ ко мнѣ подходитъ!“ — то на другое жъ утро желанія его были исполнены. Тотчасъ онъ прибѣгалъ въ объятія доспойной своей родительницы, изъясняя ей свою радость, и спрашивалъ: „какой благодарный духъ до-спавлялъ ему такимъ образомъ въ муф-точкѣ все, чего бы онъ ни пожелалъ?“ — „Это очень легко понять;“ цѣлуя его отвѣчала Королева: „Спарая дама повсюду рассказала швой въжливый съ нею поспупокъ; и всѣ женщины, всякаго званія и возраста, спаруются наперерывъ тебѣ доказывать свою благодарность и удовольствіе. Помни, сынъ мой, что учтивость болѣе всего доспавляетъ намъ друзей, и что нѣтъ такого счастья, котораго бы не получалъ себѣ въ награду юный Принцъ, услужливый къ да-мамъ, и поспавляющій себѣ за долгъ ихъ, защищать и всѣмъ имъ оказывать почте-

„ніе... Не забывай никогда муфты спаруш-киной!“

II.

К Р И Т И К А

Разборъ Поэмы Князя Шихматова:
Петръ Великій.

У насъ есть Поэтъ съ дарованіемъ необыкновеннымъ, который (не упоминаю уже о другихъ его, испинно прекрасныхъ трудахъ) подарилъ насъ двумя лирическими Эпопеями, изъ коихъ одна должна назваться *единственною* по сю пору на языкъ Русскомъ; а другая, менѣе совершенна, однако же избилууетъ великими красотоми. Пятнадцатъ уже лѣтъ, какъ лучшая изъ нихъ напечатана, но понынь никто не вздумалъ оудать ей должную справедливость, между тѣмъ, какъ во всѣхъ періодическихъ изданіяхъ гремѣтъ похвалы посредственнымъ и дурнымъ переводчикамъ и подражателямъ иноспиранныхъ произведеній. Не сомнѣваюсь, послѣ всего здѣсь мною ушверждаемаго, вслкій опчизнолюбивый чпшатель съ непервнѣемъ спроситъ меня: „кшо пошь, о комъ говоришь? дай

средство возвысить, оценить свои обвинения — и, если они справедливы, верить, что с охотой опречусь опять предубежденной, которая можешь быть, сама имела против него: как не порадоваться, если узнаю человека с дарованием? — И такъ безъ дальнихъ предисловій, объявляю, что говорю о Князь Сергѣй Александровичъ Шихмановъ, написавшемъ Поэму: Петръ Великій. — Если бы нынѣ и началъ выставляли одинъ красота Ашпора, коего лучшую Поэму хочу разобрать здѣсь; безъ сомнѣнія, могли бы мой разборъ назвать одностороннимъ, но напрасно бы обвиняли меня въ приспращіи: ибо, умалчивая о недостаткахъ, не говорю, чтобы ихъ не было, а предоставляю зоркимъ глазамъ другихъ Критиковъ найти ихъ: но Кн. Шихмановъ Писатель, коего шворенія могутъ выдерживать строгую критику: посему буду говорить, какъ о достоинствахъ, такъ и о недостаткахъ его.

Князь Шихмановъ воспѣваетъ всю жизнь Преобразователя Россіи, съ возшествія на Престолъ до самой кончины Его. Защищеніи правилъ Французской Поэтики осудить самое такое предпріятіе — „ибо,“ скажутъ они — „Гомеръ передалъ намъ одинъ только годъ войны Троянской; Виргилій,

Тассъ, Камюэнсъ, Вольтеръ, даже Мильтонъ и Клопштокъ ограничились почти тѣмъ же временемъ! Эпопея должна имѣть свое единство; каждая должна славить не болѣе одного великаго *мироваго* событія.“ — Но Шекспиръ въ своей драматической Эпопеѣ, превосходящей всѣ произведенія Гомеровыхъ подражателей и едва ли уступающей Илиадѣ, въ швореніи, начинающемся съ Ричарда II и заключающемся смертію Ричарда III, объялъ цѣлыхъ два вѣка; но Фердоуси въ своей Книгѣ царствъ (Ша-Наме) представляешь намъ тысячелѣтія, — и единство, не смотря на то, ими сохранено! Шекспиръ воскрешаетъ предъ нашими движущимися взорами грозную борьбу домов Ленкестра и Йорка, преснуленія враждующихъ и въковую казнь ихъ, кровавое ихъ искупленіе ужаснымъ Глостеромъ, кспребишелемъ и побѣжденныхъ и побѣдителей; наконецъ, съ его паденіемъ, умилоствивленіе Эвмениды, бичевавшей Англію и примиреніе *розъ алой и бллой* (*), сочетавшихся въ особѣ Генриха VII, который не участвовалъ въ злодѣяніяхъ кровныхъ своихъ. Подобнымъ обра-

(*) Йоркскій домъ выбралъ себѣ гербомъ *бллую*, а Ленкестерской *алую* розу. Генрихъ VII происходилъ отъ обоихъ домовъ.

зомъ, но по огромнѣйшему еще предначертанію, Фердоуси поестъ роковую брань Ирана и Турана (*) и конечное сліяніе ихъ въ племени Руссмидовъ. Посему, противоставляя примѣрамъ примѣры, генію и послѣдовавшимъ оному паданіямъ другихъ самосостоятельныхъ геніевъ, видимъ, что правило, ограничивающее временное поприще Эпопеи годомъ, столь же произвольно, сколь произвольно и поверхностно другое извѣстное правило, определяющее прагматическому событію, для развитія и совершенія, не болѣе однихъ супокъ. Изъ сего слѣдуетъ, что и Князь Шихмашовъ, слава преобразование Россіи, для коей нужна, необходима была *вся* жизнь Петра Великаго, въ своей Поэмѣ соблюлъ эпическое единство, но только въ высшемъ, не школьномъ значеніи сего слова. — Мы бы желали оправдать его и въ опущеніи отъ обыкновеннаго (*рассказнаго*) способа изложенія избраннаго имъ происшествія: но въ этомъ встрѣчаемъ болѣе трудностей. — Онъ употребилъ способъ эпико-лирической, кошорый можешь быть двойкій: во 1^{хъ}, присвоенный Испанскимъ Романсомъ, Англійскою Баладою и нѣкоторыми Поэмами Байрона, способъ, принимающій время минувшее за на-

(*) Персіянь и Турокъ.

стоящее, и говорящій о событіяхъ въ отношеніи къ *чувствамъ* Поэты, присутствующаго душою при ихъ постепенномъ появленіи, поражаемаго ими, такъ сказать, въ то самое мгновеніе, когда вѣщаетъ объ нихъ; во 2^{хъ}, встрѣчающійся намъ въ Греческихъ гимнахъ, въ коихъ время минувшее осязается минувшимъ, а событія и съ ними чувства Поэты, излагаются во славу главнаго лица, для возбужденія къ нему въ внимающемъ народѣ благодарности, удивленія, благоговѣнія. Оба сіи способа представляютъ большія невыгоды въ повѣствованіяхъ сложныхъ и продолжительныхъ: въ 1^{мъ} случаѣ Поэтъ самъ, сердцемъ и воображеніемъ, сопсраждаетъ, содѣйствуетъ своему герою и пѣмъ лишается спокойствія, безспирстія, которое требуется для яснаго изложенія подробностей; во 2^{мъ}, онъ сверхъ того, долженъ предположить необыкновенную, *неустоящую* силу души и участія въ своихъ слушателяхъ: но кто обыкновенный читатель выдержитъ гимнъ въ чепыре тысячи стиховъ? — Поэма же Князя Шихмашова не что иное. Онъ свое лирико-эпическое твореніе создалъ по образцу не Иліады Гомеровою, а похвальныхъ Одь Ломоносова.

Между пѣмъ, если примемъ въ разсужденіе, что уже и сія попышка, продолживъ но-

ную дорогу въ области Поэзіи, доказываешь смѣлую, мощную душу; что, можешь быть, во всей Россійской Словесности нѣтъ произведенія, которое бы представляло столько *отдѣльныхъ* красотъ, что все лучшія Оды Ломоносова, большая часть превосходныхъ Одь Державина, все Трагедіи Озерова, лучшія лирическія, элегическія, вѣико-лирическія созданія Жуковского, наконецъ все (по сую пору) Поэмы Пушкина прекрасны, *подобно Поэмѣ Шихматова*, только по частямъ, по подробностямъ, по стихамъ и строфамъ, а почти всегда ошибочны по изобрьшенію и въ цѣломъ не выдержаны: — если, говорю, примемъ въ разсужденіе, что, не смотря на таковыя недосадки, общіе всемъ почти лучшимъ произведеніямъ Русской Поэтической Словесности, упомянутыя творенія у насъ *по справедливости* пользуются доброю славою: нельзя не согласиться, что несправедливо бы было Поэмѣ Князя Шихматова ошказашъ въ равномъ съ ними вниманіи.

И такъ намъ остается единственно доказать, что Петръ Великій, лирическое льщеніе нашего Поэта, дѣйствительно изобируетъ первостепенными красотами, если и не изобрѣненія, по крайней мѣрѣ слога, но не того, что у насъ нѣкоторая извѣ-

стная школа обыкновенно называетъ слогомъ. Сія школа ограничиваетъ область слога одними словами и грамматическими оборотамъ; хорошимъ же слогомъ честишь она всякій составленный изъ небольшого количества извѣстныхъ ея послѣдователямъ словъ и оборотовъ *новѣйшихъ*, не рѣдко даже противныхъ духу того языка, которыми писали Ломоносовъ, Костровъ, Державинъ; честишь его хорошимъ, какъ бы впрочемъ онъ ни былъ вялъ и безсиленъ. Мы напротивъ, въ Поэзіи слогъ назовемъ тогда только хорошимъ, когда онъ будетъ ознаменованъ истиннымъ вдохновеніемъ, и по сему самому мощенъ, живописенъ, разительнъ; а въ краснорѣчіи, когда будетъ истинно увлекателенъ; что же касается до словъ, употребляемыхъ Писателемъ, мы не станемъ различать, новы ли они или древнія, гражданскія ли или церковныя, но въ точности ли выражаютъ мысль Автора и употреблены ли ксташи: въ сихъ послѣднихъ двухъ достоинствахъ, а не въ другомъ чемъ, полагаемъ мы грамматическую чистоту всякаго слога. Не употребляешь въ Одь, въ Поэмѣ, въ высокой лирической или даже описательной Поэзіи Славянскихъ выраженій, считаемъ столь же страннымъ, какъ употребляешь оныя въ Комедіи, въ легкомъ посланіи, въ пѣсенкѣ или

Душа смя полчищамъ желѣзнымъ,
Софія, окомъ зрѣшь безслезнымъ
Вѣды Россіи безъ конца.

Трикрашъ ноць завѣсой черной
Скрывала зрѣница злодѣйствъ;
Но не смиряся буншъ злосердной,
И страхъ вишала среди семействъ.
Пролить собраній кровь рѣкомъ,
Умалить градъ своей алчбой,
Губители, хвалясь собой,
Склонились наконецъ къ покою.
Умолкла злоба во врагахъ,
Доспигнувъ силы безпредѣльной.
Такъ океанъ, по бурь зыльной,
Недвижимъ дремлетъ въ берегахъ.

Женъ падменной, хищной, льстивой,
Ввѣряють власть свою Стрѣльцы;
Сославивъ праздникъ нечестивой,
Рабы Царямъ дають вѣщцы;
И руки, полны крови чистой,
Какъ бы ругаясь Божешвомъ,
Подъемлютъ къ небу съ шоржествомъ:
Согромождаютъ сполнь кремнистой,
Безсмертнѣй подвиговъ ихъ видъ;
Сспрадалецъв избѣнныхъ ими,
Злословящъ клятвами своими,
И рѣжущъ на мѣди свой спыдъ.

Здѣсь, для незанимающихся чтеніемъ
древнихъ книгъ, замѣшимъ, что слово *скопъ*
поже, что скопиче, но короче, сильнѣе и
выразительнѣе; а *зѣльный*, ошъ слова: *зѣло*,
очень, поже что, великій. Распространяясь

же о достоинствахъ сего опрывка не считае-
мъ нужнымъ: онъ довольно краснорѣчиво
говоритъ самъ за себя безпристрастному
чѣшашелю; а пристрастнаго не убѣдитъ ни-
какія доказательства. Замѣшимъ поалко
чешыре спиха, на которыхъ опдыхаетъ
воображеніе, пораженное грозною карпинною
междоусобіа:

Умолкла злоба во врагахъ,
Доспигнувъ силы безпредѣльной;
Такъ океанъ, по бурь зыльной,
Недвижимъ дремлетъ въ берегахъ.

Даже, въ і же пѣсни, походы на Азовъ:

На брань сыны полнощи сильны
Несуся дружно, какъ валы.
Спѣшашъ по манію Петрову,
Какъ быстрые оры легки,
Несуть спасеніе Азову
Ошъ тяжкой варваровъ руки.
Сшрешася, Вврою согрѣшы,
Поправъ луну, возвысиль Крестъ;
Весь мракъ съ весеннихъ оныхъ мѣсшъ,
Разрушашъ шаршара навѣшы,
Разгнашъ Божештвеннымъ лучемъ:
Агарянь гордыхъ, дерзновенныхъ,
Коваршвомъ, злобой вдохновенныхъ,
Карашъ перуномъ и мечемъ. —

Предъ ними Петръ, и вождь и воинъ,
Первѣйшій въ бѣдшвахъ и шрудахъ,
Сердцами обладашъ досшошъ,
Лешшъ — и силой на водахъ,

Еще младенческой, незрѣлой,
 Разишь проливныхъ брѣпкій флотъ,
 Надежду града и оплошь;
 И въ лаврахъ сей победы смѣлой,
 Для Россовъ первой искони,
 Течешь на шмы враговъ сляпанныхъ,
 Презорствомъ (*), звѣрствомъ обуянныхъ,
 На спѣрвы, острія, огни. —

Невѣрны, не спѣривъ удара
 Россійскихъ мстительныхъ десницъ,
 Спрашилица Земнаго шара,
 Подобно спаду робкихъ пищъ
 Тѣсняся, скопище несчетно,
 Укрышя въ швердоси оградъ,
 Но шамъ напрасно ждуть оградъ;
 Ошь Россовъ заспѣняшя щещно!
 Пронзаешъ праведный ихъ гнѣвъ
 Ошь скаль сложенныя громады,
 Какъ пламя, поалаешъ грады . . .

Ошь рекъ — взвилися бранныя грома,
 Рыкающъ въ дебряхъ и въ горахъ,
 Твердыни, капища и дома
 Ошь молній сыплются во прахъ:
 Дымшя пепалъ на мѣстѣ зданій,
 По стогнамъ страхъ и огнь и мгла,
 На градъ погибель налегла,
 Трясешя ошь ошь основаній,
 И распадешся вокругъ;
 Межъ пламенныхъ его обломковъ,

(*) Презорство шоже, что пренебреженіе къ кому, над-
 менность.

Снѣдая въ праопшачъ потомковъ,
 Гнѣздится гладь

Разашъ — и спѣны разгромленны
 Поверглися къ Его ногамъ.
 Противники, склоняя выи,
 Покорствомъ ищуть пищины;
 Рога надменные луны
 Поникли предъ орломъ Россіи:
 Въ ея Азовъ пошекли
 Часы блаженства и покоя;
 Се первый шагъ Петра героя,
 Предвѣстникъ сильнаго земли!

Въ 3 и 4 пѣснѣ, брань со Швецію;
 Позшь олицетворяешъ войну:

Грядешъ нечадіе подземной
 И страхъ шворенія всего!
 Чело скрываетъ въ шучѣ шемной
 И буря шествіе его,
 Одежда — мгы и мраки нощи;
 Дыханье — яда полный дымъ;

И свѣшь спезямъ его, пожары,

И вся земля, спавъ мѣспомъ лобнымъ,
 Взываешъ съ шренешомъ: „война!“

Мы выпустили нѣкоторыя извѣстствя
 изъ сего изображенія; но, не смошря на шо,
 оно конечно не чеша нашимъ моднымъ оли-

цетвореніямъ, нѣрѣдко поражающимъ насъ
волшебною помощію одной прописной бук-
вы !!

Опъ дикихъ спранъ, зимъ подвластныхъ,
Плодоносящихъ камни, льды,
Пріятшвамъ жизни непріятныхъ,
На Россю двицались бѣды.
Вандалы, Гошны кроводаны,

Воскресли въ правнумахъ своихъ;
Такъ съ воплемъ снаи врановъ хищныхъ

Лешашъ опъ скалы своихъ безпщныхъ
На поле смшное бишвы.

Опдавая на жертву крипикъ областное
Смолекское удареніе *битей* вмѣсто *битва*,
замѣшимъ превосходное сравненіе непріят-
лей Россіи съ вранами.

Но

Уже свѣтаешъ день Самсоновъ,
День страшный свѣрнымъ Царямъ,
День скорби, ужасовъ и споновъ!
Лешашъ утро по горамъ
Лучемъ мерцающимъ, багровымъ.
Содрогнулись и швердъ и доль,
Предчувшвемъ грядущихъ золь,
И смершныхъ жребіемъ суровымъ.
На грозы скорыя бишвы,
На двухъ воишелей полночи,
Европа ушверждаешъ очи,
И всѣ вѣнчаннаы главы.

Съ двухъ спранъ, какъ шучи громомешны,
Какъ двѣ желзныя шпщны,
Тѣшняшъ спром нешчешны! —

И Петръ, ушавивъ Россю къ бою,
Да вѣдаришъ швердосш въ ихъ сердца,
Къ спонамъ всещедраго Творца,
Припалъ съ шеплѣйшею мольбою,

Молишва Царя Героя исполнена превос-
ходныхъ спиховъ и высокога вдохновенія;
съ трудомъ опказываемъ себя въ наслажде-
ніи выписашъ ее; но мы приведемъ еще дру-
гую Его молишву, и шверхъ шого истинно
боимся перенисашъ большую часть всей
Пошмы. Пошомъ Петръ:

Всю рашъ, опъ края и до края,
Бодришъ присущшвемъ Своимъ,
И взоромъ храбрыхъ озаряя,
По сердцу ихъ вѣщаешъ имъ:
Друзья, сподвижники Петровы,
Россіи кровные сшны,
Щшшы ея противъ войны,
Перуны на враговъ громовы!
Приспѣлъ судьбы Россіи часъ;
Она, шрепещущая плѣна,
Прибѣгла подъ сіи знамена,
И ждешъ спасенія опъ васъ.

Враги надменные гордыней
Терзашъ Россю пришекли,

Ругаться нашею святыней
Взявъ память нашу отъ земли.

За цѣлость Вѣры и опчизны
Пойдемъ, сразимся — съ нами Богъ!

На семь превосходномъ стихъ, по нашему
мнѣнью, Поэту должно было оспановиться;
въ поэмъ, что слѣдуетъ конечно много пре-
краснаго, напримѣръ:

Ошцы взываютьъ къ вамъ о мести,
И мучениковъ сихъ мольбы,
Сихъ жершвъ поспыдныя измѣны,
Какъ швердыя, высоки стѣны,
Предъ нами спанушъ въ часъ борьбы!

Или:

Не разъ уже сіи *колоссы* (Шведы)
Предъ вами падали во прахъ?
Падушъ и днесъ: вы шъ же Россы!

Или:

Здѣсь ляжемъ мы косьми,
И освящимъ свои могилы!

Но и въ Поэзіи необходима умѣренность,
необходимо умѣние ограничить себя, пожер-
пствовашъ цѣлому подробностями даже прекра-
сными, оспановиться во время. Князь Ших-
машовъ не всегда обладаетъ симъ искусствомъ;

однако же, да не подумаютъ нѣкоторые на-
ши Стихосворители, что ихъ скудость
предпочитаю такому излишеству: излише-
ство — хотя порокъ, но порокъ, если поз-
волено сказать, прекрасный; исправить его
легко — однимъ почеркомъ пера; а чѣмъ ис-
править совершенную, неисцѣльную бѣдность
воображенія, чувствъ и мыслей? —

Петръ умолкъ:

Но сонмы разоборны.

Еще, еще вперяютьъ слухъ!

И —
. . . Опчизны рокъ суровый

Возникъ предъ мысленный ихъ взоръ: —

Явились Вышняго жилища

Добычи вралескихъ огней,

Или споялица коней,

Или сыновъ своихъ кладбища,

Гдѣ жершвъ маиншвенныхъ жрецы

Лежашъ кровавы, сами жершвы;

Поля, дубравы, холмы мершвы,

На нивахъ терны и волчцы. —

Клубящійся волнами пламень,

Снѣдающъ Россювъ жизнь и шрудъ,

Младенцы ринушы о камень

И дѣвы преданы на спудъ;

И Гошы, гордые уснѣхомъ,

Смошра на слезный, страшный видъ,

Своихъ ругашельствъ и обидъ,

Казалось, разливались смѣхомъ.

Сей видъ, безшрепешныхъ пошрясь,

И жаромъ храбрости спокрашной
Возгегъ ихъ грудь на подвигъ рашной.

Третія пѣснь пригнувила насъ къ зрѣлищу, если не величайшаго, по крайней мѣрѣ блистательнѣйшаго подвига ПЕТРА, къ зрѣлищу Полшавской битвы; Поэтъ гововишся къ выпреннему полету; — онъ восклицаетъ :

Гдѣ, гдѣ возьму я гласы грома,
Воспѣшь Полшавскаго ПЕТРА ?

Наше нетерпѣніе доведено до высочайшей степени — и великолѣпная, превосходная четвертая пѣснь вполне удовлетворяетъ напряженному ожиданію нашему: она лучшая во всей Поэмѣ, лучшее, что Князь Шихматовъ когда-либо создалъ; и, если бы все его твореніе было равною съ нею достоинства, онъ, скажемъ смѣло, оставилъ бы позади себя Ломоносова, занялъ бы между нами мѣсто не нисшее завоеваннаго въ другомъ родѣ Державинымъ, величайшимъ понынѣ Русскимъ Поэтомъ; но и теперь она даетъ ему право на степень очень близкую, къ занимаемой имъ! Пусть прочтешь всякій истинный Русскій, любящій опечесство и славу опечесства, хотя сію четвертую пѣснь съ начала до конца, и разсудитъ насъ съ шѣми, на которыхъ душою негодуемъ за

ихъ ослабленіе, за упорство, съ коимъ опказываютъ одному изъ могущественнѣйшихъ нашихъ Поэтовъ въ удивленіи, въ справедливости, — кто бы повѣрилъ? — въ самомъ чтеніи!! Не выпишу изъ ней ни одного опрывка: я бы долженъ былъ переписать ее съ перваго до послѣдняго стиха; не говорю также, чшобы въ ней не было пашень: но можно ли вспомнить о пашняхъ сихъ; можно ли, читая сію четвертую пѣснь, не увлечься неослабнымъ; съ спрофы на спрофу возрастающимъ воспоргомъ Поэта? — Признаюсь и охотно признаюсь, — я не въ силахъ выскивать грубый звукъ, — обвешшадое слово, нещочное выраженіе, слабый стихъ пашь, гдѣ вижу и слышу Поэта и Поэта истиннаго; и пусть, если угодно, смѣются надо мною насмѣшники: эша невозможность служить мнѣ порукою, чшо и во мнѣ кака-то искра огня повшическаго:

Μένει τὸ θεῖον δούλιον παρὸν φρενὶ!

Кн. Шихматовъ умѣлъ придать каждой своей битвѣ нѣчто новое: и пашь его воображеніе не только сильно, оно не лишено и богатства, качества довольно рѣдкаго даже между Поэтами съ дарованіемъ! Впрочемъ онъ достоинъ похвалы не въ однихъ изображеніяхъ ужасовъ войны: въ описаніяхъ приходы онъ свѣпелъ, смѣненъ, новъ и шоченъ.

Привесть примѣры онымъ предоставляемъ себя въ слѣдующей книжкѣ Сына Отечества.

В. Кюхельбекеръ.

(*Продолженіе будетъ.*)

III.

ОБЩАЯ ЛИТЕРАТУРА.

О Д У Х ъ П О Э З И И XIX в ѣ к л .

(Изъ *Revue Encyclopédique.*)

Между шѣмъ, какъ успѣхи Наукъ и открытія въ промышленности вперяють въ чловѣка столь высокую мысль о его могуществѣ, и открываютъ ему безграничное поприще, кажется, совершенно другая судьба ожидаетъ свободныя Искусства: какъ будто, достигая до известной степени совершенства, они обречены на неизбѣжный упадокъ. Неужели и мы переступили сію роковую границу? Вошь вопросъ, теперь намъ предлагацій. Спрашивается: могутъ ли появиться еще гени въ Искусствахъ, общаешь ли нашъ вѣкъ высокіе таланты въ Поэзіи, въ Живописи, въ Музыкѣ и ш. д.?

Не даромъ сказано, что Поэзія устранилется глубокаго просвѣщенія. Эпа безыскренность въ нравахъ, эпа условныя формы, спущывающія наши общества, эпа пѣсныя приличія, подавляющія всякое живое ощущение, каждый порывъ души, губящія волю, и безъ того затерянную въ безчувственной толпѣ — все эпо кажется несроднымъ съ Поэзіею. Чшобы почувствовать красоты Искусства, еще болѣе, чшобы ихъ произвести, надобно вдохновеніе, надобенъ энтузіазмъ: а кто больше врагъ энтузіазму, какъ не положительный вкусъ, какъ не холодная расчетливость нашего вѣка!

Спало бышь, должно опчаясь въ Поэзіи и въ Искусствахъ? Спало бышь, должно оставишь ихъ безвозвратно, чшобы не снѣдашь себя тщетными усиліями надъ землею, опныиъ бесплодную? Или неиспоцимо поле, открытое уму чловѣческому, и въ Искусствахъ, какъ въ Наукахъ, въ области прекраснаго, равно какъ въ области истиннаго? И не почиве ли выразимся мы, сказавъ, чшобы чувствиво прекраснаго не гибнетъ въ природѣ чловѣка, чшобы ни одна эпоха не лишена сего наслѣдства, и чшобы наконецъ надобно только измѣнить наружный характеръ и облекъ его въ новыя виды? Сии вопросы довольно занимательны для нашего тепереш-

ниго и будущего времени; они оправдываютъ изслѣдованія, которыми предполагаю я заняться въ сей цѣли.

Дѣло состоить не въ томъ, чтобы рѣшить, появлялся ли еще Поэты — ихъ всегда будетъ довольно, но въ томъ, будетъ ли существовать духъ Поэзіи (особый поэтический геній), каковы его свойства, его отличія?

Никому не дано безчувствія при видѣ красоты вселенной. Въ насъ живетъ какое-то внушительное побужденіе, спавищее насъ въ соотношеніе съ зрѣлищами творенія. Природа говоритъ человеку особымъ нарѣчіемъ — и онъ познаетъ въ ономъ тайное сродство со своими сердечными ощущеніями. Вездѣ лазурь небесъ была эмблемою чистаго сердца, и валы бурнаго моря изображеніемъ души мятежной. Не заключаеши ли въ этой сокрытой связи нашего существа съ феноменами вселенной, какая-то природная Поэзія, которая доказываетъ и возснаноляетъ гармонію міра вещественнаго съ міромъ нравственнымъ? Сія-то способность отражаетъ, подобно вѣрному зеркалу, впечатлѣнія чувственнаго міра, и видѣны въ нихъ символы спрасней душевныхъ; находишь, для выраженія мыслей и чувствъ нашихъ, обороты самыя живые, картины самыя прозрачныя —

есть *воображеніе*; оно цвѣтитъ и одушевляетъ все, до чего ни коснется, оно даетъ сущность понятіямъ самымъ опвлеченнымъ, чувствованіямъ самымъ понкимъ.

Но Поэзія не вся въ картинахъ. Больше всего она живетъ спраснями и сильными движеніями; она должна говорить сердцу; иначе блистающая одежда ея оспанется холодною и бездушною. Гомеръ не только показываетъ глазамъ нашимъ златую цѣпь, связующую землю съ небомъ, и вѣсы, въ коихъ Юпиперъ взвѣшиваетъ судьбу народовъ — нѣтъ, онъ шрогаетъ насъ и прощаніемъ Гектора съ Андромахою, и мольбами спарца Пріама. Испытывавъ спрасня, или по крайней мѣрѣ, предчувствовавъ ихъ, естъ необходимое условіе для Поэта. Каждый спрасный человекъ имѣетъ свои геніальныя мгновенія; почитъ каждому изъ насъ мелькнула эша молнія. Опдайшесь порыву, увлекающему въ вашу душу, и вы будете краснорѣчивы, вы будете испинно краснорѣчивы.

Но часто случается, что способность описанія приходитъ гораздо послѣ впечатлѣнія. Если человекъ въ печеніе жизни, попеременно то дѣятельной, то созѣрцательной, отслуживъ игрушкою спрасней, все еще хранишь въ себѣ силу вызывать воспомина-

нія, и снова оживлять их — тогда грустные впечатлѣнія перяютъ свою горечь, и тогда-то сіи ощущенія обращаются въ Поэзію — какъ небесныя пары ниспадають росюю.

Но, даръ облекашь словомъ то, что ощущаемъ въ самихъ себѣ, очень рѣдокъ: немногому числу избранныхъ смертныхъ ниспослано находить выраженія, потрясающія душу. Впрочемъ, Поэзія есть во всѣхъ людяхъ, способныхъ къ ощущеніямъ глубокимъ: недостаешь выраженія лишь непривычнымъ находишь его. Поэтъ только развязываетъ глубинное въ сердцѣ наше чувство; онъ сходитъ въ него искашь собственныхъ нашихъ мыслей, дабы возвратить намъ ихъ живѣйшими и блистательнѣйшими. Онъ даетъ шло тому, что было въ насъ неясно, неопредѣленною мечтою.

Угадывать спраспи, даже не ощущая спраспей, есть достояніе генія; зародыши ихъ въ немъ самомъ. Высокое сочувствіе, опскрывающее одинокой душѣ тайны другихъ сердецъ, и эта плавность, переливающая наше бытіе въ бытіе другаго — суть первыя условія паанша. Творческій духъ выпашаетъ въ симпатической силѣ, которая угадываетъ чувства, ощущительныя обыкновеннымъ людямъ только по опыту.

И такъ Поэтъ сотворенъ изъ дара чувствовашъ и искусства живописашъ: его владѣніе — сердце челоуѣка и вся природа. И такъ, изьясняешся мнѣніе шѣхъ, кои различали два рода Поэзіи: одинъ созерцающій вѣшнюю природу, другой какъ опзывъ живыхъ ощущеній, пребующихъ разлншся внѣ. Мы видимъ въ наше время двѣ школы, которыя въ свой чередъ занимали объ сіи долины поэтического свѣта.

Но неужели въ этомъ и вся Поэзія? Неужели пропустимъ мы одну изъ самыхъ важнѣйшихъ ея частей? — Мы имѣемъ чудную способность заносишь за грань сущности, способность иногда религіозную, иногда суетврную, ибо она пріемлетъ попеременно шотъ и другой видъ, эту потребность вѣришь въ невидимый міръ, въ существа сверхестественныя — чѣмъ мы объясняемъ худо знакомыя намъ явленія, эту любовь къ чудесному, которая съ такою силою являешся въ молодости народовъ, какъ въ дѣтствѣ людей, и которую просвѣщеніе возрастновъ обрарованности не всегда испребишь можеть.

Одаренная власію шворенія, она породила въ лзычествѣ боговъ древней Мнѣологіи, олицетворила силы природы, одушевила звѣзды, и опдала источники и шѣнныстыя льса охранѣ добрыхъ геніевъ; она въ среднихъ

вѣкахъ, при владычествѣ суевѣрія, населила домовыми и феями башни и спарые замки, приютишь Феодализма, жилища Бароновъ, разсѣвавшихъ страхъ кругомъ себя; она же пустила по свѣту все зашѣйливныя выдумки, причуды и гаданья, споль крѣпко утвержденныхъ суевѣріемъ въ повѣрьяхъ народныхъ.

И такъ, если истинная связь сихъ прехъ способностей объясняетъ намъ удивительныя явленія повѣщическаго паланта, то какія свойства занимаетъ каждая изъ нихъ у разныхъ эпохъ времени, и въ особенностяхъ у вѣка изнеможенія, оплачующаго дряхляющую Словесность нашу? Какіе роды соопвѣтствующую вкусу публики, и въ какихъ палантахъ можешь еще надѣяться успѣховъ?

Съ перваго взгляда видно, что суевѣрная способность, соопвѣтственная пошребности чудеснаго, должна терять прежде и болѣе другихъ, должна первая успраниться отъ успѣховъ просвѣщенія. Чѣмъ менѣе человекъ просвѣщенъ, тѣмъ болѣе у ней власти; но по мѣрѣ, какъ познанія наши спановятся точнѣе, сила сей неясной, сокровенной способности слабѣетъ. Все, что изслѣдовано, теряешь свою прелесть, неразлучную съ самою его темнотою. Легкія фантастическія существа, населявшія вселенную

исчезаютъ при свѣтилникѣхъ Наукъ, какъ ночные призраки отъ лучей денницы.

Да и какого вѣроисія, какого суевѣрія ожидать отъ вѣка, который все разобралъ, въ кошоромъ Химія разложила вещества на ихъ спончайшія начала, гдѣ ученые, спѣдаемые жаждою познаній, взрываютъ ибдра земли, чтобы извлечь опшоловъ нужныя имъ изясненія ея сокровенностей? Можешь ли ватте воображеніе увидѣть Налду въ испочпникѣ, вертящемъ колесо мельницы, и кошораго объемъ измѣрять въ сполько-то кубическихъ фушовъ? Какъ населишь Дриадами и Спльванами роци съ мѣрными просѣками, и деревья, назначенныя для отопки нашихъ залъ, или для досокъ сполларамъ?

Само воображеніе поражено истиною: Краски его блѣднѣютъ, исчезаютъ; сравненія, прискучившія отъ частаго употребленія, теряютъ свою свѣжесть, какъ деньги отъ оборота свой чеканъ. Сношенія человека съ природою спановятся менѣе искренни, и съ каждымъ днемъ рѣдѣютъ. Удаленные отъ зрѣлицъ вселенной, тѣснясь въ горизонтъ городовъ, мы не вѣдаемъ, что спакое величественность видовъ звѣзднаго неба, моря, дѣбрей и сель.

Человекъ замѣняетъ сей вѣншній, спеперь чуждый для него миръ, пособіями Искусствъ,

имъ сопворенныхъ. Открытія Наукъ, изобрѣшенія Художествъ, выдумки промышленности поражаютъ совершенно новую семью, сравненій и иносказаній. Даже природныя сравненія возобновляются спранию хипропсию. Весьма просто занимать сравненія наиболѣе изъ того, что къ намъ болѣе знакомо. А такъ какъ въ нашъ вѣкъ мы лучше всего знаемъ самихъ себя, то ешь, свои чувства, свои спрасты, свои мысли, то мы уже отъ себя обращаемся къ природѣ; отъ сего-то, нмнѣшніе Поэты, чтобы *описать* старыя приновреленія, обращаютъ ихъ частіи и сравниваютъ явленія физическаго міра съ ощущеніями душевными. Одна умная женщина, видя воды озера, обыкновенно свѣтлага и шихаго, возмущенными бурей, говорила, что оно похоже на человека, издѣивающагося въ лицѣ отъ гнѣва. Англійскій Поэтъ примѣняетъ облака, повременно набѣгающія на луну и снова ее открывающія, къ мечшамъ, смущающимъ сонъ преспушника угрызѣнлими совѣсти и спрахомъ.

Въ недавнемъ еще времени, люди, какъ видно ничего ненашедше въ самихъ себѣ, вздумали открыть въ природѣ новый кладъ Поэзіи. Они схватились за предметы наружныя, описали преточно ихъ примѣты и видъ — и, вошь у насъ явился *родъ опи-*

сательный. Что сказать объ этомъ подобіи Поэзіи, объ этомъ безжизненномъ призракѣ, гдѣ природа, столь подробно описанная, лишена лучшей своей прелести, которая идетъ отъ души? объ этомъ поддѣльнымъ родѣ, исполненномъ сухости, гдѣ сочлишель на обдуманыхъ оспропахъ пляшется въ Поэты, разработываетъ швореніе, вооружается только даромъ литературнымъ, и разсмаприваетъ цвѣшокъ, деревцо, птичку, изъ одного удовольствія описать ихъ? Подобные Писатели могли бытъ въ ходу только въ эпоху нравственнаго безплодія и униженія. Можеть бытъ, имъ и досель удивляются по старой памяти; но это вѣрно, что ихъ вовсе уже не читають.

За недоспашкомъ самовластія *воображенія и чудеснаго*, все таки въ сердцѣ человѣческомъ остается неистощимый вкладъ спрастей и чувствъ, причастныхъ его природѣ, неисчерпаемый источникъ красотъ, вѣчный предметъ пѣсней поэтическихъ. Луканъ Поэтъ не всегда вымысломъ, но и возвышенностію чувствованій и великостію мыслей. Область нашихъ понятій и нашей нравственной природы дѣлается тогда убѣжищемъ Поэзіи. Она вся шуда переносится, открываетъ тамъ невѣдомыя сокровища, и

богатую жилу, которую вѣки будутъ разра-
бонывашь, и никогда не истощать.

Ошъ сего-то происходятъ неопредѣлен-
ность и задумчивость, оплачающія новую
школу.

Древніе, у коихъ жизнь совершенно пу-
бличная и веселая вѣра (*) увлекали чело-
вѣка вѣд его, имѣли Поэзію, приуровленную
къ юности народовъ, которая не содержала
въ себѣ ничего глубокомысленнаго. Когда
Пиндъръ воспѣвалъ побѣдителей на играхъ
Олимпійскихъ въ глазахъ всей Греціи, онъ
долженъ былъ прежде всего удовлетворить
чувства и воображенія, между тѣмъ какъ
усыпленный разумъ требовалъ только, что-
бы его несильно похлопали.

У нынѣшнихъ народовъ, отсутствіе пу-
бличной жизни, религія болѣе духовная и
душевная, бытіе, заключенное въ быту до-
машнемъ, все это благоприятствуетъ въ че-
ловѣкѣ развитію позлазательныхъ силъ, и
спремится обратить его въ самого себя.
Разумъ выигрываетъ все, что потеряли
другія способности. Но искусство не имѣетъ
уже ничего сердечнаго: оно обязано вѣдмъ
размышленію.

(*) Языческая вѣра, поддерживавшаяся чув-
ственностію и спраспями.

Эпо. стремленіе, свойственное устарѣв-
шимъ народамъ, у насъ приобрѣло еще бо-
лѣе силы особыми обстоятельствами. Въ
наши дни, сильные перевороты опрокинули
общество (*), открыли честолюбію всѣ до-
роги, сдѣлали воззваніе ко вѣдмъ умамъ пыл-
кимъ; попомъ вдругъ послѣ такого ужасна-
го броженія, измѣнившаго столько существо-
ваній, и вперившаго вѣдмъ потребностъ дѣ-
ящельности, люди видятъ себя двинутыми
всплшъ и огражденными недвижимымъ поста-
новленіемъ новаго общественнаго порядка. Въ
эпомъ случаѣ обращеніе къ самому себѣ спа-
ло неизбѣжно. Въ эпомъ случаѣ хотѣшъ опи-
чена ошъ жизни во всѣхъ ея обѣщахъ, во
всѣхъ ея обманахъ. Кпо же не замѣшишь, ка-
какое дѣйствіе должны произвѣстъ всѣ сіи
перемѣны надъ Словесностію.

Что болѣе отличаетъ *мечтатель-
ную Поэзію*, принадлежащую эпохѣ нашей,
что придаетъ ей совершенно особыя черты
— шакъ эпо. ея *личность*, ш. е. выраженіе
личныхъ положеній и оцущеній Автора: ес-
ли порой она и касается до другихъ пред-
метовъ, то это съ еоприкосновенной шоль-
ко къ нему стороны. Его твореніе ешъ ис-

(*) Эпо. пишеть Французъ, который долженъ
живо чувствовашъ потрясенія, произведенныя
въ его отечествѣ несчастною революціею.

спорія его сердца, его сомнѣній, его спр-
хвань, его надеждъ. Слѣдственно теперь *Эм-
гя* и *Философическія Посланія* могутъ
быть обрабатываемы съ успѣхомъ,

(*Оложаніе впрѣдъ.*)

IV.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Критика, ЛІТЕРАТУРНЫЯ И ДРУГІЯ НОВОСТИ.

*Перевѣдъ изъ Писемъ къ Издателямъ изъ Москвы, отъ
Г. А. О. (*)*

„Москва, *Юля* 6. Въ нынѣшнемъ году
издается въ нашей столицѣ *десять* періоди-
ческихъ изданій, а именно: 1. *Московскія Вѣ-*

(*) Просимъ извиненія у почтеннаго нашего
Корреспондента, что его письма не были по-
вынѣ помѣщены по мѣрѣ полученія оныхъ, и
что нынѣ печатающіяся съ исключеніемъ всего,
что ему угодно было сказать лестнаго на счетъ
нашихъ трудовъ. Какъ ему негодно подписы-
вать поднаго своего имени, то похвалы могли
бы показаться подозрительными, и во всякомъ

должости, начавшіяся въ 1756 году; выходятъ
два раза въ недѣлю, по Средамъ и Субботамъ,
въ четвершку. Главный Редакторъ оныхъ
Князь Шаликовъ. Газеты сіи наполняются
статьями, перепечатанными изъ *С. Петер-
бургскихъ Сенатскихъ и Академическихъ
Вѣдомостей, Русскаго Пивалида и Сѣвер-
ной Пчелы*, и сверхъ того разнаго рода объ-
явленіями. Сія Газета издается уже 70 годъ,
и уступаетъ въ старшинствѣ однимъ *С. Пе-
тербургскимъ Вѣдомостямъ*, изъ всѣхъ из-
даваемыхъ въ Россіи Журналовъ. — 2. *Исто-
рической, Статистической и Географической
Журналъ, или Современная Исторія Сѣвта*,
выходитъ еженедѣльно по одной книжкѣ съ
1790 года. Нынѣшній Издатель сего Журна-
ла, Г. Профессоръ Московскаго Университе-
та Гавриловъ, наполняетъ книжки перевода-
ми изъ Гамбургскаго Политическаго Журна-
ла, и статьями изъ *Сына Отечества, Сѣ-*

случай онъ однако жъ неумѣстны въ собствен-
ныхъ нашихъ изданіяхъ. Бываютъ случаи, что
по неволѣ надобно говорить о своихъ трудахъ,
когда васъ безъ основанія обвиняють. Но эти
случаи, по счастью, рѣдки; къ тому же наша
публика умѣетъ цѣнить каждаго по достоин-
ству: слѣдовательно дѣла, а не слова должны
служить оправданіемъ. *Изд.*

верного Архива, Русскаго Инвалида, Слѣ-
верши Пчелы, С. Петербургскихъ и Мос-
ковскихъ Вѣдомостей, неизвѣстно по ка-
кому праву (*). Журналъ сей, по причинѣ 36-
лѣшняго существованія, заслуживаетъ вни-
маніе. 3. Вѣстникъ Европы, начатый въ
1802 году почтеннымъ Исторіографомъ на-
шимъ Н. М. Карамзинымъ, нынѣ издается М.
Т. Каченовскимъ (**). 4. Правительствующа-
го Сената Московскихъ Департаментовъ
Объявленія. 5. Собраніе состоявшихся,
Высочайшихъ Узаконеній и проч. Сія два
изданія, печатаемыя въ Сенатской типогра-
фѣи, выходятъ по Средамъ и Субботамъ въ
четвершку. 6. Новый Магазинъ Естествен-
ной Исторіи, Физики и Химіи и сельдѣ-

(*) И намъ кажется, что Г. Издатель не имѣ-
етъ на то никакого права. Напримѣръ, онъ почи-
ли дѣлкою перепечаталъ изданную мною кни-
жку: *Воспоминанія объ Испаніи*, не удостоивъ ея
критическаго разбора. Должно замѣтить, что
изъ С. Петербургскихъ Журналовъ, кромѣ Рус-
скаго Инвалида, ни одинъ не вмѣстаетъ въ себя
перепечатокъ изъ другихъ Русскихъ Журналовъ.
Ф. В.

(**) Продускаемъ замѣчанія почтеннаго на-
шего Корреспондента, который опсаетъ преи-
мущество преждему изданію, и недоволенъ ны-
нѣшнимъ. Изд.

ной Экономическихъ, издается съ 1820 года:
ежемесячно по одной книжкѣ Г. Профессо-
ромъ Двигубскимъ. Сіе оплченное, полезное
изданіе продолжается съ одинаковымъ тща-
ніемъ со стороны Издателя уже шестой
годъ. 7. Русскій Вѣстникъ, начатый въ 1808
году, конченный въ 1820, и возобновленный
въ 1824 году С. Н. Глинкою. 8. Земледѣль-
ческій Журналъ выходитъ съ 1821 года,
книжками въ каждую треть года. Онъ из-
дается Московскимъ Обществомъ Сельска-
го Хозяйства, и имѣетъ много подписчиковъ:
1821 годъ онаго напечатанъ вторымъ пи-
сменіемъ. 9. Дамскій Журналъ возымѣлъ
начало свое въ Мартѣ 1823 года. Хотя Из-
датель онаго (Князь П. И. Шаликовъ) и объ-
являлъ въ объявленіи, послѣдовать примѣру
иностранныхъ Издателей модныхъ Журналовъ,
но безпрестанно печатаемая отвергаемая дру-
гими Журналистами критика, сдѣлала свой
Журналъ неслыханнымъ феноменомъ въ Сло-
весности. Потому-то и желаніе Издателя,
пріохотить милыхъ нашихъ соотечествен-
ницъ къ Рускому сдову, не имѣло успѣха, ко-
торого и нельзя было ожидать отъ незави-
сительныхъ, даже неприличныхъ сшате й
Благіе совѣты да предохраняй его отъ
всего этого на будущее время! 10. Москов-
скій Телеграфъ, родился шолько въ нача-

дѣ нынѣшняго года, и успѣвъ уже поссорившись съ старинными своими собратіями! Отчасти это можно приписать рѣшительнымъ приговорамъ Издашеля, Н. А. Полеваго, заслуживающаго впрочемъ благодарности за предпріятіе полезнаго изданія, которое часъ отъ часу можетъ улучшаться. Известно, что страницы означаются для удобнѣйшаго прискиванія спашей: такъ почему въ иной книжкѣ Телеграфа бываетъ по три разныхъ значенія страницъ? Не лучше ли было бы не отдѣлять отъ книжекъ ни кришикъ, ни антикришикъ, ни прибавленій. Модныя каршинки также нейдуть къ ученому Журналу (*).

Съ 27 Іюня по 6 число Іюля, вышли у насъ между прочими новосіями: 1) *Волшебъ*

(*) Въ этомъ мы несогласны съ почтеннымъ Корреспондентомъ. *Во-первыхъ* мы не находимъ *учености* въ Московскомъ Телеграфѣ; *во вторыхъ*, Издашель, прилагая каршинки, слѣдуетъ плану своего Журнала или программъ, которая зависитъ отъ воли каждаго. Впрочемъ публика должна быть благодарна Г. Полевому за модныя каршинки, ибо Дамскій Журналь сообщаетъ моды гораздо позже, и каршинки его несравненно хуже. Не лучше ли было бы преимущественно завязать эпою частью, и сбросить полемику, которая неприлична Дамскому Журналу? *Изд.*

дѣя сказки, или пріятное званіе отъ плечаго дѣлатъ, соч. Перольста, изъ которыхъ почерпнуты содержанія многихъ Оперъ и Бадешевъ, представляемыхъ на Императорскихъ Театрахъ. Перевель съ Французскаго Актера Императорскаго Московскаго Театра Г. Барановъ. Съ карпинками. 2) *Четвертое изданіе* (*) книги: *Астрологъ древній и новыи*, или *Оракулъ гадательный*, 3 части. 3) *Земледельческая Химія*, составленная М. Павловымъ (**). 4) *Карманный лекарственникъ*, пер. съ Франц. Г. Медвѣдевымъ. 5) *О леченіи болъзней*. Сочиненіе И. Г. Шнейдера, перевель съ Нѣмецкаго И. Зацьпинъ и 6) *Отеческая строгость* или *Исторія Г. Вальмонта*, соч. Августа Лафоншена, 4 части.

Прошлаго года, Г. де Кошелѣтъ получилъ отъ Правительсва на то льшь привилегію, на изобрѣтенную имъ *ворсостригальную машину*. Недавно передалъ онъ сію привилегію Мануфактуръ - Совѣтнику Г. Гейшену, Директору учрежденной здѣсь *Училищной суконной фабрики*, на которой можно видѣть дѣйствіе сей полезной машины и, если угодно, заказать подобную же.

(*) Поздравляемъ! *Изд.*

(**) Разборъ прекрасной эпои книги помѣщенъ былъ въ NN 83 и 84 Свѣршой Пчелы. *Изд.*

Недавно получена здѣсь изъ Парижа новая книга: *Année Française ou Memorial des Sciences, des Arts et des Lettres etc., pour 1824.* Французскіе Издатели не ограничились своимъ отечествомъ, но коснулись и нашей Россіи, которой удѣлили двѣ страницы (447 и 448). Незавѣстно, откуда почерпають они свѣдѣнія о нашемъ отечествѣ, о которомъ говорятъ какъ бы по слуху. Такъ между прочимъ замѣяли они напечатать въ своей книгѣ (между прочими нелѣпностями о Россіи) что въ Москвѣ находится *десять* Литературныхъ Обществъ и *десять* типографій (?) что въ С. Петербургѣ находится *пять* типографій и *семь* Литературныхъ Обществъ. Не говоря уже о прочихъ невѣроятностяхъ, всѣмъ извѣстно, что въ Петербургѣ болѣе типографій, нежели въ Москвѣ. Ношомъ Издатели, для показанія *успѣховъ Наукъ и Словесности въ Россіи*, объявляютъ, что въ городахъ: *Ревель, Дерптъ и Шарковъ* (Харьковъ) находятся типографіи, и что во всей Имперіи существуетъ *дѣвятъ* словолитень. Наши же иностранцы чему удивлялись, и неужели шакія вещи для нихъ рѣдкость и новосѣе? Слѣдующее изъясненіе еще забавнѣе: „До 1817 года, напечатано было въ Россіи *только четыре тысячи книгъ*; въ 1820 году находилось въ Би-

бліотекъ С. Петербургской Академіи Наукъ *около трехъ тысячъ* Русскихъ книгъ, въ числѣ коихъ было *полтораста Романовъ.* Нынѣ число ученыхъ и литературныхъ произведеній простирается слишкомъ до *осьми тысячъ.*“ — Сими спрочами оканчивается статья объ успѣхахъ Наукъ и Словесности въ Россіи. Желательно было бы спросить, изъ какихъ источниковъ Издатели почерпнули свои неосновательныя извѣстія. Можно быль, мы получили бы ошвѣтъ, если бы Французскій Петербургскій Журналь удостоилъ помѣстить замѣчанія наши въ свои листы.

Письмо 14 Юля. Незавѣстно мнѣ, по какой причинѣ вы доселѣ не напечатали статей моихъ, посланныхъ для *Свѣ. Лч.* и *Свѣ. Арх.* (*), но надѣясь, что они найдутъ мѣсто въ вашихъ изданіяхъ, посылаю къ вамъ замѣчанія на статью, помѣщенную Княземъ Шалико-

(*) Въ одномъ изъ писемъ почтенный Корреспондентъ объявляетъ намъ, что онъ въ скоромъ времени прѣдетъ въ С. П. бургъ тогда мы лично объяснимъ ему причины, почему статья его: *О трудахъ Гг. Воейкова и Шаликова* не могла быть помѣщена въ нашихъ изданіяхъ. Благодаримъ его душевно за усердіе въ защитѣ праваго дѣла, но не можемъ воспользоваться его оспроунными замѣчаніями. *Изд.*

вышъ въ 15 номеръ Дамскаго Журнала на стр. 108—109 подъ заглавемъ: *Ainsi va le monde*. Въ первомъ пунктѣ Крипикъ вашъ выражается *непопятно*: во *второмъ* досадуешь, что Издатель *Отечес. Записокъ* опдасть справедливость *Съверной Пчелы*, а въ *третьемъ* и послѣднемъ пунктѣ вводитъ на васъ *небылицы*. Что сказать на все это? Напечатать вмѣсто отвѣта статьи мои, въ которыхъ Князь Шаликовъ увидитъ себя уличеннымъ въ перепечатаніи (въ прежніе годы) статьи изъ *Сына Отечества*, а въ нынѣшнемъ году изъ *Съверной Пчелы*, двухъ Журналовъ, которые сдѣлались предметомъ его негодованія. Каково вамъ это покажется, почтенные Издатели *Съверной Пчелы*? Князь Шаликовъ порицая ваши пруды, въ то самое время пользуется вашими прудами, и восклицаетъ: *Ainsi va le monde!*—

О перепечаткахъ изъ Съверной Пчелы (*) *въ Московскихъ Вѣдомостяхъ*, (состоящихъ подъ главною редакціею Князя Шаликова), *безъ показанія источниковъ*.

Изъ 45 номеровъ *Московскихъ Вѣдомостей*, вышъ ни одного, въ которомъ не бы-

(*) Просимъ извиненія у почтеннаго Корреспондента, что мы выписываемъ изъ его писемъ одни только доказательства. *Изд.*

ло бы перепечатано нѣсколькихъ статей изъ *Съверной Пчелы*: укажемъ на главнѣйшія:

Въ No. 22 и 23, между прочими статьями, перепечатана цѣлкомъ статья: о произведеніи двла Папавуана, изъ 29 и 30 No. *Съверной Пчелы*.

Въ 25, стр. 898 *Московскихъ Вѣд.* перепечатано изъ No 32 *Съверной Пчелы*, безъ всякой перемѣны, извѣстіе объ открытіи въ Кіевѣ П. А. Мухановымъ ненапечатанныхъ нынѣ сочиненій Ломоносова. Сіе извѣстіе напечатано въ *Съверной Пчелѣ* подъ заглавемъ: *С. Петербургъ*, а пошому Издатели и говоряшъ, что П. А. Мухановъ пишетъ изъ Кіева къ одному изъ здѣшнихъ (п. е. С. Петербургскихъ) Липераторовъ, объ опысканіи и проч. Редакторъ *Московскихъ Вѣдомостей* не перемѣнилъ слова *здѣшнихъ* и пошавилъ извѣстіе изъ *Кіева*, слѣдовательно выходяшъ, что Г. Мухановъ писалъ изъ *Кі ва*, къ одному изъ Кіевскихъ же Липераторовъ. Доказательно, съ какимъ вниманіемъ Князь Шаликовъ занимается редакціею *Московскихъ Вѣдомостей!*

No. 28 *Москов. Вѣдом.* стр. 989. На этой страницѣ перепечатана *Некрологическая статья* объ А. О. Дерябинѣ, взятая изъ No 38 *Съверной Пчелы*, а ниже, на стр. 991—992, подъ заглавемъ: *Некрологія* — пе-

репечатана также некрологическая статья, О. В. Булгарина о *Михаилъ Сергѣевичъ Кайсаровъ*, изъ 36 Но *Сѣверной Пчелы*. Объ источникахъ первой Князю Шаликову не вздумалось открытъ, за что онъ уведомилъ публику, откуда взялъ вторую статью, и присоединилъ къ этому похвалу *Сѣверной Пчелы* (*). Но и шутъ Князь Шаликовъ не умѣлъ выразиться правильно. Въ 12 строкахъ, помѣщенныхъ для похвалы *Сѣверной Пчелы*, сдѣлано пять ошибокъ, могущихъ служить новымъ доказательствомъ сказанному прежде, что Переводчикъ *Славянскй Картины*, Издашеть *Московскихъ Вѣдомостей* и *Дамскаго Журнала* дѣйствительно не умѣеть правильно изъясняться по Русски. Вопль ошибки:

1. „*Сѣверная Пчела*, собирающая лучшіе цвѣшпы.“

Не въ попадь, почтенный Редакторъ! Всякому извѣстно, что *Пчела* можетъ собирать медъ, въ цвѣсахъ находящейся, а не

(*) Благодаримъ Князя Шаликова за похвалу *Сѣвер. Пчелы*; и удивляемся за что, онъ сердился на П. И. Свинына, когда онъ ее хвалилъ. Мы бы просили Князя Шаликова не хвалишь *Сѣверной Пчелы* и не брать изъ нее ничего, или брать, но по крайней мѣрѣ не бранить. *Изд.*

собирашь цвѣшпы, какъ пчѣлая паслушка. *Пчела* можетъ только избирать цвѣшпы.

2. „Сообщила съ особеннымъ чувствомъ (*) Некрологию о достойнѣйшемъ членѣ обществу жителей С. Пешербурга.“ Такъ ли пишутъ по Русски? Русское ли это словосочиненіе? Если бѣ вы, Г. Редакторъ, повнимательнѣе были къ оному вмѣсто вашихъ споровъ и крипикъ, то написали бы: Издатели *С. Пч.* сообщили жителямъ С. Пешербурга о достойнѣйшемъ членѣ обществу. Далѣе...

3. „Мы съ своей стороны тѣмъ болѣе находимъ себя (**), обязанными помѣстить оную въ лиспахъ, издаваемыхъ отъ того мѣста, въ стѣнахъ котораго воспитывался покойный Михаилъ Сергѣевичъ Кайсаровъ, увѣрены будучи шѣмъ сдѣлать удовольствіе многимъ, чтущимъ здѣсь въ столицѣ память сего рѣдкаго по многимъ отношеніямъ чедовѣка.“

Можно ли сказать: въ лиспахъ, издаваемыхъ отъ мѣста? Лиспы (п. е. Вѣдомости или Журналы) издаются обществомъ; чедовѣкомъ, а не вмѣстомъ!

(*) Зачѣмъ здѣсь олицетвореніе *Пчелы*? чувствовали поперю — Издатели, а не *Пчела*. *Изд.*

(**) Вмѣсто *находимся*. Какой милый галлицизмъ! *Изд.*

4. Мѣсто по собственному значенію не имѣешь *стѣнъ*, слѣдовательно нельзя сказать въ *стѣнахъ мѣста*. Бѣдный Русскій языкъ, что онъ долженъ шерить!

5. Къ довершенію невниманія къ ошечивенному языку, Г. Редакторъ въ одномъ періодѣ собралъ самыя милыя галлицизмы: „мы съ своей стороны, тѣмъ болѣе находимъ себѣ обязанными — увѣрены будучи.“ Каково! — Какъ жаль, что послѣдняя Жершва Музамъ сосполялась шолько на словахъ, а не на дѣлѣ. Теперь прикажете ли, Г. О. О. (см. Дамскій Журналъ 1825 No. 9 стр. 114) писать съ шаками галлицизмами? Вы однако жъ это совѣщовали предъ глазами цѣлой Россіи!

Но я не хочу распространяться въ упреки всѣмъ перепечатаюкъ: удивилесь. Напримѣръ съ 17, 20 и 24 Іюня перепечатано Княземъ Шаликовымъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* изъ 68, 69, 70 и 71 No *Сѣверной Пчелы* (безъ показанія источника) *восемьдесятъ шесть извѣстій*. Думаете ли вы, Господа Издатели *Сѣверной Пчелы*, спудясь надъ переводами иноспранныхъ извѣстій, надъ выборомъ оныхъ, надъ сочиненіями, корректурами и проч., что вашъ соперникъ, кошорый не щадитъ васъ въ *Дамскомъ Журналѣ*, что Князь Шаликовъ, съ неперпѣніемъ жи-

даетъ почты и развернувъ *Сѣверную Пчелу*, ошмѣшитъ карандашемъ, что ему угодно, и безъ большаго спруда великъ шиснуть въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, а самъ занимаешся между шѣмъ полемическими прошиву васъ спашьями (*)?

P. S. Въ 46 и 47 нумерахъ *Московскихъ Вѣдомостей*, перепечатано изъ 65, 66 и 67 No *Сѣверной Пчелы* пятьдесятъ извѣстій, а изъ 68 No *Сѣверной Пчелы*, даже большая спашья: *Русскіе воины у памятника Тюрена*. Но кто успѣешь пересчиташъ? въ каждомъ номерѣ появляешся новое замѣшвованіе чужой собственности (**).

A. O.

(*) Это кажешся не ловко! Права собственности должны бытъ уважаемы всѣми, а особенно Императорами. И каково подписчикамъ, получающимъ и *Сѣверную Пчелу*, и *Московскія Вѣдомости*? Мы слыхали, что одинъ Журналистъ въ Германіи негодовалъ на другаго за то, что онъ печашалъ одиѣ и шѣ же каршинки изъ Французскихъ Журналовъ. Труды же болѣе значать не жели гошовыя каршинки. *Изд.*

(**) А мы просимъ очень серіозно переспашъ: въ прошивномъ случаѣ должны будемъ прибѣгнушь къ покровительству законовъ. Такъ не издаюшь Газетъ и Журналовъ: спрудилесь, переводите, сочиняйте, а онъ насъ не берите! *Изд.*

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА.

О положеніи Европейскихъ Кабинетовъ, и
о внутреннемъ состояніи Франціи.

(Перечень статей, помѣщенной въ Мониторъ.)

Французская революція, подвергнувшая снова изслѣдованію первыя основы гражданскаго общества, разразилась и должна была разразиться войною кровопролитнѣйшею изъ всѣхъ, потрясавшихъ Свѣтъ съ самаго начала существованія Государствъ новѣйшихъ. Наконецъ Европа снова обрѣла спокойствіе. Но для сего были необходимы неслыханныя усилія Государей и спеченіе счастливыхъ обстоятельствъ. Однако же правила возжешія Французскую революцію — еще не попухли. Подъ самымъ даже скипетромъ Бонапарша и вопреки его сопрошивленію, всемірная почти борьба почерпала силы не сподько въ жаждѣ къ завоеваніямъ одного человека, сколько въ сихъ правилахъ. Испытана сего признана всею Европою, которая по сему уже и не намѣрена подвергаться опасностямъ войны, коей конецъ рѣшили бы, можешь быть, не одиъ побѣды и пораженія на полѣ бранномъ. Европа помнитъ, чего

споятъ ополченія народовъ, знаешь, что ей нуженъ продолжительный миръ, чтобы успокоить демократическое броженіе, которое, подобно сыпучему песку пустыни, подымается до высшихъ предѣловъ, и достигаетъ даже до самаго святилища власти. Личный образъ мыслей Государей подкрѣпляешь системою, противодѣйствующую разрушительнымъ началамъ. Они выдѣли ужасы войны не въ книгахъ, а на самомъ дѣлѣ. Къ счастью, они славою поднялись изъ бездны злополучія: въ сердца ихъ нѣтъ желанія мести. Нынѣ, когда всякому Правителью довольно уже имъ совершеннаго для спяжанія благодарности своихъ подданныхъ и уваженія потомковъ, не найдешь изъ нихъ ни одного, который бы захотѣлъ ниаго чего, который бы, для пагубнаго наслажденія лишашъ другихъ спокойствія, отказался отъ своего собственнаго: это чувство нынѣ равно преисполняешь мужей Государственныхъ. Почти все они являлись дѣйствующими въ минувшихъ буряхъ. Они съ трудомъ избѣжали гибели; торжествомъ же обязаны были крайнимъ опасностямъ своего отечества. — Отвѣтственности за подобныя событія ихъ и нынѣ еще объемлешь содроганіемъ. — Опытность имъ говоришь, что при новомъ раздраженіи спихій враждебныхъ въ Европѣ, воскресло бы все

прошлое со всеми его бедствиями. И такъ, при всемъ различіи положенія Державъ и при всехъ опшннкахъ, знаменующихъ слова и мысли ихъ, ни одно Правительство не чуждо общему направленію умовъ, покоряющему Европейскую политику сохраненію мира. Попробуютъ ли доказательствъ? они представляются на каждомъ шагу. Опшорженіе Сѣверной Америки отъ Англій возягло за пятьдесятъ лѣтъ передъ симъ сильную брань во всехъ частяхъ Сѣва. Нынѣ возстановленіе Южной Америки вызвало на бой только тѣхъ, кто не могъ не принять участія въ семь разрывѣ, т. е. первобытное опшечество и поселенцевъ, отъ него отдѣлившихся. Каждая Держава, въ разсужденіи сихъ поселеній, приняла положеніе, предписываемое ей своими особенными выгодами, и ни въ единой не возникло къ другимъ подозрѣній. — Нѣкоторые рѣшили, что польза ихъ торговли уже нынѣ пребудетъ утвержденія сношеній съ областями Америки, и вступили въ оныя. — Другія, кажется, еще не отчаяваясь въ примиреніи поселеній съ Испанскимъ полуостровомъ, и осторожность ихъ столь же мало возмущаетъ спокойствіе, сколь мало нарушило его рвеніе первыхъ. Франція, связанная сверхъ того приличіемъ, соблюденіе коего достойно всякаго уваженія, принадле-

житъ къ послѣднимъ; но впрочемъ приняла все мѣры, нужныя для обезопасенія своей торговли; и по сию пору благоразумное сіе поведеніе было безуспѣшно. И такъ великая задача о независимости Америки разрѣшилась сама собою; а между тѣмъ, каждая Держава мирно соблюдаетъ пользу свою.

На восходѣ Европы происшествія, быстро слѣдовавшія одно за другимъ, казалось, должны были затруднить взаимныя отношенія Государствъ. — Трудно было повѣрить, чтобы ни одно не приняло участія въ смущеніяхъ Греціи. — Но и шумъ, ничто не могло перевѣсить необходимости мира, и Правительство занялось ими единственно для того, чтобы условиться о средствахъ къ ихъ ушугенію. При прежней политической системѣ, занятіе Франціею холма одной Испанской крѣпости подняло бы всю Европу; нынѣ мы слышимъ, съ какою довѣренностію краснорѣчивый предсавитель Англійскаго Министерства выражается о пребываніи въ Испаніи цѣлой Французской арміи, и съ подобною довѣренностію, въ свою очередь мы въ Италіи взираемъ на Австрію. Французская революція не перемѣнила лица земли, какъ желали того нѣкоторые пылкіе умы; — но война, слѣдовавшая за нею, совершенно переродила политику Правителей:

война сія, по грознымъ свойствамъ своимъ, не походитъ ни на какую другую, за то и миръ, прекратившій ее, надежныѣ всѣхъ, которыми когда либо наслаждалася Европа.

Новыя явленія должны бытъ свидѣствіями споль новаго положенія. Подъ вліяніемъ долговременнаго мира, каждое частное лице, одушевляемое по надеждою на приобрьпеніе, по увѣренностію сберечь приобрьпенное, ревностно посвящивъ себя трудамъ своего званія: общество же, опивсюду извнѣ обезпеченное, всѣми средствами спаненіи содѣйствовать распространенію внутренняго блага. Таковъ теперъ удѣлъ Европы. Нынѣ всѣ Державы занимающіяся уплашкою своихъ долговъ и уменьшеніемъ съ нихъ роспу, споспѣшествуваніемъ промышленности и открьтіемъ новыхъ путей для торговли, наконецъ всѣ онѣ старающіяся утвердиться на спепеняхъ, назначенныхъ имъ новою политическою системою. Сія перемѣна нигдѣ такъ не оцущипельна, какъ во Франціи. Едвадесять лѣтъ она пользуется спокойствіемъ; но при сравненіи 1815 года съ 1820, нельзя не воскликнуть: „какое различіе!“ Не только ея потери вознаграждены; но они никогда еще не раждали болѣе произведеній мануфактурныхъ и земледѣльческихъ. Бытъ можеть, хлѣбопашество способно еще къ

болѣшему улучшенію; но по сию пору никогда еще не прилагали большихъ попеченій въ различныхъ его оспрасляхъ. Самыя жалобы помѣщиковъ доказывающъ усовершенствованіе сельскаго хозяйства: изобиліе произведеній зашрудняеть сбытъ ихъ. Промышленность каждый день приобрьшаетъ успѣхи, о коихъ наканунѣ никто бы не дерзнулъ поммысливъ. Вездѣ старыя фабрики расширяются, и рядомъ съ ними возникаютъ новыя: являющіяся многія весьма обширныя, имѣющія единственною цѣлю доставленіе орудій другимъ мастертвамъ. У насъ нынѣ недосташка въ капиталлахъ, ибо одно изобиліе оныхъ можеть поддержать подобное спремленіе. Не смотря на то, составилось общество, которое, имѣеть цѣлю отпращать недосташокъ въ деньгахъ, могущій преняспивовать совершенно новыхъ полезныхъ предпріятій, или же уронить существующія уже заведенія; оно беретъ, какъ скоро найдеть для себя не бесполезнымъ, помочь промышленности пятидесятью, даже сотнею милліоновъ, и сіе общество состоить изъ предпримчивыхъ умовъ, желающихъ получить возможную выгоду съ своихъ капиталловъ, а изъ людей уже извѣстныхъ, изъ богачей, довольствующихся умѣренными процентами, радующихъ преимущественно объ

успѣхъ должниковъ своихъ. Другіе помышляють о томъ, какъ превратить Парижъ въ морскую пристань. Сія мысль, нѣсколько разъ возобновлявшаяся въ царствованіе Людовика XIV и Людовика XV, была оставлена со многими другими въ числѣ пѣхъ желаній, коихъ исполненія ожидаютъ отъ неопредѣленнаго будущаго времени. Нынѣ Правительству сподобилось только выбрать любое изъ помянутыхъ обществъ, которыя въ гошовой опивчашъ капиталами въ успѣхъ сего огромнаго предпріянія. Соснавились еще другія компаніи для соединенія Сены и Рейна: если же всѣ сіи предположенія совершатся вмѣстѣ, столица Франціи, черезъ нѣсколько лѣтъ, будетъ шоржищемъ всего Свѣта.

Всѣ сіи предпріянія, изъ коихъ мы здѣсь привели только главнѣйшія, доказываютъ, какъ уже упомянуто, спеченіе капиталовъ. Оное должно было имѣть вліяніе на управленіе Государственное. Въ самомъ дѣлѣ, въ первой половинѣ текущаго года доходъ съ налоговъ 20 милліонами превзошелъ предположенный въ бюджетѣ; нашлись принужденными ограничить выпускъ Королевскихъ облигацій, и особы, ввѣрившія свои деньги казнѣ, немнѣющей уже въ нихъ нужды, должны были подумать, какъ употребить ихъ иначе.

Сообщенія, открывающіяся ежедневно съ Южною Америкою, придадутъ симъ оборотамъ новую силу: занявъ у насъ нѣкоторыя суммы, Америка возвратитъ намъ ихъ сполною. Извѣстно, что Испанцы знали, такъ сказать, только поверхность рудниковъ драгоценныхъ металловъ, коими природа одарила сіи страны. Пустьъ расчислятъ, что извлечетъ изъ нихъ смѣлый умъ другихъ народовъ, вооруженный средствами, орудіями, дѣятельностію! Европѣ снова предстоитъ большое превращеніе въ цѣнѣ денегъ, шрудовъ и вещей; намъ суждено быть свидѣтелями переворота, подобнаго тому, который былъ произведенъ во всѣхъ денежныхъ сдѣлкахъ открытіемъ Новаго Свѣта. Если касательно Франціи, присовокупить еще увеличеніе ея богатства, сдѣлать ея возрастающей промышленности, то легко усмотрѣть, во сколько кратъ новая судьба ея превосходитъ прежнюю. И что было бы при возобновленіи хоша и въ новыхъ отношеніяхъ связи ея съ богатѣйшимъ изъ Аншльскихъ оспрововъ, (Сень-Домингомъ)? Сіимъ средствомъ былъ пріобрѣтенъ новый капиталъ, и присоединился бы къ находящимся уже во Франціи; шорговля усшремилась бы вновь нушемъ, на коемъ она нѣкогда пріобрѣтала несмѣнныя выгоды! — Что ожидаешь насъ;

успѣхъ должниковъ своихъ. Другіе помышляють о томъ, какъ превратишь Парижъ въ морскую пристань. Сія мысль, нѣсколько разъ возобновлявшаяся въ царствованіе Лудовика XIV и Лудовика XV, была оставлена со многими другими въ числѣ тѣхъ желаній, коихъ исполненія ожидаютъ оль неопредѣленнаго будущаго времени. Нынѣ Правительству сподобило только выбрать любое изъ помянутыхъ обществъ, которыя всѣ готовы ошвѣчать капиталами въ успѣхъ сего огромнаго предпріятія. Сославились еще другія компаніи для соединенія Сены и Рейна: если же всѣ сіи предположенія совершатся вмѣстѣ, столица Франціи, черезъ нѣсколько лѣтъ, будетъ шоразницемъ всего Свѣта.

Всѣ сіи предпріятія, изъ коихъ мы здѣсь привели только главнѣйшія, доказываютъ, какъ уже упомянуто, спеченіе капиталовъ. Оно должно было имѣть вліяніе на управленіе Государственное. Въ самомъ дѣлѣ, въ первой половинѣ текущаго года доходъ съ налоговъ 20 милліонами превзошелъ предположенный въ бюджетѣ; нашлись принужденными ограничить выпускъ Королевскихъ облигацій, и особы, ввѣрившія свои деньги казнѣ, неимвующей уже въ нихъ нужды, должны были подумать, какъ употребить ихъ иначе.

Сообщенія, открывающіяся ежедневно съ Южною Америкою, придадутъ симъ оборотамъ новую силу: занявъ у насъ нѣкоторыя суммы, Америка возвратитъ намъ ихъ спорицею. Извѣстно, что Испанцы знали, какъ сказать, только поверхность рудниковъ драгоценныхъ металловъ, коими природа одарила сіи страны. Пусть расчислятъ, что извлечетъ изъ нихъ смѣлый умъ другихъ народовъ, вооруженный средствами, орудіями, дѣятельностію! Европѣ снова предстоитъ большое превращеніе въ цѣль денегъ, прудовъ и вещей; намъ суждено быть свидѣтелями переворота, подобнаго тому, который былъ произведенъ во всѣхъ денежныхъ сдѣлкахъ открытіемъ Новаго Свѣта. Если касательно Франціи, присокупимъ еще увеличеніе ея богатства, съдѣствіе ея возрастающей промышленности, то легко усмотрѣть, во сколько кратъ новая судьба ея превосходитъ прежнюю. И что было бы при возобновленіи хотя и въ новыхъ отношеніяхъ связи ея съ богатѣйшимъ изъ Анпильскихъ оспрововъ, (Сенъ-Домингомъ)? Симъ средствомъ былъ пріобрѣтенъ новый капиталъ, и присоединился бы къ находящимся уже во Франціи; торговля успремилась бы вновь путемъ, на коемъ она нѣкогда пріобрѣтала несмѣнныя выгоды! — Что ожидаетъ насъ;

когда Франція, безъ всякаго препятствія, во
всей Америкѣ будешь наслаждаться выгода-
ми, которыя ей представляють преимуще-
ство ея произведеній, и сходство въ религіи,
нравахъ и даже языкѣ, съ нѣкоторыми наро-
дами, тамъ обитающими?

VI.
СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

ШАМАНЫ (*).

(Отрывокъ изъ Поэмы: Кочинъ, или война Русскихъ
съ Чукчамъ.)

Кругомъ огня они лежали;
Въ ногахъ ихъ льжи и пищали,
Неконченная съшь и лукъ.
Кошель дымился; но угрюмы,
Исполнены шумачной думы,
Къ кошу не просиравашъ рукъ.
Несущся по степи мятели;
Трепашъ ушесы; спонущъ ели:
Надъ юршой вьюга, ревъ и спужъ.
Всѣ въ бурю вслушались. Но вдругъ
Лай слышенъ поевъ и бѣгъ оленей;
Идушь — въ дверяхъ мелькнули шѣни:
Два спарца дивные вошли. —

(*). Посвящается Авшору Ермака.

Изъ бѣлой, пасмурной дали
Ихъ быстрыя примчали сани:
Споаятъ, коше и бубны въ длани;
Сковалъ власы суровой хладъ;
Дикъ, спрашенъ вдохновенный взглядъ.
Ихъ зря на прагъ кущи дымной,
Всталъ Кочинъ, мужъ госсперимной,
Могучій вишязъ и Шаманъ,
Надежда, слава Чубскихъ странъ.
„Ошцы, возсядше!“ — восклицаетъ;
Имъ лучшую подноситъ съдь:
„Се васъ разоспанный медвѣдь,
„Въ покой къ огнищу призываетъ!“
Но госпи видашъ мухоморъ;
Къ нему склонились и вкусили,
И вдругъ, дрожащія, векочили:
Горштъ, сверкаешъ шускый взоръ!
Подобны призракамъ полночи,
Которыхъ изымаешъ адъ,
Они вперяюшъ въ пламень очи,
Спопами топчущъ и спучашъ;
По персямъ, раменамъ, вкругъ шеи,
Ремни, кремь, желъзо, змѣи
Бряцаюшъ, вьются и звучашъ.
Уста безмолвныя ошверсны,
Зѣницы кровью налиты;
Среди ужасной нѣмошы
По бубну прядаютъ ихъ персны.
Власы, скрывая полнича,
Падушъ, вздымаюшся и вьюшъ.
Трепещущъ мышцы, цѣпеньюшъ,
Въ слухъ бѣются вѣщія сердца.
Средь дикой пляски мрачнымъ блескомъ

Костерь объемлетъ въдуновъ ,
 То вспыхнешь, то поухнешь съ шрескомъ...
 Но слышите, слышите бурю словъ,
 Воспоргъ нешповыхъ жрецовъ !

*(Слѣдуетъ предсказаніе о завоёваніяхъ Россіи и
 о приближеніи Павлуцаго, покорителя Чукскаго
 племени.)*

2.

Отрывки изъ Персидской повести:
 Орсанъ и Лида.

Описание двухъ ночей.

Осенняя ночь.

Примѣнно гаснутъ небеса ;
 Безъ облаковъ и безъ шума ,
 Нисходишь ночь; ея роса
 Осеребрила лѣтъ Ирана.
 Все дышитъ сладкой шеплошюй ,
 Клонящей смертныхъ въ усыпленье.
 Сколь въсхищительно боренье
 Лучей съ полною шемношюй !
 По спящимъ рощамъ и долинамъ ,
 Съ прохладой разлилася тѣнь ;
 Еще не палъ упорный день :
 Подобно гордымъ исполняямъ ,
 Густые кедры на горахъ
 Еще горятъ въ дневныхъ лучахъ ,
 И какъ бы ловашь въ сосшязань
 Горамъ незримое сіянье.
 Погасъ послѣдній лучъ злашюй
 Съ небесъ упадшаго свѣшила ;

И ночь завнспливую мглой
 Красы природы омрачила:
 Преобразившійся во мгла ,
 Дворецъ неспройный и пространной ,
 Чернѣлъ, какъ туча на скалѣ ,
 Древами дикими въпчанной.

Лѣтняя ночь.

Повсюду миръ, незримо сны
 Подъ крови Персовъ низлетаютъ ,
 На сводъ кристалльный выступаютъ
 Злашящя спуншницы луны ;
 Прохладенъ воздухъ аромашной ,
 И Ангелъ ночи благодатной
 Свѣшшльшкъ днѣ унесъ давно ;
 Но небо все озарено
 Какъ бы мерцаіемъ разсвѣта.
 Мечешя, куполы блестящя
 И верхъ ошважный минареша ,
 И кровля Шаховыхъ палашъ :
 Все звѣзды яркія злашящя.
 О сколь чудесно время лѣта !
 Въ счастливой Персіи оно,
 Какъ дѣшество крошкое, ясно ;
 Оно, какъ дѣшество уаешашъ ;
 И за собою оставлешашъ
 Восноминаніе одно.
 Ужъ полночь, дремешашъ глазъ дозора,
 Молчашъ дворецъ; повсюду сонъ ;
 Лишь очя мушныя Манзора
 Криломъ не оснлешашъ онъ.

Пл. Ободовскій.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ
БИБЛИОГРАФІЯ.

Н О В Ы Я К Н И Г И :

1825.

45. *Разлитіе Кубры. Стихотвореніе Графа Хвостова. С. П. б. 1825, въ шип. Воспич. Дома, въ 8, 12 стр.*
(См. No. 86 Сѣв. Пч.)
46. *О происхожденіи Руси. Историко-критическое разсужденіе М. Погодина. М. 1825, въ Унив. шип., въ 8, 176 стр.*
(См. No. 87 Сѣв. Пч.)
47. *Горный Журналъ или собраніе свѣдѣній о Горномъ и Соляномъ Дѣлѣ, съ присовокупленіемъ новыхъ открытій по Наукамъ, къ сему предмету относящимся. Кн. I. С. П. б. 1825, въ Военной шипогр. Главнаго Шпаба Е. И. В., въ 6. 8, XLIV и 140 стр. съ чертѣями чертежами.*
(См. No. 90 Сѣв. Пч.)
48. *Ослѣпленный, Соч. Духовскаго. С. П. б. 1825, въ шип. состоящей при Особеной Канцеляріи М. В. Д., въ 8, 35 стр.*
(См. No. 92 Сѣв. Пч.)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1825. N° XVI.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СВАТОВСТВО НА ОБОРОТЬ.

Изъ Августа Лафонтена.

I.

Молодой Брейзахъ къ своему другу.

Въица.

Въ гарнизонѣ моемъ жилъ я ни въ явѣ, ни во снѣ. Я, которому на роду написано быть опцемъ семейства, которому болѣе къ лицу халашъ нежели мундиръ, пошому чпо въ немъ сижу я, какъ въ кузовѣ; я, который каждаго мальчика въ рошѣ величаю: „сынъ мой!“ и механически лѣзу въ карманъ за конфешкою, чпобъ его полакомишь, — я долженъ отказатьсь опъ семейственнаго счастья, пока не получу роты; а до шѣхъ поръ, върояпно, и жизнь мнѣ опосынешь! Но судьба начинается уже, кажется, повѣршываешь ко мнѣ, если еще не лицомъ, пакъ бокомъ; мой дядя взялся хлопотать за меня,

— мой дядя, веселый холостякъ, которыи для меня гошовъ поспавилъ послѣднюю копѣйку ребромъ — такъ много онъ меня любитъ. Изъ всей нашей фамилии досталось въ удѣлъ богатство одной только пещкѣ моей, у которой есть дочь; но онъ не поладилъ съ оцемъ моимъ за то, что онъ осудилъ меня на солдатскую жизнь, а шупъ, какъ онъ думалъ, не выйдешь изъ меня ничего пушнаго. Съ дядей моимъ не ладятъ онъ никакъ, поэтому, что у этого добраго человека вырывается иногда брань, какъ у мапраса. Такимъ-то образомъ не знали мы про нихъ ничего, кромѣ, что онъ живущъ въ деревняхъ своихъ, что кузина моя диво красота, но припомъ спрахъ какъ причудлива, и шакъ далье.

Я написалъ разъ къ дядѣ, что мнѣ завидень даже и прошой солдатъ, когда онъ зимой стоимъ на своемъ постѣ: все таки принесешь ему жена пообѣдать, обнимешь его, приведешь съ собою пару дшей; счастливыи мужъ и онецъ приметъ тогда опять безъ скуки за свою шажкую работу.

Вошь дядя, зная и понимая меня какъ желъзя лучше, отправаляется къ пещкѣ, воздерживается на время отъ дурной привычки своей, рассказываетъ кузинѣ обо мнѣ, о моихъ высокиихъ достоинствахъ, о моемъ вы-

сокомъ понятіи о супружествѣ, короче, обворожаетъ обихъ женщинъ шакъ, что онъ соглашаются по крайней мѣрѣ принять отъ меня посвященіе; и это ужъ много значить, при недовѣрчивости ихъ къ мундирамъ. „Чоршъ возьми“ пишешь мнѣ дядя: „смазливѣе кузины швоей не встрѣчалъ я ни одной дѣвушки! Причуды ея невелики; надобенъ только мужъ — не злодѣй, мужъ — каковъ шы. Хопъ она и говоришь, что не посмопришь на лѣша, но изъ нѣкоторыхъ рѣчей я все долженъ былъ мотать себя на усь, что мои сорокъ лѣтъ не пришались бы ей впору. Пріѣзжай! только спрячь свой мундиръ, и привези побольше кропости. У пещки швоей и кузины справная вещь на умѣ: будшо одни только серіозные (*) люди могутъ бышь добродѣтельными. Будь же осторожень! Я знаю, что шы, при всѣхъ добрыхъ качествахъ, повѣса, и гошовъ по крайней мѣрѣ прохохоташъ свою жизнь, если не можешь провешти ее какъ хочешся. Такъ

(*) Просимъ Гг. гонителей иноспранныхъ словъ, наспавленіямъ которыхъ охотно слѣдуешь по возможности Переводчикъ, придумашъ и внесши въ употребленіе слово, которое замѣнило бы эту *серіозность*, совсѣмъ несвойственную Русскому языку, но пока неизбѣжную. Пер.

привъжай же какъ можно скорѣе ко мнѣ въ Вѣну; мы вмѣстѣ явимся къ кузинѣ. Она, не смотря на свое смиренномудріе, рѣшилась выйти за мужа, какъ скоро найдетъ человѣка добродѣтельнаго; а мнѣ кажется, что ей въ этомъ грѣховодномъ свѣтѣ никогда не удалось бы найти человѣка *порочнаго*, потому, что всякій будетъ имѣть въ виду, наградою добродѣтели, ее—богиню красоты, и приданое во сто тысячъ талеровъ. Не шутя, племянникъ, какъ легко можешь она сдѣлаться добычею обманщика, когда причуды ея будутъ извѣстны! — Онѣ хотѣли мнѣ дать знать, когда могутъ принять насъ. Привъжай поскорѣе, чтобы и шебъ готовила жена пообѣдать — не въ караульнѣ, а въ прекрасной столовой. О парѣ дѣтей предоставляю тебѣ позаботиться. Я ошворилъ тебѣ дверь супружества; смотри же, чтобы у тебя не зацѣкнули ее передъ носомъ.“

Врядъ ли уже это и не сдѣлано, милый другъ мой; а все отъ моей же вины. Нѣтъ еще и трехъ дней, какъ я въ Вѣнѣ, а дьяволъ распавилъ мнѣ сѣни, изъ которыхъ не могу я выпустаться. — Но надобно рассказать тебѣ все порядкомъ.

Мой командиръ, которому я высказалъ все, что на душѣ было, не соглашался опустить меня, потому что мнѣ надобно

было вѣхать за ремоншомъ. Я написалъ къ дядѣ, что по этой причинѣ не могу привѣхать равнѣ шести недѣль. Когда письмо уже было отправлено, командиръ, поразудивъ, что худо бышь помѣхою открывающагося счастья, позвалъ меня къ себѣ и опустилъ меня на цѣлые полгода. Я отправился немедленно въ Вѣну, и вся дорога была безъ приключеній, но къ концу виуташа я въ нищенскую псторію, которая повела меня прямо въ когти дьявола.

На послѣдней станціи къ Вѣнѣ ждалъ я нетерпѣливо лошадей, потому что всѣ были забраны какимъ-то Посланникомъ, вѣхшимъ съ большою свишою. Въ досадѣ расхаживалъ я взадъ и впередъ передъ почтовымъ домомъ, гдѣ и другіе провѣжіе ждали также лошадей. Мнѣ хотѣлось отправиться по крайней мѣрѣ прежде другихъ, и потому безпрестанно говорилъ я, что имѣю самыя важныя дѣла.

Наконецъ явились лошади, и меня хотѣли отправить перваго. Уже собирались закладывать. Въ это время подошелъ ко мнѣ мальчикъ и попросилъ милостыни; я далъ и приласкалъ его. „Ахъ, добрый баринъ!“ сказало мнѣ сквозь слезы дитя: „если бъ ты зналъ, какъ несчастливъ мой родичъ, и какъ благодарны они вамъ будутъ за ваше

милостивое подааніе!“ — Родители! это слово производить надо мною волшебное дѣйствіе. „Кто же твои родители?“ спросилъ я. — „Отецъ мой музыкантъ изъ Праги, куда мы теперь опять возвращаемся. Мы надѣялись въ Линцѣ получить наслѣдство; но кажется, бабушку обманули. Онъ не получилъ ничего, да и свои деньги испратилъ. Часомъ приходилось намъ сидѣть голодомъ, а теперь мать моя сдѣлалась больна. Вотъ тамъ лежитъ она — въ крестьянскомъ домѣ. Добрый хозяинъ посоветовалъ мнѣ просить подаанія у провѣзжихъ.“

Все это говорилъ мальчикъ жалостнымъ, сердце разрывающимъ голосомъ. Вдругъ закричалъ на него Почтмейстеръ: „Поди прочь, мальчикъ, не надѣдай шутя провѣзимъ!“ Дитя прижалось ко мнѣ, я посмотрѣлъ сурово на Почтмейстера, и успокоилъ малюшку. „Если бы я не спѣшилъ!“ — сказала я, и шутя пришло мнѣ въ голову, что поспѣшность моя происходила совсѣмъ не отъ нужды, а просто отъ скуки. Мальчикъ схватилъ мою руку; я поднялъ его, поцѣловалъ, и рѣшился идти къ его родителямъ. „Пойдемъ, сказала я: хоть я и не богачъ, но пособлю вамъ отъ души, чѣмъ только могу.“

Въ родителяхъ малюшки нашелъ я людей несчастныхъ, но съ благородными нравилми. Небольшая отъ меня помощь успѣшила ихъ; мать встала потчась съ овра своего поному, что и бользнь ея происходила больше отъ горести. Обнявшись, со слезами на глазахъ благодарили они Создателя. Эта сцена меня расстрогала. „Счастливые люди!“ сказала я, подавая имъ руку: „при всей вашей бѣдности, я вамъ завидую. Да не оставитъ васъ Богъ!“ Тутъ поспѣшилъ я къ почтовому дому, но лошади были взяты другими; пришлось ждать опять. Случившееся со мною приключеніе привело меня въ какую-то недѣлительность; я рѣшился шутя переночевать и велѣлъ оповестить себя компану. Стоя у окна, увидѣлъ я опять того же мальчика съ двумя дамами, которыми уговаривали его проводить ихъ въ жилищу къ его родителямъ. Онъ однако отказывался, говоря, что я даже слишкомъ надѣлилъ ихъ, и что онъ пришелъ только еще разъ поцѣловать изъ благодарности мою руку. Это мнѣ понравилось; но наконецъ онъ долженъ былъ уступить настояніямъ двухъ дамъ и повелъ ихъ, а я легъ, и отъ усталости скоро заснулъ. На другой день, въ самую минушу моего отъѣзда, пришло все семейство благодарить меня. Мнѣ

показалось, что они всё уже одёты были по дорожному, а также и двѣ дамы собирались выѣхать; коляска ихъ была у подъѣзда.

Привѣхавши въ Вѣну, остановился я въ прагпиръ, откуда посылая осведомиться о дядѣ. Мнѣ сказали, что онъ уѣхалъ изъ города, и возвратится не прежде, какъ черезъ недѣлю. До прѣзда его, разумѣется, надобно мнѣ было прожить на своей временной квартирѣ. На третій день, пошелъ я въ Аугурпентъ (*). Тутъ, къ большому удивленію, увидѣлъ оцанъ своего знакомаго мальчика, чистенько одѣтаго. Онъ подошелъ ко мнѣ, поцѣловалъ у меня руку и рассказалъ, что дамы взяли съ собою въ Вѣну и его, и его родителей, обѣщая опсправить ихъ опсюда въ Прагу на свой счетъ, какъ скоро мать его хорошенько поправится въ своемъ здоровьи. Вдругъ мальчикъ мой наклонился и подиалъ съ земли записку. Написано было: „*Тому, въ комъ есть сострадательное сердце.*“ Я развернула и прочитала: „Двѣ несчастныя просить нашедшаго записку, ежели въ немъ есть мужество и состраданіе, помудриться прійти въ Леопольдовскую улицу, No. ** во второй этажъ, и спросить тамъ г-жу

(*) Большой садъ, принадлежащій къ окрестностямъ Вѣны. *Пер.*

Сольдентъ; если же не захочетъ, оставивши записку на прѣнемъ ея мѣстѣ.“

Я былъ въ нерѣшимости; взявъ или оставивши записку. „Чего требуютъ?“ думала я: „Только мужества и состраданія. Въ обонхъ у меня нѣтъ недоспашка.“ Я спрпашала записку, давъ мальчику еще нѣсколько грошей, пожелала счастливаго пути его родителямъ, и опсправился домой. Здѣсь осмощрѣлъ я находку еще со всѣхъ сторонъ. Такая записка и въ такомъ мѣстѣ, гдѣ безпрерывно ходятъ люди! Спранно! думала я. Это могло бы привлечь къ г-жѣ Сольдентъ полпу любопытныхъ. Какъ ни подозрительно это приключеніе, но я хочу испытать его.

Я пошелъ въ назначенный домъ, и былъ введенъ въ комнату г-жи Сольдентъ. Тутъ неожиданное зрѣлище почши приковало меня къ мѣсту. У окна за пальцами сидѣла дѣвушка лѣтъ двадцати, весьма просто одѣтая, но такая красавица, какой я не видывалъ, и не въ силахъ описать. Она поклонилась мнѣ очень вѣжливо, и просида садиться. Вошла г-жа Сольдентъ. Я, молча, вынулъ записку и подала ей. „Такъ въ,“ сказала она: „назначены судьбою быть нашимъ покровителемъ. Положение наше, государь мой, такъ необыкновенно, и способъ, какимъ избрали мы себѣ мужественнаго (она сдѣлала удареніе на

впомъ словъ) и соспрадательнаго друга, шакъ спранень, чшо прежде всего я должна просить, чшобъ вы не подумали объ насъ чего нибудь дурнаго.

Я съ своей стороны попросилъ расказаць мнѣ, чѣмъ могу служить.

Она извинилась, чшо шеперь не можешъ еще сообщить мнѣ всего, за неполученіемъ нѣкопорыхъ бумагъ. „Намъ нуженъ,“ сказала она наконецъ: „только благородный, умный человекъ, который бы имѣлъ довольно мужества пропшвустать нападающему на насъ сильному и значному гонителю.“ Тутъ съ примѣшнымъ любопытствомъ, спросила она о моемъ имени и обстоятельстввахъ. Мнѣ показалось спранно, чшо не хотѣя мнѣ отккрыть всего, а отъ меня требують совершенной откровенности. И потому отвѣчалъ я, чшо за нѣсколько дней прѣхалъ сюда искашь себя мѣша въ какомъ нибудь Департаментѣ, короче, испышашъ здѣсь по службѣ свое счастье. Не желая сказаць и своего настоящаго имени, я выдалъ себя за Шшейнгаузена.

Старушка начала уже спрашивашъ меня и о моемъ сосшояніи, но я сказаць ей на опрѣзь, чшо шакіе распросы не могушь имѣшь ничего общаго съ нашимъ дѣломъ.

Во все продолженіе разговора, дѣвица Сольденъ сидѣла покойно за пѣльцами. Какъ скоро начиналъ я отвѣчать, она устремляла на меня свои пронцашельные, но кропкіе голубые глаза; при словахъ же машери, она онашъ опускала ихъ на свою работу. Наконецъ не достало у меня шерпѣня отдѣлывашься отъ спранныхъ распросовъ спарухи, и я сказаць, смягчивъ однако шонъ своей: „Признаюсь вамъ, сударыня, чшо я очень удивленъ. Меня привело сюда состраданіе и желаніе быць вамъ полезнымъ, а совсѣмъ не ошога расказывашъ вамъ свою родословную.“

Тутъ въ первый разъ отшворились розозья уста дочери и прѣшнымъ, поненькимъ голоскомъ сказала она, обращясь ко мнѣ: „Я очень несчастлива! Но какъ отъ нашей шайны совершенно зависить моя участь, шо не сердитесь на мапушку, если она хочешъ напередъ узнать ближе человекъ, которому намѣрена ввѣриться.“

Эшими словами и милымъ, заманчивымъ голосомъ я былъ обезоруженъ; казалось мнѣ, чшо сердце мое готово выпрыгнуть отъ восхищенія предъ симъ Ангеломъ красоты и кропости. Между тѣмъ машь вышла, и у насъ начался разговоръ, не совсѣмъ въ шонъ обыкновеннаго. „Не понимаю“ сказаць я: „какъ вамъ запруднишья найши себя засшупника.“

Всякій, кажется мнѣ, съ радостію согласился бы принять васъ подъ защиту.“

— „Государь мой!“ — сказала она скоро и съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ: „вамъ должно бы осперечься ошъ десяти.“ — Пасмурный видъ ея испугалъ меня. Я увѣрялъ, что никогда не льщу, и спалъ дѣшвищельно осторожно. При разсѣваньи освѣдомились о моей кварширѣ, и просили приходиться иногда и безъ зову.

Возвращаясь къ себѣ, пораздумался я обо всемъ случившемся. Мнѣ приходили въ голову весьма невыгодныя мысли на счетъ матери и дочери. Ходя послѣдняя представлялась мнѣ, какъ сама невинность, но мудрено ли, что въ сполницъ хотяшь оболъстнишь прѣзжаго молодого человѣка, кошпораго считающъ можешь быть за богача. Мнѣ извѣстно было много анекдотовъ о разныхъ обманахъ въ большихъ городахъ. Но записка была не прямо ко мнѣ адресована, и могла попасться въ руки шарика, женщины, даже Полицеймейстера, щѣмъ болъе, что въ аллеѣ, гдѣ встрѣшился я съ мальчикомъ, было много людей. И щакъ она точно была написана не ко мнѣ; безъ всякаго сомнѣнія. Чшо жъ дащье?

Двица Сольденъ была, можешь быть, прекраснѣйшая изъ всѣхъ Вѣнскихъ краса-

вищъ, слѣдовательно ей не могло быть недоставка въ угодникахъ, если щолько она хотѣла ихъ имѣть. И при всемъ щомъ. . . . Тутъ опять представлялась мнѣ дѣвушка съ ея крошкими, голубыми глазами, съ невинностію, говорящю изъ каждой чершы милаго лица ея. Я воображалъ себѣ живо ея каждое движеніе, — какъ сидѣла она за пальцами, какъ обращала ко мнѣ свои взоры, какъ начала говорить со мною. . . . Вдругъ я вскричалъ и вскричалъ: „Пусть будешь первый Министръ врагомъ ея: я желаю щого, и докажу, что имѣю довольно мужества.“ Я пошелъ, щпобъ щощъ же часъ сказать ей эщо, прошелъ раза два взадь и впередъ мимо ея дома, и — у меня не достало мужества даще войши въ него.

Тутъ вспало на умъ, что я неравнодушенъ къ эщой дѣвушкѣ, и я спыдился, что меня, Философа, могли щакъ скоро оболъстнить прелесныя глазки, розовыя губки, нѣжная шейка и милый голосокъ. Тощчасъ пошелъ я домой, и щащелъ себѣ задачу изъ высшей Аналитики. Задача разрѣшена была щасливо, и я поздравилъ себя, какъ успольващого въ испытаніи. Ложащъ въ постель, думалъ я, что погружусь въ Лешу; но вышло совѣщъ протщивное: черезъ двѣ или три минушы, почувщвовалъ, что не смотря на

рѣшеніе задачи, я почто влюбленъ по уши: ничто другое не вертѣлось у меня на умѣ, кромѣ того, что желалъ бы я сдѣлать для дѣвушки.

На другой день спалъ я опять такъ благоразуменъ, что готовъ былъ снова поздравить себя. Однако по пероналивости, съ какою одѣвался, замѣтилъ, что не вполне могу наслаждаться своимъ пріумфомъ. Я пометилъ; наконецъ пошелъ совсѣмъ въ противоположную сторону отъ Леопольдовской улицы, но вдругъ повернулъ къ ней, и выходя на лестницу къ г-жѣ Солдентъ, держалъ себя такъ гордо, какъ бы обыкновенный, выходилъ на спускени Капишодіи.

Передъ дверью, съ сильнымъ пренебреженіемъ сердца, говорилъ я въ самомъ себѣ: „Если я не такъ холоденъ, какъ ледь, то готовъ отказаться отъ всякаго права на имя Философа. Я поспучался, ошворилъ, и сдѣлалъ большую сумятицу. Дѣвица Сольдентъ въ это время одѣвалась, и я увидѣлъ ея бѣлыя плеча, прежде, чѣмъ успѣла она накинуть на нихъ плашокъ.

„Такъ рано, сударь?“ сказала мать. — „Рано?“ — повторилъ я, изумясь; вынулъ свои часы и — спалъ, какъ бы осмѣянный цѣлымъ свѣтомъ. Еще и шестипи часовъ не было. Не вѣря глазамъ, я проширалъ ихъ; но съ

большимъ стыдомъ почувствовалъ въ душѣ, что она чужда Философіи и предана любви.

Отъ этого стыда просыпало мое усердіе. Я проямлилъ что-то сквозь зубы, какъ будто бы обвиненный передъ судомъ свѣша въ своемъ дурачествѣ, и уже намѣревался сказать обѣимъ дамамъ, что вовсе отказываюсь отъ ихъ дѣла; но въ то самое мгновеніе, когда такія мысли спали бродили въ головѣ моей, нѣжная рука дочери явилась у меня передъ глазами, поднося чашку чаю. Весь дрожа, взялъ я чашку, и шупъ завязался разговоръ о прекрасномъ утрѣ и о прогулкѣ, которую мать съ дочерью намѣрены были сдѣлать, при чемъ я шопчасъ вызвался бытъ проводникомъ.

Какъ скоро прекрасная дѣвушка одѣлась въ боковой комнашѣ, мы пошли. Я не былъ холоденъ, какъ ледь; напрошивъ пылаалъ, какъ пламя; и не смотря на это, мнѣ казалось, что я все еще имѣю право называть себя Философомъ. „Пусть другой“ думалъ я; „былъ бы на моемъ мѣстѣ, когда это милое швореніе, въ узкомъ переходѣ, такъ близко прислоняется, что чувствуешь прикосновеніе плеча его и локоны развѣвающихся по щекѣ — пусть былъ бы другой на моемъ мѣстѣ! Посмотрѣлъ бы я, спалъ ли бы онъ дѣлалъ такія размышленія въ самомъ себѣ!“

О несчастіи и о томъ, чего отъ меня ожидали, не слыхалъ я ни слова. Мы разсуждали, расхаживая по Аутаршену, о добродѣтели, о счастіи, о свободѣ и проч., пока солнце не взошло высоко надъ горизонтомъ. Когда мы пришли назадъ, мать вышла изъ комнаты. Тушь съ неописаннымъ жаромъ, съ какимъ-то даже вдохновеніемъ, стала и предлагать услуги свои на все, что только могло сосноять въ моихъ силахъ. „Желаю“ говорилъ я: „чтобы преслѣдователь вашъ былъ очень силенъ: я доказалъ бы, что молкъ вамъ дружба *еще* сильнѣе.“

Она отвѣчала, смѣючись: „Нѣсколько дѣтъ назадъ, шдѣла я на рукъ рану, отъ которой и теперь еще остался рубецъ, какъ вы видите.“ — Руку свою поднесла она мнѣ такъ близко къ глазамъ, что на ней осталось мое дыханіе. Не примѣшивъ моего смущенія, она спокойно продолжала: „Лекаръ сказалъ мнѣ: желаю, чтобы у васъ сдѣлался аншоновъ огонь; тогда я доказалъ бы, что смышлю что набудь въ Хирургіи. Вѣдь онъ сказалъ это не съ дурнымъ умысломъ — не правда ли? Онъ хотѣлъ только, чтобы я не перяла бодрости, потому, что рана меня очень мучила. Надѣюсь, также и вы.“ — Тушь и вдругъ сдѣлался холоденъ, какъ ледь. Въ умъ моемъ промелькнула мысль, не ду-

маешь ли она смѣялась надо мною. Я бросилъ на нее пронцашельный взоръ; но лице ея было покойно; на немъ изображалось дружество, а не насмѣшка.

Меня пригласили къ столу; я оспаеся. Разговоръ зашелъ о чпеніи, и я съ удивленіемъ увидѣлъ, что дѣвица Сольденъ получила превосходное воспианіе. Чѣмъ болѣе наблюдаю я (а къ этому времени уже я довольно просмѣлъ для наблюденій), тѣмъ болѣе приходилъ въ смущеніе, тѣмъ загадочнѣе спановились для меня мать и дочь; особенно же потому, что о несчастіи ихъ не было говорено ни слова, какъ ни часто спараяся и склонилъ къ тому рѣчь.

Наконецъ я ушелъ. Ничего твердаго не оспалось у меня въ головѣ, за то сильная, пламенная любовь въ сердцѣ. Мысли о скоромъ возвращеніи дяди приводили меня въ ужасъ; мысли о кузинѣ моей заспавляли меня прешашь. Я чувствовалъ, что не могу быть счастливъ, если эта загадочная, удивительная дѣвушка не любитъ меня; но за всѣмъ тѣмъ спранности ея приводили меня въ опасеніе, и я рѣшился быть оспорожнымъ.

Въ послѣдній разъ, какъ я былъ у нихъ, дочери не было дома, а мать дала мнѣ порядочную кучу бумагъ, и просила, просмотрѣвъ ихъ, сказать свое мнѣніе. „Хотѣ вамъ

и странно покажется“ — сказала она: „но содержание эпихъ бумагъ до насъ касается болѣе, нежели вы можете представить себѣ.“ Съ сими словами вышла она въ маленькую боковую комнату, гдѣ и съѣла за работу, какъ я увидѣлъ черезъ стеклянную дверь.

Съ большимъ любопытствомъ принялся я разсматривать бумаги, ожидая, что наконецъ раскроется мнѣ участь любимой дѣвочки, и я узнаю, чего могу надѣяться. Я нашелъ небольшой романъ въ письмахъ, и дѣло по разводному акту. Романъ содержалъ въ себѣ исторію любви двухъ супруговъ, сначала пламенной, а потомъ исчезнувшей отъ недоразумѣній, распрей и холодности. Полагая, что это исторія самой дѣвицы Сольдень, я взялъ перо (конечно не безъ двусмысленной, недовѣрчивой улыбки), и началъ писать свое сужденіе о супругахъ. Будучи теперь весьма въ состояніи философствовать и даже быть строгимъ, я осудилъ мужа за опшупленіе отъ истинныхъ житейскихъ правилъ, а жену за недостаточность синсхронности къ заблужденіямъ мужа.

Сидя, съ перомъ въ рукѣ, за эпихъ романомъ, я находилъ положеніе свое очень забавнымъ, и раза два не могъ удержаться громкаго смѣха. Мать сморщала на меня въ это

время черезъ стеклянную дверь, но не перемѣняла своего серьезнаго вида.

Тутъ взялъ я процессъ о разводѣ. „Я не юристъ — подумалъ я: къ чему заботиться мнѣ о формѣ?“ Я назвалъ мужика на адвоката плутомъ за то, что оправдывалъ дурное обхожденіе съ женою; потомъ сталъ жестоко бранить методу воспитанія, кою которой преобладалъ мужъ для дѣтей своихъ. Правила жены о воспитаніи мнѣ показались не лучше. Давно уже вертѣлась у меня въ головѣ своя метода. Пользуясь случаемъ изложишь свои мысли, я почувствовала себя воспламенившимся, и писалъ отъ полноты души. Воображеніе представляло мнѣ прекрасную дѣвочку, (которая къ тому времени возвратилась домой, и сидѣла въ другой комнатѣ также за работою), матерью семейства; я поглядывалъ на нее время отъ времени. Сердце мое было полно, слезы навертывались на глазахъ, когда мечталось мнѣ мое дитя у груди эпои прелестной.

Казалось, и ее занимала какая нибудь необыкновенная мысль. Она поширала рукою глаза свои, можешь быть, чѣмъ опереть слезу, кою которой я не долженъ былъ видѣть, а можешь быть и въ намѣреніи выжать слезу, именно для того, чѣмъ я ее видѣлъ.

Кончивъ свою работу, я спалъ перечипывашь, и шупъ опять положеніе мое показалось мнѣ шакъ забавнымъ, что я не могъ удержашься ошъ громкаго смѣха. Мать и дочь пришли ко мнѣ, и спросили, что со мною сдѣалось. Все еще смѣясь, отвѣчала я: „По вашей запискѣ гоповился я на важные подвиги, а шеперь вижу, что надобны полько слова и скорый почеркъ, чтобы крипиковать романъ и приказные акты.“

Онѣ улыбуались обѣ, пошомъ, немного погодя, захохошали вдутъ громчѣ, нежели я. Тупъ я сдѣлался пасмуренъ. Мнѣ было поволшительно смѣяться, но имъ никакъ! Я пошомрълъ на нихъ мрачно, забопливо, почпши презришельно. Мать все еще не могла воздержашь себя; но дочь приняла на себя серіозный видъ и сказала: „я замѣчаю недовърчивосшь во взорахъ вашихъ. Ахъ, сударь! ее опасаясь я болѣе всего. Правда, что мнѣ не должно было смѣяться, но вы знаеште, какъ заразительнень смѣхъ. Никто не можешть шомошръшь безъ смѣха на хохочущихъ мужиковъ въ каршинѣ Милессино!... О, сударь!“ — продолжала она, положи руку на сердце и шомшря на меня умильно: „неужели вы можеште бышь ко мнѣ недовърчивы?“

„Нъшь!“ сказалъ я, какъ бы внѣ себя, схвашивъ и прижимая къ губамъ своимъ ея ру-

ку: „нъшь! эшимъ глазамъ повѣрю я, хопя бы повергали они меня въ пагубу! Если бъ вы могли надо мною смѣяться: Великій Боже! гдѣ же была бы тогда справедливосшь, довърчивосшь въ мірѣ!“ Она бросила на меня взоръ — взоръ любви, сказалъ бы я, если бъ когда нибудь выдалъ подобный. Я былъ въ восхищеніи; но вскорѣ прежнее спокойшвіе возшпановилось на лицѣ и въ глазахъ ея. Ей надобно было опять куда-то ишпш; я ошпавилъ ее. Сегодня не зашла у нихъ никого дома.

Дядя мой уже здѣсь. — Какой будешть конецъ всему эшому? Слыхалъ ли шы когда нибудь о шакихъ спранноспяхъ? Сама ли она жена въ романѣ? Сама ли разведеная въ процещъ? Иногда кажешся мнѣ шакъ, иногда иначе. И мой дядя? Не знаю, рѣшусь ли я его видѣшь. Передо мною носшптся какой-то шуманъ, предвѣщающій несчасшіе, и я спрангусь разсѣяшь его. Прощай!

2.

Дядя Брейзаха къ отцу Брейзаха.

Въша.

Сначала, любезный братъ, довелъ было я племянницу нашу Юдію до того, что она

согласилась по крайней мѣрѣ видѣть своего жениха-кандидата. Я расхвалилъ длинно и красно Христіанскія добродѣтели своего сына, пошому что ихъ только считаешь Юлія, также какъ мать и шепка ея, ходячею монетою. Между рѣчей, не забылъ я однако упомянуть и о благородной его осанкѣ, о его мужествѣ, о живости блестящихъ глазъ его: пускай же герой нашъ побольше впечатлѣется въ умъ дѣвушки. — Мы считали этихъ прехъ женщинъ за причудливыхъ дурь. Напрощивъ, онъ совсѣмъ не шаковы, хоть правда не вовсе и безъ причудъ. Вошь одна, копорая глубоко вкоренилась въ умъ ихъ: Юлію де надобенъ мужъ, копорый бы женился не на деньгахъ ея.

„Но какъ же вы узнаете такого, милая Юлія?“ спросилъ я. Онъ усмѣхнулся всѣмъ тѣломъ, какъ будто бы увѣрены въ своемъ дѣлѣ. „Надобно“, сказали онъ, „чтобъ онъ былъ человекъ благоразумный, и чтобъ имѣлъ не только одну доброту, но и основательныя правила.“

„А какъ же это узнать, моя красавица?“ спросилъ я опять. — „Мы проэкзаменуемъ его хорошенько“, отвѣчали онъ.

„Сохрани Богъ! какой мужчина позволитъ вамъ!“ Онъ снова усмѣхнулся, какъ будто бы шакой мужчина сидѣлъ уже у нихъ

за дверями. Тушь возвысилъ я голосъ, и выхваляя своего сына, пришелъ даже въ какой-то восторгъ, чего давно не случалось со мною. Словомъ, какъ сказано, онъ было разлакомились уже посмотрѣть на этого диво-молодца; да свой сынъ удержанъ былъ за ремоншомъ. Теперь, спусти нѣсколько недѣль, онъ явился, но въ шакомъ разстроенномъ видѣ, съ такимъ наморщеннымъ лицомъ, что я не приложу ума, куда могла дѣваться его веселость, и готовъ голову прозакладывать, что въ немъ также мало охоты женишься на своей кузинѣ, какъ и въ ней за него выйти. Долго я съ нимъ бился; наконецъ, когда пересчиталъ все по пальцамъ, онъ спалъ, казалось, сдаваясь; но все таки самъ не въ себя: бѣгаешь взадъ и впередъ по комнатамъ, ронцаешь на судьбу за то, что честному человеку нельзя быть мужемъ и опцемъ безъ двадцати тысячъ шалеровъ, съ каждымъ ушромъ перемѣняешь свои планы, рыскаешь по улицамъ, какъ полицейскій шпионъ; короче, онъ влюбленъ, однако не въ кузину свою.

Наконецъ сдѣлся онъ совсѣмъ: стало быть любовь его заелѣла либо слишкомъ высоко, либо слишкомъ низко. „Хорошо“ — сказалъ онъ: — „я отдаю кузину свою руку!“
Тотчасъ скачу я къ ней. Что жъ? И мать,

и дочь, и шешка объявляютъ мнѣ, что не намѣрены уже видѣть моего племянника. Юлія краснѣетъ при этомъ до самыхъ ушей. Я начинаю говорить, говорю какъ Цицеронъ, съ жаромъ, съ вдохновеніемъ, но женщинамъ все не подь ладъ: онѣ спановатся еще холоднѣе. Наконецъ начинаю ругаться, и шупъ объясняется, что Юлія почти уже помолвлена, что племянникъ мой опоздалъ. — Вотъ какая бѣда! а все ремонтъ да любовное жеманство пшого сына! Прощай!

3.

Тетка къ Юлиной матери.

Възна.

Когда шурина пшой Брейзахъ придетъ къ шебъ, милая сестра, ты можешь начисто сдѣлать отказъ его племяннику отъ имени Юліи. Шшейнгаузенъ напъ ведетъ себя славно, и Юлія призналась мнѣ въ минушу искренности, что его благородная и мужественная осанка сдѣлала почти столь же глубокое впечатлѣніе въ ея сердцѣ, какъ и происшествіе съ бѣднымъ мальчикомъ, въ кошоромъ оказалъ онъ себя столь великодушнымъ. Изъ его недовѣрчивыхъ, испытующихъ взоровъ заключала я прежде, что или

онъ видѣлъ насъ у почшоваго двора на спанціи, или мальчикъ въ Аугаршенъ не шакъ искусно поспунилъ съ запискою; но шеперь думаю, что я ошибалась, хопя между шѣмъ взоры его еще болѣе спали подспергати насъ.

Экзамень, кошорый мы ему сдѣлали, выдержалъ онъ какъ нельзя лучше. Его сужденія о романѣ и о разводныхъ акшахъ весьма основательны. Показалось мнѣ шолько, что онъ слишкомъ много въсу даетъ званію мужа. Ты знаешь, милая, какъ часто жены проливають горкія слезы отъ излишняго мечпанія мужей. Я намъкнула о шомъ Юліи, но она, съ болѣшею, чѣмъ обыкновенно, живостію спала утверждать, что мужчина долженъ чувствовашъ себя цѣну и доспоинство своего пола. Изъ этого подавно заключаю я, что въ ней уже болѣе склонности къ молодому человеку, нежели какъ она сознается. Впрочемъ до сихъ поръ онъ шолько же скрышенъ передъ нами на шестъ своихъ обстоятельствъ, какъ и мы передъ нимъ. Это огорчаетъ Юлію, и она никакъ не хочеть согласиться со мною, что онъ не совсѣмъ въ шомъ неправъ. „Милая шепушка“ — говоритъ она съ жаромъ: „если онъ меня любитъ, какъ вы полагаете, шо не долженъ имѣть недовѣрчивости. Кшо не вѣрншъ,

ночь *хочетъ* обмануть, или уже *обманывалъ*.

— „А развѣ мы вѣримъ, милая?“ — говорю я ей и она молчитъ, оставляя меня безъ опыта. Да, любезная сестра, теперь при этомъ случаѣ, вижу я опять, что у сердца есть свои большія права; и кто знаетъ, можетъ быть, законъ природы не безъ причины ставитъ ихъ въ равновѣсіе съ правами разсудка. Штейнгаузенъ человекъ твердый и гордый. Въ спискѣ добродѣтелей, которыхъ мы требовали отъ будущаго супруга Софій, это было пропущено; но за всею тѣмъ, сверкающъ глаза ея, и грудь поднимается отъ радости, когда говоришь она въ торжествѣ: „Какъ онъ гордъ, какъ мужественъ!“ Повѣрь мнѣ: она просила бы ему даже дурныя наклонности, если бы онъ только повѣжливѣе взглянулъ на нее; она простила бы и настоящій порокъ, если бы увѣрена была въ полной горячности любви его.

Хотя ни за что въ свѣтъ не согласилась бы она признаться, что онъ обладаетъ уже вполне ея сердцемъ, но ея безпокойство, ожиданіе, шокъ, когда его нѣтъ съ нею, говорятъ мнѣ довольно. Мнѣ, право, кажется, милая сестра, что мы уже слишкомъ унизили въ глазахъ ея сердечныя чувства. Она стыдится теперь, что ея сердце измѣ-

няетъ ей, и спрашивается, чтобы и того не замѣтила. Пора бы уже кончить нашу комедію, но она длитъ ее именно для того, чтобы дать мнѣ почувствовать, будто ей все равно, ждешь ли еще или нѣтъ.

Я боюсь только, чтобы молодой человекъ, не зная, за кого принимаешь насъ, потому, что мы не казываемъ, чего отъ него хотимъ, не сталъ забываться. Уже и теперь въ его обращеніи замѣтна иногда какая-то небрежность, которую мы своею скрытностью заслуживаемъ, но которой Юлія не примѣчаетъ, потому, что любовь закрываетъ ей глаза.

Я догадываюсь, что происходитъ въ ея сердцѣ. Она видитъ возбужденную къ себѣ спрашиваетъ до упоенія, что для нее, какъ и для каждой дѣвушки, составляетъ высочайшее торжество; и она видитъ, что ее любятъ безъ увѣренности во взаимной любви: второе торжество, которое конечно ей нравиться, потому, что и лучшая изъ насъ имѣетъ свою мѣру тщеславія. Она скрываетъ любовь свою, частію отъ стыда предо мною, частію изъ важничанья передъ любезнымъ своимъ. Можетъ быть и то, что эти чувства для нее новы, и она не понимаетъ ихъ хорошенько. Впрочемъ нѣсколько должна почитать лукавица. Ей хочется только, съ

миною невинности, продолживъ, увеличить шоржество свое. Ей хочется, чшобъ молодой человекъ продолжалъ любить ея и показывать это открыто, не будучи увѣренъ во взаимной любви. Если бъ она воспитывалась между другими дѣвушками и знала искусство любезничанья, то конечно часто мучила бы его своими причудами; потому, что и теперь маленькія хитросети, копорымъ учить природа, употребляетъ она съ шакимъ искусствомъ, какъ быдесять лѣтъ была въ школѣ Амура.

Да, милый другъ, я всегда утверждала, и спую въ помъ, что сама природа вложила во всѣхъ дѣвушекъ въ свѣтъ немного кокетства. Юлія оказываетъ молодому человеку благосклонность, почтительность, горячую дружбу; но при всемъ томъ подсперегаешь она каждый взоръ, каждый вздохъ его, и шашися. Словомъ: она дѣвушка.

То хвалить она его разумъ, то оспроуміе, то нравъ и правила. Спрашать не ослѣпила ее впрочемъ до шого, чшобъ она не считала нравственности превыше разума, добрыхъ правилъ превыше оспроумія, какъ часто случается. Но когда я говорю ей: „Вошь, Юлія, стало бытъ ты нашла человека, какого тебѣ надобно, и какого сыскашь мы опчаявались,“ — тогда опъвчашь

она, улыбаясь: „Ахъ, пепушка, нужно узнать еще многое, прежде нежели“ — шущъ пошупаешь она взоръ со спыдомъ. — „Что же шакое узнать, душа моя?“ — „Довольно ли онъ меня уважаетъ; довольно ли... нельзя же бытъ хорошему браку безъ нѣкоторой склонности.“

И эта исторія возобновляется каждый день, почти каждый часъ. Что долженъ подумать объ насъ наконецъ молодой человекъ, копорого мы хотѣли просить о помощи, и копорому сами не знаемъ, что сказать? Я думаю, лучше прѣхашь тебѣ и помышь голову швоей дочери, а Брейзаху коротко и ясно опказать, потому что Юлія точно влюблена.

4.

Молодой Брейзахъ къ своему другу.

Въна.

Я обманушь, другъ мой, жестоко обманушь! О, будь объ эти женщины мужчинами, тогда бы... Я скрежещу зубами отъ досады, что ничего не могу сдѣлать, и принужденъ слышать насмѣшки ихъ, злорадосный хохотъ безъ опмщенія. Клянусь бытіе свое и самага себя, что при всей жадности

къ мести, еще вмѣшиваясь въ душу мою любовь къ этой эхиднѣ. О, какъ горячо, какъ искренно, какъ поспоянно я любилъ ее; и при всемъ томъ она обманула меня!

Я каждый день навѣщалъ этихъ женщинъ, не смотря на то, что съ каждымъ часомъ становились онѣ мнѣ загадочнѣе. О помощи, для которой сначала былъ я призванъ, уже не было и въ поминѣ. Я замѣчалъ въ нихъ что-то шайное, скрыпное; однако не чаялъ ничего злаго, и ходилъ къ нимъ. Въ моемъ положеніи не сдѣлалось никакой перемены; обходились со мною дружески, и по-любо. Но видно было, что хошѣли выведать о моихъ обстоятельствахъ, о моемъ состояніи. Все еще, не предполагая злобы, гнѣздящейся въ сердцахъ этихъ женщинъ, и былъ однако оспороженъ. Къ дядѣ я не ходилъ, да и зачѣмъ бы? — Что имя Сольденъ вымышлено, уже я замѣнилъ. Но что жъ мнѣ было дѣлать?...

Наконецъ случайно встрѣчаю своего маленькаго знакома изъ Праги. Спрашиваю о его родителяхъ, и узнаю, что отецъ получилъ здѣсь мѣсто. Велю проводить себя къ нимъ, и шамъ встрѣчаютъ меня съ радостною признашельностію. Немного спусти, вдругъ жена музыканша проситъ у меня извиненія, что сынъ ея подкинулъ мнѣ извѣ-

стную записку. И шунъ узнаю, что мальчику поручено это было отъ моихъ знакомыхъ. Онъ уронилъ нарочно записку подлѣ себя, и пошомъ ее поднялъ. (Женщины, которыя къ тому его наспроили, были итѣ самыя, что вмѣшѣ со мною оспанавливались на станціи, гдѣ я узналъ мальчика).

Тогда мнѣ все стало ясно. Двѣ путешественницы, узнавъ отъ больной женщины о моей къ ней щедрости, о моемъ мягкосердіи, основали на томъ свои планы, и зашѣли порядкомъ обобрать меня. Прихожу къ нимъ; но шунъ видать онѣ, что я слишкомъ бѣденъ, и дѣлаютъ изъ меня, что имъ хочется: свою забаву, предметъ своего развлеченія и насмѣшекъ. Заставляютъ меня крикивать романы и процессы, и, безъ сомнѣнія, смѣются до-сыпа надъ глупцомъ, который ничего того не примѣчаетъ. Музыканша еще болѣе утвердила меня въ моемъ подозрѣніи: въ побѣдку сюда, которую дѣлала она вмѣшѣ съ ними, и въ которой старались онѣ какъ можно ближе за мною слѣдовать, чтобы не упустишь меня изъ виду, слышала то, что въ разговорѣ между собою отзывались онѣ обо мнѣ, какъ о хорошей добычѣ.

Мальчикъ рассказалъ также, что зналъ, и обратилъ догадки мои въ извѣстность. Когда принесъ онъ къ нимъ плашокъ, ссужен-

ный больной женщи́нъ, онъ настроили его подкинуть записку. При этомъ мать сказала дочери, что ей надобно обойтись очень холодно. Эти слова оспались въ швердой памяти у мальчика. И вошь, какъ я обманушь!

Я былъ у дяди. Онъ пошчасъ началъ говорить, что имѣешь большую надежду на бракъ мой съ кузиною. Едва могъ я дать ему какой нибудь отвѣтъ. Да и смѣю ли я предложить кузинѣ сердце, въ которомъ все еще хранился воспоминаніе о презрительной женщи́нѣ? — Дни и ночи провожу я въ предположеніи той или другой возможности, которая хотя сколько нибудь могла бы оправдать ее; но послѣдствіемъ того бываетъ только испоманіе души, еще болѣе огорченной. — О, если бы въ сердцѣ этой дѣвушки была хотя искра добродѣтели, человѣчества, — любовь моя и вѣрность превратили бы ее въ яркое пламя!

Горе мнѣ и горе имъ! — Да, горе имъ!

Сегодня былъ я у нихъ въ послѣдній разъ. Я жадалъ мщенія, кипящаго мщенія, и за всѣмъ шѣмъ, коварный взоръ ея пошущилъ

пламя гнѣва, которое пакъ сильно пылало въ моемъ сердцѣ. Но что нибудь я долженъ былъ сдѣлать. Я сказала, что приужу ихъ не у мѣста, что имъ не переширишь меня. Онъ осыпалъ меня упреками, и я убѣждалъ, чувствуя свою слабость.

Кузина моя отвергаетъ мою руку; ея выборъ уже сдѣланъ. Тѣмъ лучше! О, могли бы сморѣть на женщину иначе, какъ не съ презрѣніемъ и ненавистью, когда меня обманула дѣвушка, которую полюбилъ я прежде всѣхъ, и шакъ искренно!

Я возвращаюсь опять въ свой гарнизонъ. Дядя хочешь, чтобы я остался, но никакъ не могу.

5.

Тетка къ Юлиной матери.

Вѣна.

Теперь я признаюсь, что справедливость была на сторонѣ Юліи, любезная сестра! Добрый духъ наставилъ ее. Что бы стало съ нею, если бы она разгадала загадку! Она сдѣлалась бы добычею злодѣя; теперь же вдалась только въ несчастную любовь. Онъ пошущалъ насъ ежедневно; попомъ нѣсколько

дней не приходилъ. Его отсушествіе слышкомъ подвѣствовало на Юлію. Она проговорила уже, что любовь ея къ этому человеку усиливается съ каждымъ днемъ, а изъ нѣкоторыхъ словъ замѣтила я, что она намѣрена прервать молчаніе и открыть ему все. Вчера онъ пришелъ, и она встрѣтила его дружески. Въ глазахъ его было что-то дикое, на челѣ черта коварства, и на устахъ, которыя принуждали онъ къ улыбкѣ, злобное поржество. Юлія однако ничего этого не видала.

Я замѣтила, что она искала уже случая перейти къ открытію тайны. Съ нѣкоторою горячностью спала она убѣждать его, имѣть къ ней доверчивость. О, какъ велика должна быть любовь ея, когда не видала она коварства и злобы, изобразившихся вдругъ на лицѣ его. Тутъ наконецъ обнаружилось все ненавистное его сердце. Онъ взялъ ее за руку, и сказалъ съ презрительнымъ смѣхомъ: „Мамзель Сольдентъ (если вы такъ называетесь), уже время, кажется, снятъ намъ маски, которыя тяготятъ насъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы довольно долго и очень искусно носили ихъ; пора показаться другъ другу въ настоящемъ видѣ. Вы считали меня за богатаго глупца, которому ваше хорошенкое личико и болванье о добродѣтели могутъ

вскружить голову. Записка ваша, какъ вы желали того, почто попала въ мои руки. Но вы видите, что я съ самаго начала зналъ васъ хорошо, и вы очень ошибались, смѣясь надъ моею простотою. Впрочемъ вы имѣли нѣкоторымъ образомъ на то право. Ваше недурное лице сдѣлало на меня пріятное впечатлѣніе еще на станціи; а записка дала мнѣ средство съ вами познакомиться, какъ я того и желалъ. Вы разставили сѣти, а я далъ себя поймать.“ (Тутъ онъ захохоталъ.) „Мнѣ кажется однако, что мы худо употребили время свое и силы. Вы все еще хотите представлять добродѣтельную; а я — мнѣ нужно время для чего нибудь лучшаго, нежели пѣть гимны вашимъ добродѣтелямъ. И такъ приступимъ безъ околичностей къ дѣлу, или разстанемся по дружески!“

Сестрица, ты не вообразишь себѣ, какое ужасное дѣйствіе произвели на насъ эти слова! Юлія побѣднѣла, шрепеща, какъ листъ, упала на стулъ и закрыла руками лице, чшобы не видѣть и не быть видимой. Она была въ такомъ жалостномъ положеніи, что мнѣ нельзя было мѣшкать. Употребивъ все силы, чшобы собраться съ духомъ, я сказала: „Оставьте насъ, государь мой! вы злодѣи! Оставьте насъ, или я зову весь домъ на помощь!“ — „Этого не сдѣлаешь, голубчик-

ка!“ — отвѣчалъ гнусный человѣкъ очень равнодушно и съ ужасною злобою въ глазахъ: „Полиція здѣсь строга!“

Тутъ вспала Юлія, подошла къ нему гордо, и съ благороднымъ негодованіемъ сказала: „Государь мой! я жестоко въ васъ обманулась. Вы даже не знаете, какъ жестоко! Но я благодарю Бога, что онъ не слишкомъ поздно открылъ мнѣ коварнаго!“

Тутъ онъ вспыхнулъ, и я обрадовалась, потому, что прежняя холодность его была совершенно неприсущна. „Коварнаго?“ сказалъ онъ: коварнаго? Не доводите меня до крайности, сударыня; иначе я васъ погублю!“

„Жалкій человѣкъ! возразила Юлія: оставьте насъ! Вы спали мнѣ презрительны!“

Онъ, казалось, хотѣлъ еще отвѣчать, но подумавъ, захохоталъ и пошелъ, сдѣлавъ намъ небрежный поклонъ. Я съѣла въ изнеможениі. Юлія прошла еще раза два по комнатѣ. Наконецъ осѣлѣлась и воскликнула, поднимая руки къ небу: „Благодарю Бога, что онъ предостерегъ и спасъ меня. Кѣмъ почитаетъ меня этотъ человѣкъ? И не правъ ли онъ? Боже, я стараю отъ спыда! Мы заманили его запискою. . . . О Боже! съ перваго мгновенія считалъ онъ меня презрительнѣйшею тварью. И его великодушіе была маска, кошорую онъ надѣлъ на себя. Но за всѣмъ

тѣмъ — все еще не понимаю я, для чего онъ теперь только объяснился? Какое намѣреніе имѣлъ прошивъ меня этотъ злодѣй?“ Такъ измѣлись чувства Юліи въ упрекахъ на себя и въ гнѣвъ на безспыднаго. Мало по малу, начала она разсуждать покойнѣе. Какъ ей, такъ и мнѣ кажутся поспулки этого человѣка непонятными. Посмотрѣла бы ты, какіи явнѣйшими признаками самой почтительной любви умѣлъ онъ обворожить насъ! Вѣроятно, хотѣлъ онъ, считал Юлію легкою добычею, соблазнить ее, а потомъ ошдаться на поруганіе. Ахъ, милая сестрица, ему удалось еще болѣе! Какъ ни презираешь Юлія характеръ этого человѣка, но — она любишь его.

Какая прогательная была сцена, когда она вечеромъ, проливая горькія слезы, признавалась мнѣ въ этомъ! Наконецъ спали вырывавшись у нее хопя не прямые, но тѣмъ болѣе чувствительные упреки прошиву насъ, что довели ее до такого безумства. Она припомнила слова дяди своего Брейзаха, котораго утверждалъ: что сердце должно избирать, а разсудокъ только обсуживавъ выборъ; потому, что съ любовью тысячи недоспащковъ становапся непримѣнными, но разсудокъ, сдѣлавъ разъ ошибку, никогда ея

не исправитъ. Это повторяла она часто; и — совсѣмъ ли она несправедлива?

Такова была Юлія, что на другое же утро всшла она съ покойнымъ лицомъ, и съ большою разсудительностію говорила о любви своей къ обманщику. Она рѣшилась однако исправить свою ошибку. „Какъ же, милая?“ спросила я. — „Я выйду за своего родственника, если онъ не откажется обладать дѣвушкою съ половиннымъ сердцемъ. Можетъ быть, не въ состояніи буду любить его; но все свои обязанности буду исполнять усердно.“

Завтра по утрамъ мы ѣдемъ отсюда. Она хочетъ еще написать къ своему дядѣ, и теперь занимается этимъ.

Старый Брейзахъ былъ у насъ, и Юлія все пересказала ему. Добрый дядя — я начинаю опъ души любить его — сдѣлалъ намъ обильнѣе строгій выговоръ. „Ничего не знаю хуже“ — говорилъ онъ Юліи: „какъ сватовство на оборотъ, то есть, со стороны дѣвушки. И если бы ты разсудила, другъ мой, что молодой человекъ, которому попала записка, хотя бы онъ и не зналъ, что она именно на него вѣчена, все таки долженъ получить объ васъ самыя дурныя мысли, видя, какъ вы притворствуете... Благодарю еще Бога, что онъ не сдѣлалъ съ

тобою чего нибудь хуже!“ Намѣреніе Юліи, выйши за его племянника, искренно имъ любимаго и прѣхавшаго сюда за нѣсколько дней, онъ очень одобряетъ. „Только прошу тебя, Юлія“ — сказалъ онъ: „не слишкомъ съ нимъ искренничай! Пусть онъ прежде увидитъ себя, полюбитъ, пошомъ спанетъ спанаться. Пусть все будетъ, какъ водится: это нужно для его и для твоего счастья.“ Черезъ нѣсколько дней, хочетъ онъ привести къ намъ молодаго человека. Присылай къ намъ вѣздажъ; чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

6.

Дядя Брейзаха къ отцу Брейзаха.

По полученіи этого письмаца, ты пошчасъ долженъ бросишься въ повозку и ѣхать сюда. Диковинныя вещи здѣсь случались. Причудница Юлія вздумала сама высватать себя женишка. На почтовомъ дворѣ ближайшей отсюда станціи, случилось ей видѣть, какъ одинъ молодой, прекрасный собою мужчина сдѣлалъ благодѣяніе бѣднымъ. Она подумала: нашла, ково надобно! и вдругъ подкидываетъ ему здѣсь записку, въ которой проситъ о пособіи. Молодой человекъ начнетъ къ ней ходить, увидитъ, что шутъ что-то недаромъ, счипаетъ наконецъ Юлію

за одну из дѣвушекъ извѣснаго рода, и очень жестоко съ нею прощается.

Все это рассказывала мнѣ Юлія со слезами, и обещалась выйти за своего сына. Я пошелъ домой, и спросилъ у племянника, хочешь ли онъ жениться на кузинѣ. Тутъ онъ мнѣ началъ рассказывать: на почтовомъ де дворѣ ближайшей отсюда станціи, случилось ему сдѣлать пособіе бѣднымъ, и шакъ далѣе. Корошко сказать: свой сынъ пошъ самый молодецъ, который понравился Юліи. Едва могъ я удержаться, чшобъ не захохотать во все горло. „Я все еще люблю обманщицу!“ говоришь онъ, а она говоритъ: „Слыжусь, но должна признаюсь, что не могу ненавидѣть этого прѣзрительнаго человѣка.“

Черезъ два дни, заставилъ я племянника принарядиться и усмотрѣлъ лице свое, какъ приспало жениху, и похвалъ съ нимъ къ Юліи. Лишь только мы вошли, Юлія громко вскрикнула, а сынъ свой выпарачилъ глаза. Спрашиваю: „что вы, дѣти? Это Юлія, твоя кузина, а это Карлъ, мой племянникъ!“

Тетка кричитъ: „Боже мой!“ и опведя меня въ уголь, шепчетъ на ухо: „это и есть пошъ обманщикъ!“ я отвѣчаю тоже на ухо: „это я давно знаю!“ Сынъ свой дѣлаешь очень простидушную мину и гово-

ришь мнѣ сквозь зубы: „Это та самая дѣвушка!“ — Я отвѣчаю также тихо: „Это я давно знаю!“ — Юлія, дрожа всѣми членами, шепчетъ мнѣ: „это пошъ самый“... — „Кого ты любишь?“ отвѣчаю я: „Онъ честный малый; въ этомъ могу увѣрять себя.“

Невѣстка стояла шуть, какъ будто на куриныхъ лицахъ, которыхъ не хотѣла раздавить, и спросила наконецъ: „Что жъ изъ этого будетъ, Брейзахъ?“

Тутъ отвѣчала я громко, чшобы всѣ слышали: „Ничего, кромѣ возобновленія стараго знакомства. Вотъ этотъ молодецъ искалъ себя доброй жены; вотъ эта дѣвушка смышала себя добраго женишка. Судьба свела ихъ. Дни при н: адъ, узнаешь онъ опъ бѣднаго мальчика, чшо записка писана къ нему, а не къ кому другому, считаешь свою любезную за одну изъ тѣхъ, которыми ловишь мужчинъ на всѣхъ перекресткахъ, и полагаешь себя обманушимъ. Это его бѣсится; въ опмщеніе, говоришь онъ, чшо давно все зналъ, и чшо не онъ вдался въ обманъ, а кузина его. Она послѣ шого заключаешь, чшо онъ злодѣй, въ чемъ однако же очень ошибаешься.“

Тутъ Юлія взглянула на своего сына. Онъ приблизился и спалъ предъ нею на колѣна. Между тѣмъ рассказалъ я все проис-

нествіе еще подробиѣ, и подалъ кузинѣ нѣскольکو писемъ, копорыя сынъ швой писалъ къ одному изъ своихъ пріятелией, и за копорыи посылалъ я астафету. И такъ конецъ пѣсни былъ тотъ, что они бросились другъ другу въ объятія, покаялись въ неразрывной любви, и просили прощенія во взаимныхъ обидахъ.

Привъжай, брашъ! Черезъ мѣсяцъ будешь у насъ свадьба. Постарайся объ отставкѣ лшного сына, поному что служить ему уже нельзя.

Мальчика изъ Праги взяли они къ себѣ, какъ благодушельнаго посредника, способствовавшаго ихъ соединенію. И такъ сынъ швой заживетъ семьяиномъ и, какъ я надѣюсь, весьма счастливымъ.

Ж.

II.

К Р И Т И К А

РАЗБОРЪ ПОЭМЫ КНЯЗЯ ШИХМАТОВА:
ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

(Окончаніе.)

Въ 1 пѣсни, послѣ воззванія (*) къ славившимъ Петра, своимъ предшественникамъ, копорыхъ по скромности спавишь гораздо выше себя (къ несчастію объ нихъ, исключая Ломоносова, и упоминать нечего), Поэмъ представляешь намъ роскошную картину ушра въ южныхъ странахъ.

Пушникъ, въ прозрачную дѣлнюю почъ, оживилъ себя опдыхомъ близъ цвѣтущей роци,

(*) Въ спрофѣ, слѣдующей непосредственно за онымъ, замѣтили мы стихъ, исполненный глубокаго чувства:

Не терпиль сердце нѣмоты!
стихъ, копорымъ бы должны руководствоваться всѣ пишущіе. Говори въ печати, передъ лицемъ столькихъ шебѣ незнакомыхъ, только тогда, когда швое сердце не терпиль нѣмоты, и ты облагородишь званіе Писателя; швое Авторство уже не будешь ремесломъ; швои слова, ознаменованныя вдохновеніемъ, будутъ живы, увлекательны, истинны.

Гдѣ въ нѣгѣ дремлетъ пишина,

 Стрясаешь понкій сонъ съ очесъ,
 Грядешь подѣ сънъ густыхъ дресѣвъ,
 И тамъ, спокойствомъ огражденный,
 Возвѣвъ на древній мшистый пенъ,
 Онъ ждешь съ желаніемъ сердечнымъ
 Царя планетамъ быстротечнымъ,
 Кошорый воскрешаешь день. —

Какъ зимній дымъ бѣлютъ мраки,
 И утро съ розовымъ лицемъ,
 Голя зловидные призраки,
 Блестящая златомъ, багрецемъ,
 Дыша живительной прохладой,
 Бѣлитъ и горы и поля.
 Сребромъ усыпана земля
 Всемѣстной долины опрадой;
 Настала пріятный первый шумъ,
 Препорглася цѣль ночнаго плѣна,
 И пушникъ, преклонивъ колѣна,
 Вперилъ къ востоку взоръ и умъ. —

Се солнце, искра славы Бога,
 Изъ безднѣ исходитъ, какъ женихъ
 Младый опъ брачнаго чершого,
 Лѣтъ, расшиселя благъ земныхъ,
 Пошоками свой свѣтъ державный
 Поверхъ смѣющихся долинъ,
 И радуясь, какъ исполнѣвъ,
 Вспунаешь смѣло въ путь преславный;
 Вошце прешая ему парь. . . .

Оно и въ нихъ своимъ *всеплоднымъ* лу-
 чемъ гошовишь дары челоувѣку, и печешь,
 исполненное

. красы и мира! —
 Предъ нимъ зашпила лана,
 Померали всѣ свѣшила мѣра,
 Лишь имъ вселенная полна;
 Его сіяньемъ пораженной,
 Въ убійствахъ цѣпенеть левъ,
 Бѣжишь, смиривъ свой ярый гнѣвъ,
 Рушишь пишины блаженной,
 Сокрышь въ шоція скалы:
 Зміи шипя ползущъ въ пещеры;
 И пушникъ, полнъ восторгомъ Вѣры,
 Ощу время поеть хвалы. —

Въ семь прекрасномъ опривкѣ, насъ
 особенно поразила черна, схваченная съ при-
 роды:

Настала пріятный первый шумъ!
 Всюкой спрансшвовавшій вѣрно испи-
 тала, сколь въ самомъ дѣлѣ пріятнѣвъ эпошь
 первый шумъ послѣ труднаго, безмолвнаго
 путешесствія ночью! Приноровленіе же всего
 изображенія къ герою и къ самому Повшу
 придаешь оному новую высокую прелесшь:

Такъ я, зря духомъ восхищеннымъ
 ПЕТРА Великаго воспокъ,

Паду предъ солнцемъ симъ священнымъ!

Сіа при стиха варагъ сдывающъ въ од-
 но цѣлое уподобленіе и уподобляемое, глав-
 ный предметъ всей Повмы и отступленіе.

Это прекрасное преддверіе, ведущее прямо
въ великолѣпное зданіе.

Второй пѣснь равномерно начинается
съ описанія, объясняющаго то, что Пѣвецъ
намѣревается въ ней повѣдать своимъ слу-
шателямъ, т. е. внутреннее образованіе
Россіи Петромъ Великимъ.

Такой пріемъ для насъ послѣ первой
пѣсни конечно уже не новъ; онъ даже при-
дастъ ходу Поэмѣ нѣкоторое однообразіе;
но веселый съемонокъ со страны, одаренной
всеми благами земными, нѣжнѣе воображе-
ніе живымъ начеркомъ, свѣтлыми красками.
И такъ взглянемъ на сей опрывокъ ошдѣль-
но, забудемъ, что онъ есть часть цѣлаго. —
Авшоръ указываетъ намъ на богатую, ро-
кошную пустыню, на злачные поля, орошен-
ныя обильною влагою, пучины равнины, ко-
торыя не лишены пріятства,

Но безъ труда искусныхъ рукъ
Безплоденъ ихъ пребудетъ шукъ,
Богатствъ не израстншь ихъ нѣдро;
И пушникъ съ высоты горы,
Измѣривъ ихъ усламымъ окомъ,
Жалѣешь, что во снѣ глубокомъ
Лежашъ благихъ небесъ дары. —

Межь шѣмъ едва къ нимъ....

... свой умъ небесный
И силу крѣпкихъ мышцъ своихъ
Приложншь Царь земли словесный,

Уже лице равнинъ нагихъ
Цвѣщенъ красомъ разсвѣдншой.

Распушъ дубравы насажденны,
Холмовъ присолнечныхъ вѣнды.
Густою пѣнью услажденны,
Поюшъ воздушные пѣвцы;
И гласы пѣсней ихъ созвучныхъ,
Угодныхъ самой шшннѣ,
Віюшся къ выпренней шрапѣ;
На пажитяхъ зеленыхъ, пучныхъ,
Спада долицъ обшихъ, кравъ,
Волотъ, орашелей прилежныхъ
Овецъ рунистыхъ, бѣлоснѣжныхъ
Пасушся сочносноію шравѣ. —

Кашся съ высокошъ въ долины злачны,
Лобзая шестрые луга,
Звеняшъ источники прозрачны;
Извивъ змѣями берега,
Теряюшся въ своемъ Дедалѣ.
Озера, зыбляся межъ деревьевъ,
Сугубяшъ красому небесъ
Въ кристальношъ чистыхъ струй зеркаль.
По сводамъ шѣннстыхъ пещерь,
Убѣжнщъ лѣшнй прохлады,
Кипяшъ серебрнсты водопады,
И бѣгъ ихъ швердосшъ камшей шерь! —

Ушѣха взору и горшани,
Висяшъ червленые плоды,
Пріятнныя приносятъ дана
За легкіе о нихъ труды.

Заря, возставъ съ одра востока,
 На землю одождивъ жемчугъ,
 Срѣтаешъ чуждое порока
 Блаженство сельское вокругъ

И солнце, съ запада златя
 Вечернихъ облаковъ ометы,
 Зришь долу счастье и миръ,
 И спранники

Текутъ на сей природы пиръ!

Въ твореніяхъ Позна всегда, не рѣдко даже безъ его на шо согласія, отражается онъ самъ, освѣчивающія его собственныи образъ мыслей, его чувства, опыты, наклонности, любимыя занятія. Такъ напримѣръ, многія изъста въ Одахъ Ломоносова являющъ его истиннымъ сыномъ Сѣвера, воспѣваннымъ на берегу Ледовитаго Океана, умомъ, который въ младячествѣ поражаема грозными, дивными огнями и призраками полуночнаго неба; другія доказывающъ его знакомство съ Естественными Науками, особенно съ Химіею. Пешровъ, смѣлою, мощною кистью оживляешъ предъ нами коня — и, какъ извѣстно, былъ страшный любитель сего благороднаго животнаго. Въ Мильшонъ легко найти подробности,

которыи только слѣпецъ могъ описатьъ, какъ онъ ихъ описалъ. Во многихъ и не-драматическихкихъ сочиненіяхъ Гетевыхъ видѣнь драматическій Позна, даже Директоръ Театра, знающій все тайны лицедействія, зяющій самыя мелочи, отъ конхъ зависиць успѣхъ представленія. Если бы мы и не вѣдали, что Князь Шихмаповъ служилъ во флотъ, мы, прочитавъ его удачныи изображенія моря, кораблей, пристани, бури, морскаго сраженія, — догадались бы, что онъ долженъ быть знакомъ съ Океаномъ.

Во второй пѣсни, онъ указываетъ намъ на Пешрово училище, богатую Голландію :

Онъ (ш. е. Петръ) зришь — трудами согражденный
 На блазахъ вельдѣный градъ,
 Спомя прошекъ ошрожденной (*),
 Цѣвшущій красою, какъ садъ.
 Приспанше пловцевъ несмѣшныхъ,
 И шоржаше всея земли.
 Сыны щедроты, — корабли —
 Въ оградахъ мира безнавѣшныхъ,
 Безстрашно слыша шумный вѣтръ,
 Не убѣгала бури врачюй,
 Стояшь, какъ зимній лѣсъ прозрачнюй,

 Отъ стѣвъ до дальнаго обзора
 Гдѣ съ бездною смежны небеса,

(*) Произведенный, иногда и вновь рожденный, возобновленный.

Бьются радостно для взора
Волнисты, снѣжны паруса,
И весла возмечтають воды.

Туда, по волю человека,
Корнисты, сѣвера сыны,
Надменны долгопою вѣка,
Стеклись съ кремнистой вышины;
Ишамъ, искусствомъ искривлены,
Да съ бурями воюють вновь,
Какъ браться, коихъ связь любовь —
Жельзомъ связанны — скрѣплены,
(Не духъ ли жизни онымъ данъ?)
Согромождаются въ громады:
Предъ ними потрясуся грады!
Смиришся ярый океаны! —

Тамъ Петръ, славнѣйшій изъ владѣльцевъ,
(Единственъ вѣкъ примѣръ шакой!)
Труждался въ сонмѣ древодѣльцевъ,
Своей державною рукою,
Не скипетръ обращалъ — съкирку;
Но частый спухъ съкирки сей
Раздался по вселенной всей!

Потомъ Повсь переносишся въ Россію: уже
въ первой пѣсни онъ намъ явилъ своего героя
на водахъ Лузы, въ челнокъ, который очень
удачно называется *зерномъ* и *корнемъ грозныхъ флотовъ*,
дѣломъ ужасныхъ въ морь,
могучихъ внуковъ; онъ и самъ уже сказалъ,
что Петръ,

Великихъ начинаній полнъ,

Уже стѣсняется рькою

И порываеся въ моря!

Во 2й же пѣсни славимъ построеніе перваго
Русскаго корабля, который возникъ, какъ
властительный (*претящій*) исполинъ,

Какъ огнедышуща гора,
Въ которой сплещъ ужасъ сплещъ,

Возникъ и, презирая брегъ,
Въ разливъ змѣей простеръ свой бѣгъ!
Женеть (гонимъ) ихъ предъ собой стѣною
И слѣдъ его — кипящій ровъ!

При звукахъ радостныхъ, громовыхъ,
На брань ошь пристани сплещъ,
Вспулаешъ въ царство волнъ суровыхъ:
Дубъ — шѣло, въшрь — его душа!
Хребеть его — въ ушробѣ бездны
Высоки щеглы — въ небесахъ;
Летимъ на легкихъ парусахъ,
Ошвергнувъ весла бесполезны

Летимъ — на гордость мечещъ пламень,
Носящъ велики имена,
Твое, неломкій Вѣры камень,
На коемъ Церковь создана;
Твое, сосудъ Христу избранный,
Который выше всѣхъ чудесъ
Парилъ до шрешихъ небесъ!

Корабль нарѣченъ во имя Св. Петра и Павла.
Князь Шихмаповъ воспользовался симъ об-
стоятельствомъ, какъ бы въ подобномъ слу-

чаѣ воспользовался имъ Кальдеронъ (*); онъ обращается къ нимъ, къ первоверховнымъ въ Апостолахъ, онъ у нихъ испрашиваетъ благословенія сему дѣлу руки Петровой, да снова смѣлые подвижники Господни, Пётръ и Павелъ,

Карають дерзосныхъ и злыхъ! —
Теперь, для противоположности, представимъ своимъ читателямъ двѣ картины ужасовъ

(*) Съ Кальдерономъ Князь Шихматовъ вообще имѣетъ сходство рѣшимельное: въ обоихъ встрѣчаемъ одинакую, спрогую, нерасплѣтную свѣтскимъ умничаньемъ приверженность къ Вѣрѣ своихъ праотцевъ; въ обоихъ одинакое знаніе таинствъ Религіи и обрядовъ церковныхъ, душа обоихъ написана чтеніемъ Священнаго Писанія и Св. Опець: — цвѣтущій сдогъ и погъ и другаго представляешь одинакій ошпечатокъ восточной роскоши; краски ихъ пламенны; мысли упонченны; иносказанія, олицетворенія, уподобленія въ ихъ швореніяхъ во множествѣ. Оба они, подобно Позмамъ Азіи, любящъ играть словами, и напрасно бы сію послѣднюю наклонность назвали порокомъ; она иногда происходила отъ обилія мыслей, отъ избышка чувствъ, а не отъ холоднаго шолько оспроумія: есть различіе между игрою словами, попадающею въ Шекспиръ, Кальдеронъ, Гафисъ, и шюю же игрою, когда упошребляющъ ее вялый Дорашъ или бездушный Марини.

морскихъ — сраженія, и попомъ бури: объ-
взяты изъ шесшой пѣсни:

Ряды воинственныхъ громадъ,
Рукъ Россійской сочлененныхъ,
Подвиглись средь зыбей надменныхъ,
Пловущій, стройный, страшный градъ!

Холмами распекались волны
Предъ смѣлымъ шествіемъ его.
Твердыни, мѣстною Гошамъ полны,
Злодѣямъ съвера всего,
Въ пространномъ рѣзкихъ волнъ разливѣ
Текушъ — и шумныя бразды
Въ пучинѣ сланой (солепой) ихъ слѣды!
И понѣ подобенъ зришь наивъ.
Крилъ свои расширивъ въспрь,
Летишь по высотѣ воздушной,
И дышишь силою послушной,
Куда войной стремится Пётръ.

Но флоты Россійскій и Шведскій встрѣ-
тились:

Ошверзались жерла громометны,
Ревушъ по воздуху всему;
Сверкающъ молніи несчетны,
Въ непроницаемомъ дымѣ,
Что вверхъ клубится облаками,
Волнами идетъ по волнамъ.
Раздался гулъ по глубинамъ:
Прольется въ море кровь рѣками!
Орудіемъ смершей и ранъ
Взаимно рашуютъ громады,
И съ визгомъ ядръ лешащихъ грады
Посыпались съ обѣихъ странъ! —

Ошъемлють полдень солнцелучной
 Ошь зрѣнія, густыя мглы;
 Мершвѣтъ слухъ ошь брани звучной;
 Робья, падающъ валы
 Ошь частыхъ пагубы ударовъ;
 На части рушатся суда,
 И спонущъ воздухъ и вода;
 Багрвѣтъ небо ошь пожаровъ,
 Сихъ грозныхъ свѣточей вражды;
 И огнь свирѣпшвуещъ на морь.

Корабли:

То грязнутъ въ глубинѣ, какъ камень,
 То гибнутъ, зыблясь по волнамъ;
 Сквозь дымъ столпами блещетъ пламень,
 Крушатся къ выперннмъ странамъ.

.

Проникнувъ искрою одной
 Въ ихъ шемны, жупельны утробы,
 До самыхъ облакъ мещетъ вдругъ
 Курящіяся ихъ обломки,

.
 И мракъ разносится вокругъ! —

И вошь:

Уже покрыся влажный доль
 Развалинами Гошской силы
 Помосщами кровавыхъ шѣлъ!

Вошь непріятельскій Адмиральскій корабль:

Всѣхъ Гошскихъ кораблей стѣна,
 Столпъ крѣпости всего ихъ флота,
 Достойный имени Слона,

Сквозится молніей Петровой:
 Своихъ безчленныхъ шруповъ доль,
 Какъ шрупъ, колеблется средь волнъ;
 Но движимъ дерзостью суровой,
 Петра мечшающей совершь,
 Гремимъ — напрасны громы бранны!
 Уже въ его отверсты раны
 Вшекающъ съ шумомъ страхъ и смерть!

Петръ побѣдилъ; онъ мечетъ обрашно, увѣчаный славою; но

Внезаяу съ шумомъ дхнулъ духъ бурный,
 Распоргнулъ шыснцу оковъ:
 Бугры густые облаковъ
 Запмили ясны сводъ лазурный;
 Сошла безвременная ночь
 На воды сраждуци, ревуци;

.

Какъ горы, грозны и высоки
 Восходятъ волны до небесъ;
 Межъ ними пропаша глубоки
 Зіяющъ зрѣнію очесъ;
 И бурей корабли боримы,
 То вдругъ висятъ на вышинѣ,
 То вдругъ сокрылись въ глубинѣ
 И долу влаюцца (колеблюцца) незримы.
 И вихрь, ужасный быстршой,
 Сорвавъ съ валовъ крушыхъ вершины,
 Поверхъ гористыя пучины
 Разноситъ пылю густой. —

Покрытый пѣною кипящей,
 Клубами бѣлыми, какъ снѣгъ,

Отъ бездны, швердь (*) его разицей,
Тренещь, воешь швердый брегъ! —
Тягчиша воздухъ шемною;
Лишь молній смертоносный лучъ
Сверкаешъ изъ чревахъшъ тучъ;
Надъ всею моря широтою
Являешъ пагубы позоръ;
Ударъ сугубиша ударомъ,
И небо зрится въ гнѣвъ яромъ;
Все спрахъ, смяшеніе, раздоръ! —

Изъ мрачной глубины полночи
Не блещущъ болѣе огни,
Лишь зѣма мрачишь плывущихъ очи,
Лишь вѣтры рашуютъ одни,
Мчашъ Россю къ смерти неизбежной;
И близъ уже шумящъ валы,
Бѣясъ объ острыя скалы,
На коихъ кружили мяселиной
Вишаешъ гибель кораблей,
И шамъ, рукой немилосердой,
Спираешъ въ прахъ составъ ихъ швердой —

Сія шестая пѣснь одна изъ лучшихъ во всей
Поэмѣ: въ ней изображенъ между прочимъ
также походъ Петра на Персію. Что нашъ
Авторъ говоритъ о бѣдствіяхъ, побѣжденныхъ
Россами — въ сей спранъ, столь гибельной
для шпомцевъ зимы, для племенъ хладной
полуночи?

(*) Здѣсь весьма удачно, вмѣсто словъ: *твердость* или *крѣпость*.

Тускнѣешь солнце въ полдень знойной,
Какъ спашъ каишиа горній сводъ;
Отъ суши мертвоно-покойной,
Отъ дремлющихъ Каспійскихъ водъ,
Несутся грозы облаками,
И рашный начинающъ споръ
Поверхъ крушихъ, Кавказскихъ горъ,
Въичанныхъ вѣчными снѣгами;
И молній быспрошечный лучъ,
Гонимый бурнымъ, громнымъ прескомъ
Народы усрашаа блескомъ,
Свирѣпшвуетъ отъ шучъ до шучъ —

Какъ печь, дыхаешъ небо жаромъ,
И небу огненны пески
Противодышащъ знойнымъ паромъ,
И чувство жажды и тоски
Спѣдаешъ жизнью одаренныхъ.
Изъ шльющихъ подземныхъ вѣдръ
Исходишъ смертоносный вѣпръ.

Сей вѣснъ, говоришъ Поэшь, подобенъ шпрану,
который велишъ, да всякій, къ кому
ни обратишя,

Со страхомъ припадаешъ долу;
Противныхъ грозному глаголу
Мерцвишъ дхновеніемъ своимъ.

Едва свое священно око
Сомкнешъ изнеможенный день,
И ляжешъ по полямъ широко
Ношная шшина и пѣны:
Уже изъ мрачныхъ логовищъ

Въгушь гiena, шигрь и левъ ,
 Немолчный испуская ревъ ,
 Алкають пресыщившись пицей;
 Далече разливають страхъ!
 Старая жаждой кровопийсша ,
 Творяшь безчисленны убійсша
 Въ лѣсахъ, въ долинахъ, на горахъ.

Или, изъ шучь чернобагровыхъ
 Вихрь хищный, испоргаясь вдругъ,
 Сопутникъ бурь, какъ смерть суровыхъ,
 Со свистомъ вьсеша вокругъ и вокругъ,
 Полетомъ возмешаешь бурнымъ
 Пески, какъ волны, къ облакамъ,
 Грозить кончиною рѣкамъ,
 И шьюмо небесамъ лазурнымъ;
 Смѣсивъ и доль и высоту,
 Равняешь горы и долины,
 Кладешь во прахъ градовъ вершины,
 На все наводишь пушоту! —

.

Или, ошъ бляшь и безднѣ плетворныхъ,
 Возникнувъ гладный люшый моръ
 Во мглѣ шумановъ злораспорныхъ,
 Лешись — и съ нимъ смертей соборъ.

.

Или . . . но какъ исчисляшь словомъ,
 Сколь гибельна сія земля?
 Гдѣ небо пламеннымъ покровомъ,
 Жельзны кажутся поля?
 Гдѣ гнусные, смертельны гады,

Плодятся всюду безъ числа,
 Которыхъ пощрелны лды,
 Какъ молніи палацій лучъ,
 Мгновенно проникають въ жилы,
 Смуцають мысли, чувства, силы
 И жизни иссушаютъ ключъ! —

Князь Шихмашовъ въ семь опривкѣ живописаль глазамъ нашимъ знойный Иранъ со всѣми его ужасами, съ *самумомъ* (*), чудовищами, незапными бурями, чумою, живописаль, какъ будто бы самъ долгое время жилъ на Востокъ — въ соседствѣ Муганской степи, сего отечества змѣй и гадовъ, гдѣ они почно плодятся безъ числа, гдѣ, какъ увѣряешь Квинтъ Курцій, и какъ понинѣ народное преданіе повѣствуетъ, — Александръ (Шалисандеръ) обратился вспяшь, воспященный въ своемъ шествіи несмышнымъ множествомъ пресмыкающихся. — Вдохновеніе замѣнило Поэшту опытъ и наблюденія: онъ душою перенесся въ Персію, и ни одинъ пушешественникъ не описаль бы почнѣе опасностей, ожидающихъ шамъ пушешественника! Въ часъ восторга, когда усшремаены всѣ мысли, всѣ чувства Пѣснопѣвца на одинъ и шопъ же предметъ, въ немъ возникають, оживають, спановящая ясными шемнѣй-

(*) *Самумъ* названіе пагубнаго юго-западнаго вѣтра, вѣющаго изъ песчаныхъ Аравійскихъ степей.

шія воспоминанія о томъ, что хочешь изобразить; — все, нѣкогда объ ономъ слышанное и; казалось, давно забытое воскресаетъ не только въ памяти, воскресаетъ для взоръ его; собщвенное творческое воображеніе Поэта мгновенно дополняетъ пропущенное, можешь быть, раскатишь, и вдругъ въ стихахъ его явился списокъ полный, вѣрный съ того, чего онъ никогда не видалъ глазами плесными (*):

Приведенные нами по сю пору примѣры въ почти въ родѣ описательномъ, живописномъ, но да не подумаешь, что нашъ Поэтъ искусенъ и силенъ въ немъ одномъ.

(*) И такъ скажешь наши баловни — гении, охотники хватать одни вершки, или даже пребывать въ невѣдніи всего, что немного далѣе Нарвской и Московской засады: „Мы правы, къ чему учиться? Намъ вдохновеніе замѣняетъ знанія! — Поэтъ.....“

Не учась ученъ, какъ придетъ въ восхищеніе!“

Извинише, Мм. Гг., истинное вдохновеніе не можешь родиться, по крайней мѣрѣ не можешь продлиться, безъ богатаго запаса живыхъ знаній, т. е. понятій о предметахъ занимаемыхъ; воспоргъ опирается, такъ скажешь, объ нихъ для дальнѣйшаго полета: мысль *одна* подобна вспыхнѣ *одной*, но одна вспышка не засвѣтитъ еще пламени!

Чувство въ стихахъ его говоритъ почти столь же краснорѣчиво. Въ немъ пламенная любовь къ отечеству; пламенная Вѣра во Всевышняго. — Заглянемъ въ 7-ю пѣснь; послушаемъ молящагося за Россію Петра!

.. На воды и на сушу
Простерся скипетръ пишины;
Петра божественную душу
Небесны прислѣяютьъ сны;
Молчишь Петрополь усыпленный
И спишь швореніе вокругъ.
Представь — что Петръ воспрянулъ вдругъ,
Живую Вѣрой обновленный,
И въ сей безмолвной пощи часть,
Ничѣмъ въ душѣ не возмущенный,
Прещедрымъ Богомъ восхитенный,
Вознесъ къ Нему сердечный гласъ: —

.....

„Съ высотъ Твоихъ, Звѣдидишь сущихъ!
Сквозь сонны пламенныхъ духовъ,
Твое величество поющихъ
Тобой созданныхъ до вѣковъ
Въ степеніи Твоему престола,
Сквозь миріады миріадъ
Міровъ, объемлющихъ твой градъ,
Приникли долу, долу, долу,
На персть взываюшу къ Тебѣ
Изъ глубины Твоихъ швореній,
Не премолчи (*) моихъ хвалений,
Всемли, всемли моей мольбы! —

(*) Не презри.

Тебя дѣла Твои достойны!
 Однимъ любви Своей лучемъ
 Изъ тьмы извлекъ Ты солнцы стройны,
 Повѣсилъ землю на ничемъ,
 Сафирнымъ освѣнилъ навѣсомъ,
 И оный чудно обложилъ
 Ужаснымъ множествомъ свѣшилъ;
 Числомъ и мѣрою и вѣсомъ
 Устроилъ звѣздные огни,
 И всѣхъ ихъ назвалъ именами;
 И всѣ, вращаясь надъ нами,
 Тебя повѣдаютъ они! —

Великъ пространствомъ непонятымъ
 Сей мѣръ, мѣръ славы и красоты;
 Но предъ Тобою необъятнымъ,
 Какъ капля упренней росы
 Съ высотъ сходящая на землю! —
 Къ Тебѣ, къ премудрости Твоей,
 Я силы всѣ души моей
 Со страхомъ, съ шрепетомъ подъяю:
 Но гибнушь силы всѣ въ Тебѣ! —

.....

.....

.....

Конецъ поставленъ всей природѣ,
 И всю ее разрушишь смершь;
 Померкнешъ блескъ на горнемъ сводѣ;
 Какъ риза обвѣшашъ швердь,

 Погибнуть съ шумомъ небеса,
 И ты свѣешь ихъ, какъ одежду;

Міры распашутъ, какъ мечты;
 Преставъ ошъ быспраго поляса,
 Исчезнутъ времена и лѣта:
 Единый пребывашъ Ты! —

.....

.....

На что ни обращаю очи,
 Во всемъ срѣпаешь Ты меня:
 Тебя я чпу въ сей звѣздной-ночи,
 Тебя въ лучахъ златаго дня,
 Тебя и въ бурѣ и въ зезирѣ,

Тебя въ войнахъ и въ кропкомъ мирѣ,
 И въ дивной царствѣ земныхъ судьбъ;
 Тебя я зрю во всей вселенной,
 Тебя я чувствую въ себѣ.

Послѣ нѣсколькихъ спрозъ, содержащихъ
 мысли и чувства, которыя должны бы были
 общими всемъ бесѣдующимъ съ Богомъ, По-
 вѣтъ заставляешь Петра прибѣгнуть къ
 Господу съ мольбою, о ниспосланіи себѣ му-
 драости и силъ — для управленія Россією.

Увы! горька державства сладость;
 Царей земныхъ великость — сонъ.
 Ты мнѣ веселіе и радость;
 Да не отступишь Твой законъ
 Отъ сердца моего во вѣки:
 И шамъ да слышу я всегда,
 Что пасшвы мояе спада
 Не токмо шѣ же человекъи,

Но паче братья моя;
 Что я всеобщий ихъ служитель,
 Что Ты, о крѣпкой Вседержитель,
 И мнѣ и онымъ Судя!

Содѣлай маніемъ всемогннмъ,
 Да я въ судѣ не знаю лицъ,
 Да буду помощь безпомощнымъ,
 Оспрада сирыхъ и вдовицъ,
 Благимъ — приближище надежно,
 И злымъ чадолюбиво спрөгъ.

Да не обрѣщется несчастный
 Во всемъ владѣнни моемъ!

Посли мнѣ свыше смыслъ пространный,
 И духъ мой въ силу облеку,
 Ничтожишь козни злобы бранной,
 Сражашь прошивные полки,
 Спасашь Россію отъ навѣстовъ,
 Надъ всеми царствами вознесъ,
 Разрушишь дерзости, зависти, лести...

Надъ всемъ же смѣхъ взываю слезно,
 Съ рабомъ Твоимъ не види въ судъ! —

Скончалъ моленіе ушами,
 Не кончилъ въ глубинѣ души,

Чувство не ведеръчиво: для него довольно
 и одного слова! Таково глаголь *бысть* въ 4 пѣ-
 снн въ сѣвдующей спрөгѣ. (Петръ, послѣ
 Полшавской битвы: говоришь о Карлѣ XII)

Режъ врагъ, кипящій злымъ навѣтомъ:
 Подъ солнцемъ власнь моя крѣпка!
 Пойду — и будешь надъ полесѣвомъ
 Моя господствовашь рука;
 Цѣпями прикую Россію
 Къ престолу моего сполпамъ,
 И дамъ покой моимъ спонамъ
 Возлегиши имъ ей на выю!

Но Богъ:

Вельмъ отъ выпреннго свода:
Да будетъ въ свѣрвь свобода!
 И свѣрвь восклицашь: *бысть!*

Въ расказѣ о Мазениной измѣнѣ (въ 3 пѣсни)
 Поэшь, обращаясь къ предателю, восклицашь:

И звѣрь срамляешя угрызнь
 Пыпающу его десницу —
 А ты! сокройся живъ въ гробницу!

Здѣсь умолчаніе сильнѣе всего, чѣмъ бы можно
 было сказашь. Въ эпюмъ же расказѣ другіе
 два стиха заславляють невольню задумашься:

Но, ахъ! сердца людей коварныхъ,
 Какъ бездны моря глубины!

Далѣе, тамъ же:

Гдѣ молнии швыи дремали,
 О небо! гдѣ косили швой громъ,
 Когда ошпунникъ день печали
 Простеръ, какъ плучу, надъ Петромъ?

Это самое пылакое израженіе живѣйшаго уча-
 стія, кошорое Поэшь передивашь и въ слу-
 шашелей.

О Мазепѣ Князь Шихматовъ вообще говоритъ въ стихахъ самыхъ сильныхъ, самыхъ грозныхъ! И такъ, хотя въ первой половинѣ нашего разбора мы, было, и отказались отъ выписокъ изъ четвертой пѣсни сей Поэмы, однако же здѣсь усупнаемъ недолимому для насъ желанію подѣлиться съ нашими читателями отрывкомъ, котораго ужаснѣе и въ самомъ Байронѣ не знаемъ! Мы хотимъ уничтожить упорное, долговременное предубѣжденіе и, какъ справедливо замѣтила намъ одинъ нашъ пріятель, даже не въ правѣ отказаться добровольно отъ средствъ, самыхъ дѣйствительныхъ къ достиженію своей цѣли!

Мазепа,

Злодѣйства ужасомъ гонимъ,
 Бѣжишь — и чаешь, что надъ нимъ
 Возлечься молніи грозовы,
 И мстительнымъ огнемъ пали,
 Испивашъ рушишеля закона;
 И что его, какъ Авирона,
 Поглотишь гнивая земля! —

Избѣгъ далече, небрегомый,
 Какъ вранъ, вишая по горамъ;
 Но совѣстью своей жегомый,
 Безмреть чувствую свой срамъ,
 Гнетомый злобой неусходной,
 Едва свободный воздохнушь,
 Невольно прерываешь пушъ.

Какъ шуча на скалѣ неплодной,
 Сидѣлъ онъ мраченъ и угрюмъ;
 И мысли черныя поспыдны,
 Какъ въ шерніе спышашъ ехидны,
 Спышашъ въ его нечистый умъ.

Какъ угль — въ немъ сердце пошемнѣнно;
 Проникнулъ пренешъ въ шукъ кошней
 И въ глубину души мяшешной;
 Онъ весь дрожитъ, какъ легкій листъ;
 И въ слухъ его, какъ вихрей свистъ,
 Шумишь гласъ мести неизбѣжной;
 И кровь имъ преданныхъ на смерть
 Спремишся на него, какъ море:
 Не смѣешь онъ, погразишъ въ горе,
 Возрѣшь съ надеждою на швердь.

Явнися свѣтомъ благодатнымъ,
 Какъ аспидъ кроешся во мглаъ,
 Носящій ужасъ на челѣ,

Клянешъ себя и всю природу;
 Въ очажъ его гусѣешъ ночь.

Но злодѣй взревѣлъ:

Отъ бездны сердца своего,
 И жизнь оставила его!

И Пѣвецъ вопиешъ въ слѣдъ оплашающей
 его душъ: „смертнѣю казнѣ шволя еще не кон-
 чилася:

Познаешъ позднее пошомство,
 Какъ жизнь, ошечество любя,

Твое предъ онымъ вѣроломство,
 И кляшвой проклянешь себѣ.
 Возстнуешь своѣ опшизна,
 Чшо въ ней пріялъ шы бышнє;
 И имя гнусное швое
 Злодѣямъ будешь укоризна.
 Измѣнникъ слову Божешта,
 Измѣнникъ долгу челоувѣка,
 Опъ рода въ родъ и родъ до вѣка,
 Ты будешь сраомъ естешва!

Се враны, привлеченны срадомъ,
 Разносятъ плошь его въ когшяхъ;
 И гады, дышущіе ядомъ,
 Гнѣздящся грудами въ косякахъ.
 Изъ нѣдръ, изъ устїа вершена,
 Шипящъ прижальныя зми,
 И всѣмъ шнщїя сіи
 Выщаютъ: здѣсь гнѣшь Мазена!
 Не зрюшъ вѣкъ красы весны
 Вокругъ сей дебри многобѣдной,
 И пушикъ пренешной и блѣдной,
 Вѣжшъ далече сей сграны!

Здѣсь оканчиваемъ свои довольно много-
 численныя извлеченїя, которыя однако же да-
 леко не исчерпали всей сокровищницы красотъ
 нашего Писателя. — Онъ привелъ насъ въ
 затрудненїе рѣдкое, но штъмъ болѣе для насъ
 прїятное: перечитывая одно мѣсто, мы
 вспоминали о другомъ, недоумывали, не знали,
 которое предпочесть: вопшъ безсомнѣнное
 доказательство истиннаго дарованїя! —

Скажемъ шеперь слова два о достоин-
 ствѣ цѣлаго шворенїя. — Мы уже видѣли,
 чшо въ ономъ мало эпическаго: но оно безъ
 сомнѣнїя, даетъ Князю Шихмашову право на
 одно изъ первыхъ мѣстъ между нашими Ли-
 риками и Поэтами - Живописцами. Лучшія
 пѣсни сей Поэмы, состоящей изъ 8-ми, по
 нашему мнѣнїю, 1, 4 и 6; самыя слабыя 5
 и 8; — но 2, 3 и 7 содержатъ въ себѣ много
 прекраснаго: въ особенноти просимъ нашихъ
 читателей прочесть въ концѣ второй, опи-
 санїе введенїя Пешромъ Наукъ и Художествъ
 въ Россїю, описанїе, принадлежащее роду
 весьма неблагоударному, ш. е. Поэзіи поучи-
 тельной: нашъ Поэтъ умѣлъ вдохнуть и въ
 сей опривокъ жизнь, движенїе, заманчивость!
 Далѣе въ 3 пѣсни, пушъ взглянушъ на изо-
 браженїе жесшожкой зимы 1708 года, зимы,
 которая, по словамъ Поэты, *на что ни
 дхнешъ, окаменешъ*; предъ которою враги
 Россїи *валются, каменныя трупы!*

Сравнивая языкъ Князя Шихмашова съ
 языкомъ другихъ нашихъ Спшхошворцевъ,
 находимъ, чшо оный всѣхъ ближе подходитъ
 къ языку Ломоносова, но новѣе, ибо пред-
 ставляетъ гораздо менѣе усщечей, небрежно-
 стей и, такъ называемыхъ, поэшческихъ
 вольностей; ударенїе на предпоследнемъ
 слогѣ, вмѣсто послѣдняго, въ спрадательныхъ

женскихъ и множественнаго числа причастіяхъ на *на* и *ны*, *ѣнна* и *ѣнны* вмѣсто *нѣ* и *нѣ*, единственная неправильность, которую себѣ нашъ Авторъ позволялъ посподняно, и то по образцу своихъ самыхъ спрогихъ предшественниковъ, Хераскова, Кострова, Ломоносова. Слогъ Поэмы: *Петръ Великій* нигдѣ не представляетъ нестропы, которую воспрѣчаемъ и въ лучшихъ сочиненіяхъ Сумарокова, ПЕТРОВА и даже Державина; нигдѣ слова и обороты Славянскіе не перемѣшаны въ оной съ низкими проспонородными, какъ по весьма часто случается у помянутыхъ Писателей.

Послѣ Ломоносова и Кострова, никто счастливѣе Князя Шихматова не умѣлъ слить въ одно цѣлое нарѣчія церковное и гражданское: переливы непримѣнны; Славянскія рѣченія почти всегда употреблены съ большею осторожностію и разборчивостію, въ послѣднія 25 дѣлъ конечно мы ошвыкали отъ нѣкоторыхъ, но въ этомъ напрасно кто вздумалъ бы винить нашего Автора!

И пакъ слогъ, (не во гнѣвъ ненавистникамъ нашего древняго опечесвеннаго слова!) вездѣ выдержанный, языкъ богатый, стройное, строгое стихосложеніе, множество прекрасныхъ живыхъ картинь, пареніе, рѣдко слабѣющее, избытокъ сильныхъ, непривор-

ныхъ чувствъ, вопль — по нашему мнѣнію, достоинства Поэмы Князя Шихматова! — Главнѣйшій недосмашокъ (отъ коего происходитъ и всѣ прочіе, какъ напр. слишкомъ поверхностное начерченіе дѣйствующихъ лицъ, даже самаго ПЕТРА, слишкомъ быстрые переходы отъ одного событія къ другому и, хотя не часто, однако же иногда, особенно въ 5 и 8 пѣсняхъ, примѣтная усалость) есть, какъ уже упоминаю, самый избранный Авторомъ способъ изложенія. Напрасно также искали бы въ его швореніи чудснаго, и вымысла *въ цѣломъ* (*). Отъ нихъ Поэтъ долженъ былъ ошказаться по самому свойству воспѣваемаго имъ предмета.

При всемъ томъ будемъ благодарны шворцу Поэмы, *Петръ Великій*, за трудъ, досель у насъ единственный, ибо ни Владиміръ, ни Россіяда Хераскова, ни даже начало Ломоносовою Пешряды не выдержатъ сравненія съ онымъ. У насъ конечно нѣтъ еще истинной народной Эпопеи; но лирико-эпическое пѣснопѣніе Князя Шихматова и по появленіи оной не упрощитъ цѣны своей, а нынѣ обязанность всякаго Русскаго

(*) Въ подробностяхъ мы находимъ изобрѣшеніе, въ расказахъ о бѣгствѣ и смерти Мазепы и объ единоборствѣ ПЕТРА съ Карломъ XII.

знать и помнить твореніе, какихъ у насъ не много! — Наша Словесность весьма еще не богата: прекраснымъ же не долженъ пренебрегать даже поэтъ, кому дано превосходное!

В. Кюхельбекеръ.

III.

ОБЩАЯ ЛИТЕРАТУРА.

О ДУХЪ ПОЭЗИИ XIX вѣка.

(*Окончаніе.*)

Наклонность къ мечтательности показалась сперва въ Романахъ. Дельфина и Коринна уже носятъ на себѣ нѣкоторыя ея оппечанки, но всего болѣе развернулась она въ твореніяхъ прехъ Писателей, которые, не смотря на разнообразіе своихъ гениевъ, сходятся однако жъ чрезвычайно мечтательнымъ выраженіемъ своихъ сочиненій. Вертеръ, Рене, Адольфъ, всѣ шрое повѣряютъ намъ движенія душъ своихъ, всѣ шрое въ живой картинѣ представляють безпокойство и поску жизни однообразной, безъ внешней дѣятельности, но мятежной внутри. Въ Вертерѣ есть что-то болѣе добродуш-

ное (*): сперва, полный надежды, онъ безъ недоувѣрчивости отдается мечтамъ юности, ему еще недоспаетъ омына жизни и свѣта, которые такъ жестоко его оппвергнули. Потомъ, покоренный бурной страстью, онъ показываетъ всѣ мученія любви. Любовь дала цѣль его жизни, и онъ бросаетъ ее, когда цѣль эта исчезла.

Двое другихъ уже разочарованы, уже испытывали все, или лучше сказать, почувствовали начатки желаній, которые никогда не могли осуществиться, и оспаялись съ неизлечимымъ отвращеніемъ къ жизни. Рене, мучимый нелѣпыми страстями, неушолимо жаждоу счастья и дѣятельности; ему шѣсно въ свѣтѣ ошъ условій общества, и онъ надаетъ онъ пустошны души, подъ шажестію безполезнаго бытія.

Адольфъ всегда въ одномъ и томъ же положеніи, счастливо развернутомъ, болѣе показываетъ намъ человека въ схваткѣ съ

(*) Замѣтимъ съ другой стороны, что сіе мнимое добродушіе цѣмъ опасно для молодыхъ чинашелей: оно болѣе *ослѣпляетъ* ихъ, увлекая за мечтами необузданной и преступной страсти, которая пылкаго Вертера сдѣлала самоубійцею. Сколько вредно чшеіе сего и подобныхъ Романовъ, это, къ несчастію, доказали уже многіе печальные омыны.

своимъ сердцемъ и съ своими предрасудками, чѣмъ съ обстоятельностью. Въ вѣрной, но печальной картинѣ, представляешь онъ съ рѣдкою пронизательностію, слишкомъ обыкновенными нравственными болѣзнями: въпреносность, нервышность, прошиворчія и причуды сердца человеческого.

Это изображеніе спрасней неясныхъ и лѣжныхъ, въ чемъ Шашобрианъ ошличался, возбудило, можешь быть, геній Байрона (*). Какъ достойно говоришь о семъ гордомъ и независимомъ геніи, о семъ характерѣ, кошорый горѣлъ негодованіемъ, видя счастье низосни, кошорый преслѣдовалъ лицезрѣтелю, мшишельными своими стихами! Спрасней ко всему великому въ судьбѣ человеческой, напушшувемый въ безпрестанныхъ повзкахъ по Европѣ безпокойствомъ генія и спрасней, онъ кончилъ свое поирше, обреченіемъ жизни и достоянія войнѣ за геройскій народъ, за возраждающуюся Грецію.

Эллины помѣстивъ въ число благошворителей и героевъ своей родины имя Байрона, кошорого Европа превозгласила уже въ числѣ своихъ величайшихъ Поэтовъ. Оригиналенъ, ибо онъ былъ онъ самъ, Байронъ во

2 (*) Гасконада !

всѣхъ своихъ швореніяхъ, изображалъ только одинъ характеръ; тайна его дарованія — писашъ своихъ героевъ по своему образцу.

Чайльдъ-Гарольдъ болѣе прочихъ носилъ на себѣ ошпечапокъ сего мечшашельнаго и безпокойнаго духа, кошораго ничто удвлевиворилъ не можешь, кошорый мучилъ желаніемъ разгадать загадку нашей природы и выпышываетъ у жизни ея тайну. И, спранная вещь! Онъ нравилъся, онъ привязывалъ къ себѣ, хотя и вовсе лишень романической занимательности. Вся Поэма состоилъ изъ разсужденій, изъ описаній перемѣшанныхъ, безъ обычнаго порядка, не имѣя иной связи, кромѣ направденія блуждающихъ его мыслей. Это разговоръ души самой съ собою, или съ предметами внѣшними. Порой, сквозь черную ненависть къ людямъ и горькія чувства, кошорыми онъ шпашъ себя, прорывалъ воспоминаніе души нѣжной; ашонъ нечаянный оборотъ. изумляетъ васъ; вамъ радостно узнать въ немъ себѣ подобнаго, найши въ немъ чувства, согласныя съ своими.

Другіе весьма счастливо пышались соединилъ Поэзію съ идеями философическими и религіозными. Разочарованный Поэтъ возвышается надъ бурною сферою спрасней; онъ берешъ за самыя высокія умозрѣнія поидній. Его умъ кружилъ безпрестанно около

великихъ запросовъ, шерающихся надъ колыбелью и могилою человека. — Тайны судебъ нашихъ, мракъ, облекающій наше происхождение, предчувствіе будущей жизни — вошь высокія мысли, одушевляющія Музу его, пишущія его дивныя видѣнія, и дающія жизнь его поэтическимъ разсужденіямъ.

Надобно однако жъ сознаться, что первѣйшій и самый поразительный недостатокъ сего рода есть однообразіе: безпрестанное *разглядываніе* предмета, который никогда не выходишь изъ самаго себя — подъ конецъ упомаяешь. Обращившись въ умозримельныхъ Философовъ, лица уже не дѣйствуютъ: они разсуждаютъ. Ихъ страсти, ихъ опасенія, ихъ надежды, кажутся, для нихъ не что иное, какъ курсы опытовъ надъ человѣческимъ сердцемъ. Это упонченности рода описательнаго, перенесенныя въ Метафизику. Легко можно предвидѣть, какую шоску наведеть подобное расположеніе въ послѣдствіи, и какъ вредно оно, напримѣръ, драматическому эффекту, который живеть движеніемъ, гдѣ сочинитель долженъ исчезнуть въ приключеніяхъ и между лицами.

Въ такомъ ослабленіи шрехъ поэтическихъ силъ, какой же источникъ оснаешь Поэзіи? Словесность можешь ли еще возродиться?

На это отвѣчаешь самое дѣло и опыты. Нынѣшнія общества, благодаря многимъ хранительнымъ началамъ, въ числѣ коихъ довольно назвать книгопечатаніе, имѣють единственное преимущество въкорымъ образомъ молодѣть, прошедши сквозь опыты въковъ, и дѣлать безпредѣльно свое существованіе, и стало бытъ развитіе людскихъ умовъ. Италія въ измѣненіяхъ своей Исторіи, можешь считать при возраста Словесности: первый, означенный природною силою среднихъ въковъ: Дантъ былъ его предшавителемъ. Попомъ, послѣ въковаго промежутка, Аріостъ и Тассъ оказали воображеніе, обновленное чтеніемъ Древнихъ; наконецъ въ вѣкъ философическаго свѣта, возвышенность мыслей и мужественное краснорѣчіе Альфери, и понкость замѣчаний Гольдони замѣняютъ сокровища воображенія, начинающаго испощаться.

Говорять, что молодость народовъ есть единственный возрастъ для Поэзіи; но взглянише на Англію: въ ней старый, богатый, торговый, холодный и расченливый народъ, опытный въ искусствахъ и самомъ упонченномъ просвѣщеніи, въ печеніе 20 лѣтъ спалъ богаче испинными Поэтами, чѣмъ когда нибудь. — Изъ всѣхъ принадлежностей умовъ высокихъ соснавилъ школу одинъ изъ ихъ

Писателей. Въ немъ мы находимъ все характеры новой Поэзіи. — Онъ обновилъ все роды: Романъ, Исторія, Эпопея, Трагедія, все было или все будетъ употреблено имъ по своему. Столь же искусный въ познаніи сердца человѣческаго, какъ и въ живописи харшинъ природы, Вальшерь-Скопшъ не оскорбляетъ истины. Обширный геній его переноситъ оную во времена прошедшія, имъ оживляемыя. Историческія воспоминанія, преданія народныя — вошь источникъ, опхоль, по его примѣру, можно извлекать занимательность и вдохновеніе.

Исторія часто ограничивалась очерпаніемъ всеобщихъ происшествій, измѣненій Правленія, судьбы людей знаменитыхъ, но никогда не выводила на сцену участи самихъ народовъ. Историческій же Романъ, таковъ, какъ сотворилъ его Вальшерь-Скопшъ, спашь справедливѣе самой Исторіи, предшавляя то, чего никогда она не высказывала, ш. е. частную жизнь націй, ихъ нравы, шму ихъ обычаевъ, повѣрьевъ и понятій, образующихъ характеръ народа и физиономію вѣка. — Во Франціи многія шворенія, замѣшныя по необычайнымъ краскамъ, доказываютъ уже подобный переворотъ въ Науку Исторіи (*).

(*) Довольно упомянушь объ Исторіи Герцогъ

Мы намѣкнули уже о нѣкоторыхъ причинахъ, дѣлающихъ сочиненіе Поэмы Эпической затруднительнымъ, если не вовсе невозможнымъ. А Вальшерь-Скопшъ показалъ, что въ этомъ родѣ прилично нашему времени: Иванаго есть наслоящая Эпопея среднихъ вѣковъ. Авторъ сводитъ въ ней Саксоновъ и Нормановъ, начиная отъ знашныхъ Бароновъ до раба — свинопаса, и раскрываетъ предъ нами состояніе разныхъ классовъ общества, которыхъ заспало завоеваніе. — Блиспательные турниры побѣдителей, дышныя замки побѣжденныхъ, ихъ праздники, шхъ суевѣрія — все изображаетъ намъ нравъ древней Англіи, и неволью припоминаешь многія сцены изъ Одиссеи.

Даже самое чудесное, казалось вовсе заброшенное нашимъ вѣкомъ, появляется въ игривыхъ его выдумкахъ. И съ какимъ искусствомъ онъ употребляетъ его! Какъ онъ умѣетъ пронушь въ насъ струну суевѣрія! Надъ всемъ, въ чемъ есть наружность сверхъестественнаго, онъ просшираетъ какой-то пайный покровъ, какой-то мрачной шуманъ — для шщи души, столь жадной къ чудесному,

говъ Бургонскихъ (Г. Баранша) и нетерпѣливо ожидаемомъ швореніи, Г. Тіери, о завоеваніи Англіи Норманами.

хоня и допуская естественную тому раз-
визку, для удовлетворенія ума, кониорый ина-
че могъ бы оскорбился. У него объ сѣи на-
клонности удовлетворены попеременно: онъ
разрѣшилъ шрудную задачу, какъ должно со-
глашать просвѣщеніе съ потребностями во-
ображенія. Франція ищетъ и теперь испориче-
ской Трагедіи: В. Скопиль далъ образецъ оной.
Геній его драматическій въ высшей степе-
ни, даетъ жизнь и дѣйствіе всѣмъ лицамъ.
У него все въ движеніи, все совершается пе-
редъ нашими глазами, и даже эти долги раз-
говоры, смолько кришикованные, служатъ
всегда къ объясненію характеровъ или поло-
женій. Онъ первый извлекъ Поэзію изъ умо-
зрѣній, въ конпорыхъ она понула. Онъ воз-
вратилъ жизнь существамъ человѣческимъ.

Его Пуритане, гдѣ страсти и харак-
теры развиваются опъ двойнаго фанатизма
междоусобной войны и вражды за Вѣру, мо-
гутъ указать намъ короткія связи, соединю-
ція Историю съ Трагедіею, и источникъ,
изъ коихъ Театръ можешь почерпнуть за-
нимательность прочую, мужественную,
разнообразную. Онъ учишь насъ изгонять ро-
манизмъ, пустыя условія, и эти ребяческія
переряженія, гдѣ историческаго и естѣ шоль-
ко что имена. Черезъ-чуръ долго прагиче-
ская Муза наша облакалась шо Римскою по-

гою, шо Греческою мантіею. Наклонность
къ дѣйствительному приводишь насъ къ соб-
ственной Историі (*), и всенародный успѣхъ
ожидаетъ шаланта, конпорый рѣшился слѣ-
довать внушенію народнаго духа. Въ Кениль-
ворпѣ можно найши начала для высокой Ко-
медіи. Съ какою истиною описаны шамъ фа-
воритизмъ и спашпи, приведенныя въ игру
двойною пружиною честолюбія и любовныхъ
связей!

Насмѣшливый умъ Французовъ, при те-
перегнемъ возобновеніи общества, требо-
валъ бы политической Комедіи. Конечно
намъ не надобно своевольства Аристофановъ,
его прямыхъ примѣненій и личныхъ напа-
докъ — но и кромѣ того, естѣ много вещей,
могущихъ служить невиннымъ предметомъ
для сапирического наблюденія. Изгнанная
со сцены живописис нравовъ развернулась въ
Романахъ: она можешь пріюпиться и въ
пѣсняхъ. Приключенія свѣскія, порокъ и
смѣшное — могутъ бышь описаны и пре-
сладуемы въ нихъ насмѣшкою или негодова-
ніемъ. Въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ,
умъ вездѣ оказалъ невѣроятные успѣхи. Но-
вые вопросы, родившіеся опъ новыхъ поло-

(*) Пора бы и намъ, Русскимъ, за шо же взять-
си. Прим. Перег.

женій, пустили въ ходъ множество новыхъ понятій. Искусства и Словесность не могутъ остаться назади. Переворотъ проявился теперь даже въ Живописи; Поэзія въ свою очередь сбрасываетъ съ себя иго преданія. Уже начинаютъ познавать двойную зависимость, изгоняющую изъ нашей Литературы природу, и похищающую у нашей Поэзіи все ея народное выраженіе. Понимаютъ уже, что Трагедія, напр., должна быть для всего общества, и представляли его безъисключительно.

Отъ чего происходитъ, что у насъ нѣтъ ни одной Баллады, ни одной пѣсни народной, которая, впечатываясь въ памяти людей — хранила бы преданія бѣдствій, ихъ поразившихъ, или даже прогашельныхъ происшествій, часто случающихся въ быту низшихъ сословій? Во всякой другой землѣ Палезоская служанка получила бы политическую поминку. Пробѣгите малѣйшія деревни Швейцаріи, спросите послѣдняго крестьянина: найдете ли вы хоть одного, который бы не запретаалъ при имени Вильгельма Теля или Винкельрида? Отъ чего же во Франціи имя Юанны д'Аркъ, героини, которой языкъ Греціи воздвигла бы алтари, не имѣетъ равнаго очарованія? Отъ чего могло оно только произвестъ — глуные стихи Шапелена или развратную Поэму Вольшера? Отъ чего

Французы могли безъ гнѣва видѣть пародію героическихъ временъ своего отечества? Съ горькимъ сожалѣніемъ надобно признаться, что у насъ не было народныхъ воспоминаній, а народныхъ воспоминаній не было отъ того, что не было народа. Онъ оставался внѣ Литературы. Да и сама Литература была академическая, которой двойной характеръ состоялъ только въ педагогическомъ подражаніи и церемонномъ этикетѣ. Теперь нравы, мысли и порядокъ вещей другіе: мнѣнія въ Полицикль и въ Словесности раздѣлились. И сія послѣдняя въ нерѣшимости. Старыя привычки и новыя потребности противорѣчатъ другъ другу. Куда склониться?

Мы не говоримъ: Подражайте варварству, вмѣсто списыванія Грековъ. Дѣло идетъ не о томъ, чтобы подражать Шекспиру, но о томъ, чтобы сочинять сходно съ духомъ нашего вѣка, какъ сочинялъ Шекспиръ для своего. Будемъ ровесники нашему времени! Подражаніе не произвело ничего великаго. Правила плащатся слѣдомъ за гениемъ, гений спрашивается только своихъ силъ. Отъ сего-то нѣтъ гениевъ безъ оригинальности, нѣтъ оригинальности безъ самобытности. Правда, мнимые преобразователи не ловко взялись за дѣло. Но неужели жъ за то, что одинъ, ища простоты, властъ въ пло-

щадность и юродство, что другой выдавалъ спрванное и напыщенное за оригинальное, должно изгнать всякое благое нововведение?

Самая лучшая сторона нашей эпохи — есть всеобъемлющая сила, которая совокупляетъ во едино все почки зрѣнія, вмѣщаетъ въ себя все системы. Зачѣмъ жертвовать предразсудкамъ столь мелкимъ? право всему есть просторъ на свѣтъ. Однимъ словомъ: если есть вѣчно прекрасное, основанное на неизмѣнныхъ законахъ нашей природы, на неразрушимыхъ чувствахъ сердца человеческого, и если со всемъ шѣмъ его наружные виды, примененные къ климату, къ нравамъ, къ постановленіямъ, измѣняются соответственно времени и мѣсту — то будемъ удивляться оному въ твореніяхъ гения, подъ какою бы формою оно ни являлось.

Арто. (Artaud)

Пер. А. Б.

АНТИКРИТИКА.

Г о с п о д и н у С

Сожалю, Господинъ С , что мои замѣчанія, написанныя собственно для васъ съ добрымъ намѣреніемъ, приняты вами, какъ видно, именно въ ту самую минуту, когда вы меньше всего были сговорчивы на признашельность. Если бы вы дѣйствительно назвали мою Антикритику неспоряющею вашего возраженія, потому, что *Сочинитель ея*, какъ вамъ угодно было выразиться, *ничего не доказалъ* и проч . . . , то въ такомъ случаѣ следовало бы вамъ совсемъ ничего не писать о ней, ибо читатели, при такой *по вашему ясности*, увидѣли бы сами, кто правъ и кто виноватъ; или писать, но только гораздо съ болѣею основательностью, а не такъ, какъ вы это сдѣлали, т. е., не опровергнувъ, ни въ какомъ отношеніи, сдѣланныхъ мною вамъ замѣчаній и даже не подкрѣпивъ собственныхъ своихъ сужденій обо мнѣ, ни однимъ доводомъ или примѣромъ. Вы *обнаружили* своимъ „*краткимъ ответомъ*“ одну только наспойчи-

вось и привязанность къ мнѣніямъ, однажды уже вами сказаннымъ, хошя и несправедливымъ. Разумѣясь, М. Г., что мнѣ на все эпо вамъ ошвѣчашь нѣчего, а изъ уваженія къ читателямъ Сына Отечества, даже не должно: я шакъ и дѣлаю. Что же касается до новаго открытія вашего, будто въ переводѣ Г. Ранча господствуетъ еще какое-то частое повпореніе *фигуры удержанія*, то и эту выходку я шакже оставляю безъ всякаго вниманія; но признаюсь, при сей вѣрной оказіи, не могу вовсе лишиться себя удовольствія и не поздравить васъ въ новомъ званіи Корифея *большинства голосовъ* читающей публики. Препывайте счастливо въ *этомъ стройномъ чинѣ!*

Неудивительно шакже, что Логикѣ мою называеете вы *тяжелою*, ибо весьма естественно называшь по шажелымъ, что намъ не по силамъ; но удивляюсь, отъ чего показалось вамъ спраннымъ положеніе, сказанное мною о формѣ *вообще* въ Изящномъ Искусствѣ. Вы вѣроятно меня не поняли, а пошому и имѣли неосторожность пусшиться въ изложеніе собственныхъ своихъ обѣ эпомъ мыслей — напрасно попоропились, Господинъ С.....! — Не угодно ли вамъ побесѣдовашь шеперь со мною поподробнѣе? Только прошу не гнѣвашься, ежели я, при-

нужденъ буду сначала объяснить для васъ *идею Художника*, пошомъ *формы Изящнаго Искусства*, а наконецъ замѣчаніями на ваши собственные мнѣнія, доказать, что вы изволили сморшрѣть на Искусство не съ надлежащей почки зрѣнія.

Изящное Искусство въ благороднѣйшемъ своемъ значеніи не есть, М. Г., простое ремесло, а высокое достоиніе челоука, утвержденное во внутреннемъ бытіи его; оно не можетъ зависѣть непосредственно отъ предметовъ внѣшнихъ, какъ вы его понимаете, но, выходя отъ начала гораздо вышшаго, имѣетъ и стремленіе себѣ соотвѣтствующее. Идея красопы, или *изящное*, только идеально нами понимаемое, составляетъ главное условіе Искусства, осуществляется Художникомъ въ его произведенія, которое и носить название изящнаго шолько пошому, что проникнуло сею идеею; но будучи лишено сего преимущества, оно становится ничтожнымъ: ибо Художникъ, шворщій безусловно, единшвенно по непреодолимому для него побужденію, еще прежде исполненія можетъ въ душѣ хранить свое швореніе во всей полношѣ его, а пошому и наслаждашь имъ безъ существеннаго воззрѣнія. Идея красопы, идея Художника сушь одно ш то же, и шак-

ва по важность оной въ художественномъ произведеніи.

Когда Художникъ представляешь свою идею въ видимости, облакая ее въ формы, изъ природы взятыя (*), т. е. когда онъ, желая сдѣлать твореніе своей фантазіи для насъ доступнымъ, образуетъ оное въ законахъ природы; то сіе значить, что онъ, удѣляя намъ, шакъ сказать, благороднѣйшую часть самого себя, прибѣгаетъ къ средствамъ, ему, какъ человѣку, возможнымъ и проявляетъ свою идею подѣ формою бытія и въ границахъ нашего возрѣнія (понятія). А какъ сіи формы, въ природѣ для насъ существующія, суть или видимыя (имъ соотвѣтствуетъ *пространства*) или духовныя, (*время*), то посему идея красоты (идея Художника) осуществляется въ произведеніи или только *отдѣльно* подѣ формами перваго и втораго, или обоихъ вмѣстѣ. Отсюда раздѣленіе Изычныхъ Искусствъ на *образовательныя* (Пластикъ), *Музыку* и *Поэзію*, которыя, по началу, существенно составляя одно Искусство, различаются *взаимно* только формою или средствомъ, которое Художникъ, *сообразно своему характеру* избираетъ для *выраженія* своей

(*) А вы это называете совершенствованиемъ предметовъ (?!).

идеи, точно шакъ, какъ духъ возрѣнія Художника на міръ Искусствъ, какъ правило въ практической жизни имъ, развитое, опредѣляетъ *стиль* его произведеній.

Понятно ли вамъ теперь то, что мы называемъ *вообще* формою Искусства, и не очевидно ли слѣдуетъ изъ всего вышесказаннаго, что идея Художника (Поэта, Зодчаго, Музыканта) есть существенное въ его произведеніи, есть главный предметъ Искусствъ, или, говоря вашими, Господинъ С. . ., шерминами, она есть *вещь иррациональная* (*), между шими, какъ форма, какого бы рода ни была оная, всегда останется подчиненною идеѣ; ибо есть только средство къ ея проявленію? — Наблюдая съ этой точки Художника, его идею и произведеніе, я оказалъ (не любя безопытности), что *форма вообще въ Изычныхомъ Искусствѣ есть обликъ* (частное Искусства), *въ которомъ Художникъ представляетъ свою идею, сотворившюся по способу возрѣнія его на предметы*, и сказалъ, какъ кажется, справедливо, а вы, М. Г., не знаю почему, шощастъ мнѣ въ укоръ и

(*) Признаюсь, что я весьма не охотно повторю здѣсь слово: *вещь*, но дѣлаю это въ угожденіе моему Рецензенту, желая сблизиться съ его понятіями.

начали дѣлать выписки изъ собственной своей Теоріи, въ которой значить: „1. *Идеа Художника есть усовершенствованіе, сообразное понятіямъ Художника, предметовъ существующихъ въ природѣ.*“ А скажите намъ, на чемъ основывашъ будешь эгошь вашъ Художникъ пребуемое вами опъ него усовершенствованіе, не получивъ опъ природы никакого къ тому средства, и почему будеть ему извѣстно, что избранные имъ предметы не совершенны, и что онъ въ состояніи сдѣлать ихъ лучшими? Понятія же его о предметахъ, въ силу вашего положенія, должны бытъ одинаковы съ понятіями всѣхъ, но вѣдь мы не всѣ Художники. Припомъ, Господинъ С..., прошу васъ замѣнить, что въ природѣ все совершенно, хотя между совершенствомъ естественнымъ и совершенствомъ искусственнымъ есть *разница*. Я сказалъ бы вамъ нѣсколько словъ объ этой разницѣ, но боюсь, что эго завлечешъ меня за предѣлы — *журнальной статьи*. — „2 Форма не есть *вещь* (*) *второстепенная, а главный предметъ Искусствъ; и Художникъ ничѣмъ другимъ не можетъ изобразить (!?) своей идеи, какъ только видимыми формами.* Положимъ, что

(*) Опять вещь! —

эго правило ваше можно было бы еще какъ нибудь отнести къ Ваятелю, Живописцу и Зодчему, въ примѣръ шупъ же вами представленнымъ, но что остается дѣлать съ нимъ Музыканту, для котораго, къ несчастію, не существуетъ въ природѣ *формъ видимыхъ*? По вашей теоріи онъ есть существо химерное, и вовсе неимѣющее права называться Художникомъ. — Что скажешь послѣ такого сльдствія?...

Научишься же, М. Г., изъ этой неудачной попытки вашей, сочинишь теорію, быть въ послѣдствіи осомришельнѣе и ошнудъ не объявляйше мнѣній своихъ, о чемъ бы шо ни было, безъ предварительнаго соображенія; иначе *хлопотъ не оберется*. А въ заключеніе бесѣды, прошу васъ, возмише назадъ Лапкинское изрѣченіе: *Non omnis Graeculus Homerus!* — Оно годится вамъ для примѣненій.

В.

Москва.

P. S. Можешъ бытъ, вы, еще *что нибудь* напишешъ; на эго скажу, что я опшвѣчаю вамъ буду шолько тогда, когда написанное вами найду *дѣйствительно дѣльнымъ*.

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА.

Сношения Португаліи съ Бразиліею.

Въ Придворныхъ Лисабонскихъ Выдомостяхъ, напечатанъ Манифестъ слѣдующаго содержания:

„Разсматривая нынѣшнія сношенія Португаліи съ Бразиліею, и спранныя несогласія, возникшія между сими двумя Государствами, всякъ легко можешь видѣти вліяніе обстоятельство, хотя и не касающихся до сихъ земель непосредственно. Сии обстоятельства произошли отъ революціоннаго состоянія, господствовавшаго въ Европѣ болѣе тридцати лѣтъ, коего ужасные слѣды до сихъ поръ еще не все изглажены. Усиліями великихъ Союзныхъ Державъ Европы и правиломъ возстановленія законныхъ властителей, установленъ источникъ возмущеній, который въ печеніе многихъ лѣтъ, повергали сію часть Свѣта въ печаль и уныніе, погребали народы подъ развалинами алтарей и престола, и предуготовляли цѣлыя стольшія варварства и бѣдствія, распространены безправственностію, разрушеніемъ собственности, древнихъ обычаевъ и миролюбивой деятельности. Сей духъ разврата и истребленія,

изгнанный изъ Европы, разлился по другому полушарію, и тамъ, за предѣлами океановъ, надѣялся найши убійнице отъ преслѣдованій тенія, побѣдившаго его въ Старомъ Свѣтѣ; тамъ и нынѣ питаешь онъ дерзновенныя надежды, и явно возстае на правила законнаго обладанія и общественнаго порядка. Прибытіе Е. В. Короля Португальскаго въ Бразилію въ 1808 году озарило лучами новаго живительнаго солнца шу страну Государства. Новая жизнь распространилась по сей прекрасной землѣ. Король, всегда милостивый и великодушный, слѣдовалъ правиламъ просвѣщенной политики, пріѣвъ намѣреніе употребити, къ возвышенію Бразиліи, все состоявшее въ его власти средства, въ увѣреніи, что благоденствіе подданныхъ составляетъ надежнѣйшую опору власти и славы Государей, и что богатство и благосостояніе Бразиліи шнѣе соединять ее съ общимъ опечестивомъ. Король, слѣдуя симъ благороднымъ и мудрымъ намѣреніямъ, даровалъ Бразиліи все шѣ учрежденія, которыми обезпечена независимость сей земли въ важнѣйшихъ отрасляхъ управления, какъ-то: въ судопроизводствѣ, въ спосишествованіи внутреннему благосостоянію, въ распространеніи промышленности, земледѣлія, торговли, судоходства, тогда же освобожденныхъ отъ

всякаго ограниченія. Въ 1815 году, возвысилъ онъ Бразилію на степень Королевства. Изъявленія одобренія, радости и благодарности, шоржественныя приянги въ храненіи вѣчной вѣрности и преданности, коими Бразильцы ознаменовали сіи благодѣянія, будущъ внесены въ лѣтописи сей страны, и послужашъ неоспоримыми доказательствнами чувствъ, одушевлявшихъ ихъ въ по время къ высокому ихъ Благоворителю. Неужели сей великій Монархъ подавалъ имъ когда либо поводъ къ измѣненію сихъ чувствъ и даже вѣрности, копорю они были ему обязаны? Отнюдь нѣтъ! Между шьмъ Португалія, врожденною вѣрностію и геройскимъ мужествомъ обитателей своихъ, и при пособіи древнихъ союзниковъ, вновь пріобрѣла свою независимость, возстановила свой престоль, и опмстила за посрамленіе: побѣдоносныя знамена сего Государства перешли черезъ берега Гаронны, за предѣлы Испаніи, для низверженія виновника бѣдъшвей нашихъ. Португалія боролась съ шьмочисленными зашрудненіями, копорыя начались опъ данишнихъ несчастій, и усидились новыми жершвами и налогами во время вшорженія непріяшельскаго въ 1807 чрезвычайными усилями, происходившими опъ самыхъ побѣдъ нашихъ, и шьмъ состояніемъ истощенія и

изнуренія, въ которое повержена была вся Европа, долговременною упорною войною. Си зашрудненія возбудили въ злоумышленныхъ Португальцахъ и другихъ лицахъ, сообразныхъ кознями Машежной шайки одного сосѣдственнаго Государства, пресступную мысль, что они избьгнушь сихъ бѣдъшвей, приняіемъ того пагубнаго преобразованія, которое они, вопреки правамъ самодержавія, покусились установишь на будущія времена въ злосчастный день 24 Августа 1820. Въ ослѣпленіи своемъ не видѣли они, что избранныя ими революціонныя мѣры возжгушь въ ихъ опечесствъ междоусобную войну, что они сами сдѣлаются первыми оной жершвами, и что, желая опвраишь настоящее зло, они преисполняшь мѣру опаго, произведеніемъ революціи, ш. е. всеобщаго превращенія вещей. Геній хранишель Португаліи, доспославный Монархъ сего Государства, явилъ новый примѣръ милосердія, пріявъ геройское намѣреніе, оставишь послѣ четырнадцатилѣтняго спокойнаго пребыванія Бразилію, гдѣ умѣренность и испинно опеческое царствование содѣлали его предметомъ искреннѣйшаго уваженія народовъ. Не взирая на выгоды, коими шамъ наслаждался, и на зашрудненія, ожидавшія его по сию спорону океана, приблизился онъ къ жерлу машену

жа, для прекращенія вредныхъ онаго дѣйствій. Американцы съ глубокою горестію видѣли отъѣздъ Государя своего, и всѣ, присутствовавшіе при сей печальной разлуцѣ, были свидѣтелями униженія, въ каковомъ Е. В. разстался съ своимъ возлюбленнымъ Бразильскимъ народомъ. Исполненіе важнѣйшихъ обязанностей, и тяжкія заботы, сопряженныя съ блескомъ короны, возложили на совѣспъ Короля необходимый долгъ; поспѣвши на помощь подданнымъ не менѣе ему любезнымъ, коихъ положеніе въ то время казалось ему сомнительнымъ. Онъ одинъ могъ положить предѣлы спраданіямъ, угрожавшимъ колыбели Португальской Державы. Онъ оставленъ въ Бразиліи Свѣтлѣйшаго Сына своего, Наслѣдника престола, Властителемъ-намѣстникомъ, поручаетъ ему правленіе въ отсутствіи своемъ, и снабжаетъ его неограниченнымъ полномочіемъ, пошребнымъ для поддержанія дарованнаго ему званія, и изложеннымъ въ повелѣніи Е. В. и въ инструкціяхъ отъ 18го Апрѣля 1821. Е. В. простеръ попеченія свои до той степени, что принялъ мѣры касательно управленія симъ Государствомъ и на тошъ случай, когда бы, по несчастнымъ и непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, отъ коихъ да сохранишь Богъ, пре-

кращалась жизнь Свѣтлѣйшаго сына его. Могъ ли Е. В., при отъѣздѣ своемъ, оставивъ убѣдительнѣйшія доказательства любви и попеченія? Король, по прибытіи своемъ въ Бразилію въ 1808, уничтожилъ колониальную систему; во время пребыванія своего въ сей странѣ, установилъ онъ всѣ шѣ учрежденія и законы, коими обезпечивалась независимость управленія оной, какъ особеннаго, имъ оставленнаго Королевства; даровалъ оному правленіе, которое, сколько возможно было безъ ограниченія полныхъ и нераздѣльныхъ правъ самодержавія, получило отъ него обширнѣйшее полномочіе, и которое, подъ предѣдательствомъ Принца, должно было утвердить благоденствіе Бразиліи. Послѣ столь многихъ доказательствъ всемілосердѣйшаго вниманія, коимъ Бразилія безъ содѣйствія какого-либо чуждаго вліянія была обязана единственно собственной воли Государя, его врожденному добродушію и благотворительной, возвышенной политикѣ, коей все царствованіе Е. В. являетъ непрерывный рядъ очевидныхъ примѣровъ; — могла ли возникнуть мысль, что Государь сей, который привелъ въ дѣйство столь блистательный порядокъ вещей, изблвльннми счастливейшими предзнаменованіями, и который столько же отличился мудросію законода-

пелства своего, сколько и совѣстнымъ соблюденіемъ благородныхъ правилъ своихъ, охраненіе коихъ онъ вѣрилъ рукавъ Принца ближайшаго его сердцу, и къ кому онъ былъ привязанъ неразрывными узами священными, рукавъ ѣжно любимаго сына, наслѣдника его короны и прѣвъ, копорыя онъ послѣ переедалъ ему — могла ли возникнуть мысль, что сей Государь отспунитъ отъ своихъ правилъ, и равнодушно будетъ взирать на разрушеніе сего памятника славы и дальновиднаго попеченія своего, памятника, копорый перейдетъ въ лѣтописяхъ славы къ опдаленнѣйшему пошомству? Всему міру извѣстно, что Король прибывъ, въ Португалію, 3 Іюня 1821, нашель Королевскую власшь свою въ рукахъ похитишелей, и что сїи прошивозаконные Кортесы обнародовали шо неоспорожное объявленіе, копорое призывало Принца Донъ Педра обрашно въ Европу, и съ копоры были сопряжены другія насильственныя мѣры, имѣвшія цѣлію разрушеніе зданія, воздвигнушаго мудростію Королевскою, и распространеніе въ Бразиліи шого же возмущенія и беззаконіе, въ копорыя они повергли Португалію. Все сїе клонилось къ уничтоженію Королевской власши и къ разрушенію Государства, и основывалось на прошиворѣчицкихъ между собою правлахъ и теоріяхъ,

копорыя были споль же несомѣстны съ общимъ порядкомъ вещей, сколь нагам и пагубны. Весь Свѣтъ былъ свидѣшелемъ шого геройскаго постоянства, съ коимъ Король переносилъ всѣ сїи безумныя нападенія, и шой высокой умѣренности и дальновидности, съ коими онъ ожидалъ шого мгновенія, въ копорое народы должешествовали опречся отъ сїихъ заблужденій. Сїе вождельное возвращеніе народовъ на путь истинный воспослѣдовало скоро, и Е. В., пользуясь первыми минушами славнаго возстановленія своихъ Королевскихъ правъ, подтвердилъ всѣ благошорительныя учрежденія въ Бразиліи, и, въ качествѣ ѣжнаго опца и милосердаго Государя, пошановилъ безусловные предѣлы всѣмъ распрямъ на моръ и на сушь. Онъ былъ пришомъ совершенно уврѣнъ, что народы Бразильскіе будущъ благословлять сїе возстановленіе правосудія и законности, и сїе возобновленіе Королевской власши примушь съ живѣйшимъ воспоргомъ, копорый бы долженъ былъ воспламениться въ сердцахъ ихъ любовію и благодарностію къ благошорителю за крошкое и великодушное царештованіе его, и что они возвращающъ подъ его Державу, отъ коей отлажились, гонимые революціею. Благородныя, великодушныя и онкровенныя мѣры, принятыя при семъ случаѣ власшію Е. В.;

были шакого рода, что могли бы обезоружить даже самыхъ враговъ; *тѣмъ болѣе* *долженствовали бы они привести къ повинности подданныхъ, обязанныхъ къ вѣрности сильнѣйшими, наслѣдственными и ближайшими отношеніями.* Послѣ всего сказаннаго, полагаемъ неизлишнимъ упомянуть о разности, которая существуетъ между основными причинами оплошенія Бразиліи и обстоятельствомъ, соутствующими оппорженію Испанскихъ колоній: сіи причины, по сходству средствъ, употребляемыхъ повсюду къ воспаленію мятежа, были часшо смѣшиваемы. Привиллегіи и независимое управленіе Бразиліи уже давно были утверждены законнымъ Государемъ ея, когда она возсала противъ его власпи. Сія революція не могла имѣть цѣлю вынужденія какой либо милости или привиллегіи, копорю бы Бразиліи уже не пользовалась опъ щедрости своего великаго Государя. Народы Бразилъскіе не знали бы, что отвѣчать на вопросъ: чѣмъ Король Іоаннь VI подалъ имъ поводъ къ негодованію, и по какимъ причинамъ сіи невинные и опкровенные подданные сптали ему чужды? Взвѣсивъ на всахъ правосудіи взаимныи обязанности народовъ и Государей, найдемъ ли какой либо законъ, копорый бы не охранялъ священныхъ и не-

нарушимыхъ правъ самодержавія, особенно же въ случаѣ подобномъ нынѣшнему, когда сопряжены съ онымъ снисхожденіе, великодушіе и геній благошворительности, кои содѣлываютъ Короля истиннымъ опцемъ своихъ подданныхъ? Сколь жалко и злосчастно было бы опщество человѣческое, когда бы священный союзъ народовъ и законныхъ Государей ихъ, союзъ, составляющій душу сего опщества, подвергался превратнымъ прихотямъ и вихрю мятежей? Чшо бы сдѣлалось при такихъ правилахъ изъ непоколебимости престола, изъ спокойствія народовъ? При столь правосудномъ распоряженіи, при готовности къ примиренію, бѣдственное разгласіе, изливающее притворное дыханіе свое на родственныи отношенія Португаліи и Бразиліи, должно вскорѣ прекратиться. Будемъ надѣяться, что очевидныи и опкровенныи доказательства милости и благосклонности, явленныи Е. В. Королемъ Бразиліи, усиленныи могущимъ гласомъ священныхъ узъ природы, вновь обращающъ къ всемилосивѣйшему Монарху данъ шѣхъ чувствованій, копорыхъ онъ въ правѣ ожидать опъ обитателей сего Государства, пользовавшихся споль многими доказательствами его милости и любви. Благородство и долгъ, конечно возбуждшъ сіи чувствованія, копо-

рѣя будущъ имѣшь равное вліянія на благо-
денствіе Бразиліи и на счастіе Португаліи.“
(Изъ *Berl. Z.* No 189.)

VI.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ
БИБЛИОГРАФІЯ.

Н О В Ы Е К Н И Г И :

1 8 2 5.

49. *Опыты духовныхъ стихотвореній.*
*Соч. Князя Платона Ширинскаго-Ших-
матова С. П. 6. 1825,* въ шип. Импера-
торской Россійской Академіи, въ 8, 20 стр.
(См. No 93 Сѣв. Пч.)
50. *Два Ивана или Страсть къ тяжбамъ.*
Соч. В. Наръжнаго. Три части. М. 1825,
въ Унив. шип. въ 8, въ 1 ч. 135, во 2й
117, въ 3й 152 стр.
(См. No 94 Сѣв. Пч.)
51. *Эмма и Эгннаръ или мщеніе Карла
Великаго. Повѣсть, Мильвога. Пер. Дм.
Гл. М. 1825,* въ шип. А. Семена въ 8, V
и 3о стр.
(См. No. 95 Сѣв. Пч.)
52. *Правила для благородныхъ обществен-
ныхъ танцеевъ, изданныя Учителемъ тан-
цованія при Слободско-Украинской Гим-
назін, Лудовикомъ Петровскимъ.* Харь-
ковъ, 1825, въ Унив. шип. въ 8, 140 стр.
(См. No. 96 Сѣв. Пч.)
- Конецъ сто второй части.

О Г Л А В Л Е Н І Е

С Т О В Т О Р О Й Ч А С Т И .

Стр.

- I. Изящная Словесность.
1. Скрыпная любовь 3
 2. Опырьковъ изъ расказовъ одного пу-
пешештвенника 108
(Оконч.) . . . 219
 3. Муфта старушки 249
 4. Славовспшо на оборонш 315
- II. Современная Исторія.
1. Кацбахское сраженіе 54
 2. Взглядъ на войну Англичанъ съ Ашап-
тіями 151
- III. Отечественная Литература.
1. Предисловіе Г. Лемоніея къ изданію
Басень Г. Крылова 67
 2. Крипика, липерашурныя и другія
новоспн 288 "
- IV. Общія Литература.
- О духъ Поэзін XIX вѣка 276
(Оконч.) . . . 386
- V. Критика.
- Разборъ Поэмы: Петръ Великій 257
(Оконч.) . . . 357
- VI. Антикритика.
1. Корешкій ошѣшь на длинную Анпи-
крипнику 97

2. Возраженіе на спашью въ 11 No Мо- сковскаго Телеграфа	190
3. Ошвѣсть защитникамъ Лечебника, из- даннаго Княземъ Енгальчевымъ	198
4. Ошвѣсть Господину С.	399
VII. Современная Исторія и Политика.	
1. Морская сила Франціи и Сѣверной Аме- рики	87
2. Сравненіе Французской сухопутной силы при Наполеонѣ и при Карлѣ X	92
3. О вліяніи нынѣшней разработкы Аме- риканскихъ рудниковъ	95
4. О причинѣ неуспѣховъ Испанской ар- міи въ Южной Америкѣ	211
5. О положеніи Европейскихъ Кабине- товъ и о внутреннемъ состояніи Фран- ціи	302
6. Сношенія Португаліи съ Бразилією	406
VIII. Стихотворенія.	
1. Массилія	101
2. Шаманы	310
3. Ошрывки изъ Персидской Повѣсти: Орсанъ и Дали	312
IX. Современная Русская Библіографія	
	105
	218
	314
	416

Опечатки — въ 15 книжкѣ Сына Отечества.

Стр. 266 — строкъ, ошъ конца 7. Вѣсто: злословяшь, чи-
тай: злославяшь; стр. 311 строкъ, ошъ конца 15, вѣсто:
котгорыхъ изымаешь — чишай: котгорыхъ изыслаешь